В. А. МЯКОТИНЪ

ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ УКРАИНЫ ВЪ XVII-XVIII ВВ.

ПРАГА

ВАТАГА

и

ПЛАМЯ

В. А. МЯКОТИНЪ

ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ УКРАИНЫ ВЪ XVII-XVIII ВВ.

Томъ I — Выпускъ III

ПРАГА

1926

LEGIOGRAFIE
Praha-Vršovice Sámova 665

4. ОБРАЗОВАНІЕ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ

I

Моментъ созданнаго возстаніемъ Богдана Хмельницкаго разрыва Украины съ польскимъ государствомъ былъ для нея вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ серьезныхъ и глубокихъ измѣненій въ ея общественномъ строѣ. Строгій сословный строй, навязанный ей передъ тѣмъ силой польской государственной власти, строй, отдававшій главную часть населенія въ крѣпостную зависимость шляхетскому сословію, рухнулъ подъ яростнымъ натискомъ народныхъ массъ, поднявшихся на зовъ Хмельницкаго. Привилегированное шляхетское сословіе исчезло въ вихрѣ возстанія, а немногочисленные уцѣлѣвшіе остатки его безслѣдно растворились въ рядахъ козацкаго войска. Исчезло за время возстанія и крѣпостное крестьянство, обратившееся въ главной своей массѣ въ свободныхъ землевладѣльцевъ. Въ результатѣ украинское общество послѣ Богдана Хмельницкаго получило несравненно болѣе простой и однородный характеръ, чѣмъ тотъ, какой оно имѣло подъ польскимъ владычествомъ, тѣмъ болѣе простой и однородный, что за время возстанія и вообще стерлись тѣ рѣзкія грани, которыя существовали раньше между различными общественными группами. Двѣ главныя группы, на которыя распалось послѣ возстанія населеніе Украины, — козацкое «товариство», съ одной стороны, и объединявшее въ себѣ крестьянъ и мѣщанъ «посполььство», съ другой, — не были раздѣлены одна отъ другой никакими непереходимыми гранями. И въ бурные годы возстанія Богдана Хмельницкаго, въ періодъ напряженной борьбы съ Поль-

шей, и въ непосредственно слѣдовавшіе за этимъ періодомъ годы переходъ изъ одной группы населенія въ другую совершался вполнѣ свободно. Вчерашній козакъ сегодня становился по своему желанію посполитымъ, вчерашній посполитый сегодня переходилъ въ козаки— и сами мѣстныя власти смотрѣли на такіе переходы, какъ на явленіе вполнѣ естественное, само собою разумѣющееся и не вызывающее никакихъ сомнѣній.

Черниговскій полковникъ Иванъ Аврамовичъ, разрѣшая въ 1657 г. своему «пріятелю» Ивану Войцеховичу поселить слободу на урочищѣ Московскомъ Селищѣ между селами Пекуровкой и Конотопомъ, позволилъ Войцеховичу призывать на эту слободу въ качествѣ поселенцевъ всѣхъ, «кто толко такъ изъ товариства войска запорожского, яко тежъ (равно какъ) изъ посполитства, зичить и жадаетъ (хочетъ и желаетъ) себѣ на слободу ити». Вслѣдъ за тѣмъ то же позволеніе подтвердилъ Войцеховичу и смѣнившій Аврамовича на посту черниговскаго полковника Іоанникій Силичъ [1]). Ни Аврамовичъ, ни Силичъ не усматривали, очевидно, ничего неправильнаго и непріемлемаго въ переходѣ отдѣльныхъ козаковъ въ положеніе посполитыхъ частнаго владѣльца, разъ этотъ переходъ совершался козаками добровольно. Не усматривали въ такомъ переходѣ ничего неправильнаго и другіе полковники этого времени. Прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко сообщалъ въ 1680 г. товариству и посполитымъ людямъ с. Деймановки, отданнаго гетманомъ Густынскому монастырю, что по условію, заключенному имъ, полковникомъ, съ игуменомъ, козаки даннаго села должны пользоваться «своей давной и неотступной козацкой вольностью». «А которие — прибавлялъ тутъ же полковникъ — з доброй волѣ своей за Третякова полковництва, откинувшися з реестру нашего, сами доброволне монастыреви оповидалися (обязались) служити, такъ теды ми, южъ отставивши от своего послушенства и из реестру витерши, под монастирское начало подали, що южъ (такъ что уже) теперь жаденъ (каждый) таковый, болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуетъ послушанья (обязанъ отбывать должное послушеніе)» [2]). И Горленко, такимъ образомъ, не считалъ нужнымъ протестовать противъ перехода отдѣльныхъ козаковъ по

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, Ч. 1909, с. 527.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центральный Архивъ, № 1616/1027. Семенъ Третьякъ былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1671—72 гг.

ихъ «доброй волѣ» въ ряды владѣльческихъ посполитыхъ, принимая фактъ такого перехода, какъ вполнѣ нормальное явленіе.

Такой переходъ изъ козаковъ въ посполитые совершался тѣмъ легче и незамѣтнѣе, что, и оставаясь въ рядахъ «товариства», козаки не всегда лично отбывали свою военную повинность, а порою выставляли за себя на этотъ случай наймитовъ. Въ 1664 г. Григорій Косаговъ, отправившись съ московскими ратными людьми и съ нѣсколькими сотнями козацкаго войска въ походъ подъ Корсунь, съ дороги писалъ въ Москву: «а черкасъ въ моемъ полку самихъ козаковъ немного, все наймиты овчары изъ винницъ, и малыхъ робятъ много; а сами козаки живутъ въ домахъ своихъ» [1]). Случалось порою и такъ, что наймитомъ, отправлявшимся въ походъ вмѣсто козака, являлся владѣльческій посполитый, причемъ за его службу козакъ расплачивался съ нимъ своей землей. И опять-таки мѣстныя административныя и судебныя власти, вплоть до членовъ генеральнаго суда, еще въ концѣ XVII вѣка не находили нужнымъ протестовать противъ такого рода сдѣлокъ, не усматривая въ нихъ ничего неправомѣрнаго. Вотъ для примѣра одинъ изъ документовъ, наглядно обрисовывающихъ эту сторону взаимныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, — уступная запись, выданная въ 1696 г. «товарищемъ понорницкой сотни» Якимомъ Полевымъ. «Я, нижей подписанный, — говорится въ этой записи — сознаю симъ писаніемъ моимъ теперъ и на потомніе часы, кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ (что) подданый обители святыя Кіево-Печерскія, а житель радичевскій, именно Михалъ Плотка, доброволне от мене нанятій, не толко на господарскую (хозяйственную) работу, но и въ походы военніе отъ мене посилаемый хожовалъ, а служилъ самъ собою лѣтъ шесть, а со женою своею лѣтъ мало не пять, всего чинитъ (составляетъ) близъ одинадцати годъ. За таковую его вѣрную службу ведлугъ (согласно) слова и постановленія моего повиненъ я оному Михалеви третью часть имѣнія во всѣхъ кгрунтахъ моихъ виделить и дать, и ужемъ (уже я) былъ по должности моей оному слузѣ третину во всемъ отделилъ. Но за совѣтомъ пана сотника нашего... не попущалемъ тоей третини ему, Михалеви, заживать (пользоваться); за таковую теды кривду позивалъ мене Михалъ Плотка в Батуринъ до суду войскъ Запорозкихъ енерална-

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 63, с. 158.

го... Тамо передъ судомъ панскимъ енералнимъ, яко позваный, очевисте ставши, по совершенной інквѣзиціи (разбирательству) между нами обѣма сторонами, декретовано мене двома способами, албо (или) ему, Михалеви, яко доброволному слузѣ, за его вѣрную працу (работу) третую часть имѣнія моего в кгрунтахъ дать, албо грошми копъ пятьдесятъ платить велено. Повинуючися теди суду святому, избралемъ себѣ з тихъ двоихъ декреталныхъ наказовъ третину кгрунтовъ моихъ отдать, которую видѣливши, вѣчне ей отступаю и не мѣю южъ вѣчними часы такъ я самъ, яко и потомки и кревніи, близкіи и далекіи, до тоей третини кгрунтовъ інтересоватися, але (но) ему, Михалеви, яко власнимъ (собственнымъ) своимъ кгрунтомъ, волно, якъ хотѣти, диспоновати» [1]).

Не отбывая лично военной повинности, посылая за себя въ походы наймита, козакъ сближался уже съ посполитымъ, но продолжалъ еще оставаться въ рядахъ «войскового товариства». Бывало однако и такъ, что козаки, стремясь совершенно избавиться отъ тягостей военной службы, дѣлали еще одинъ шагъ и формально переходили въ положеніе посполитыхъ. Съ другой стороны, бывали и такіе случаи, что сами козаки не дѣлали этого шага, довольствуясь лишь уклоненіемъ отъ военной службы, но власть, именно въ виду такого ихъ уклоненія, сама переводила ихъ въ ряды посполитыхъ. Въ 1678 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря жаловался гетману Мазепѣ, что «козаки, прошлого лѣта в маетностехъ монастирскихъ ново до реестру козацкого повписованые, любо (хотя) двигнены были в походъ теперешное войсковое дороги посполу (вмѣстѣ) з иными козаками, однакъ, не дочекавши (дождавшись) належитого в той службѣ конца, знать не хотячи тоее праци (работы) войсковое двигати, прежде времени поворотилися назадъ до домовъ своихъ, а теперъ волностями козацкими себе охороняютъ». Въ виду этого игуменъ просилъ возвратить такихъ нововписанныхъ козаковъ «подъ послушенство монастырское» и гетманъ нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу. «Мы теды, — писалъ Мазепа въ своемъ универсалѣ «паномъ полковникомъ черниговскому, нѣжинскому и стародубовскому и всей старшинѣ и черни, в тыхъ полкахъ найдуючойся», — «уважаючи самою слушностью, же (считая вполнѣ справедливымъ, что) козакъ нововписаный давному

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1319.

такому, який от килка десять (втеченіе нѣсколькихъ десятковъ) лѣтъ, а иный з отца, албо и з дѣда працы войсковіи двигаетъ, ровенъ быти не можетъ, для чого и волности козацкой ровной новому з давнымъ уживати (имѣть) не доводится, яко тотъ тыхъ утѣкачовъ нестатокъ ганимъ (проступокъ порицаемъ), такъ и мѣти хочемъ и приказуемъ, абы (чтобы) всѣ тые, хочъ старіе козаки, якіе, безвременно з войска поворочавшися, до домовъ поприходили, а новіе всѣ под послушенство монастира Новгородского были подвернены, кромѣ тыхъ давныхъ, що в войску працовалы и працовати хочутъ статечне» [1]). Иногда, впрочемъ, гетманъ въ аналогичныхъ случаяхъ ограничивался и менѣе рѣшительными мѣрами. Такъ, тотъ же Мазепа, получивъ въ 1698 г. жалобу отъ архимандрита черниговскаго Елецкаго монастыря на чрезмѣрное обремененіе подданныхъ монастырскихъ имѣній «общенародными повинностями», удовольствовался предписаніемъ, чтобы «козаки, в тихъ же селахъ монастирскихъ живучии, котории нѣколи (никогда) до войска не ходятъ, помочними были людямъ тяглимъ в кормленю компанѣйцовъ и пѣхотного товариства» [2]). За то даже исправно отбывавшіе военную повинность козаки иногда наравнѣ съ посполитыми обязывались нести нѣкоторыя повинности въ пользу владѣльцевъ, чаще всего — исправлять плотины («гатить гребли») у владѣльческихъ мельницъ. Гетманъ Многогрѣшный, напримѣръ, въ 1669 г. предписалъ и посполитымъ, и козакамъ с. Кирѣевки исправлять въ этомъ селѣ плотину, на которой стояли мельницы Новгородсѣверскаго монастыря, и послѣ того это распоряженіе было подтверждено и гетманами Самойловичемъ и Мазепой. Въ 1704 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался Мазепѣ, что это распоряженіе не выполняется, и тогда Мазепа обратился къ «атаману съ товариствомъ и войту со всѣми посполитыми людьми, жителями села Кириевки», съ особымъ универсаломъ. «Приказуемъ вамъ симъ писаніемъ нашимъ грозно, — писалъ онъ въ этомъ универсалѣ — абысте (чтобы вы) по прежнему миромъ оную греблю в гаченю направляли, поневажъ (такъ какъ) черезъ оную до млиновъ ихъ ездите и в ихъ млинахъ всякое збоже (хлѣбъ) мелете и вигоду себѣ мѣете, а над то еще, череду (стадо) свою гонячи в поле и з поля, также и сами уставичне (постоянно) ездячи за своими потребами, греблю розбиваете; а еслибы по давнему обыкновенію за упоромъ и огурствомъ

[1]) Тамъ же, № 1616/2487.
[2]) Тамъ же, № 1616/746.

якимъ тоей греблѣ Кирѣевской не похотѣлисте гатити, то позволимо имъ, законникамъ (монахамъ), на той греблѣ кобылицю закинути и переездъ черезъ оную вамъ зборонити» [1]). И такія повинности козаковъ по отношенію къ владѣльцамъ порою сохранялись довольно долго. Еще въ 1723 г. игуменъ Омбышскаго монастыря просилъ наказного нѣжинскаго полковника распорядиться, чтобы въ с. Омбышѣ козаки «греблю всѣ обще, всякому селянину до переезду и млыва (помола) потребную, гатили», и полковникъ въ отвѣтъ на эту просьбу, дѣйствительно, заявилъ, что «греблю, якъ всѣмъ омбышанамъ потребную, селомъ гатити надлежитъ, якъ везде дѣется по городахъ и селахъ» [2]).

Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своей жизни козаки стояли такимъ образомъ очень близко къ посполитымъ, настолько близко, что даже иныя повинности послѣднихъ по отношенію къ владѣльцамъ имѣній порою распространялись и на козаковъ. При этомъ, отличаясь отъ посполитыхъ прежде всего своей военной службой, козаки на первыхъ порахъ не всегда отбывали эту службу непремѣнно лично: они могли выставлять — и нерѣдко дѣйствительно выставляли — въ отправлявшееся въ походъ войско своихъ наймитовъ и такими наймитами подчасъ являлись посполитые, вполнѣ уравнивавшіеся въ этомъ случаѣ съ козаками. Вмѣстѣ съ тѣмъ козацкое «товариство», какъ оно сложилось послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, не представляло собою и замкнутой, строго обособленной отъ остального населенія, группы. Отдѣльнымъ членамъ этого «товариства» всегда открыта была дорога изъ него и на практикѣ они нерѣдко и переходили въ посполитые, не встрѣчая никакого препятствія къ такому переходу со стороны власти. Въ свою очередь эта послѣдняя считала за собою право переводить отдѣльныхъ козаковъ, не выполнявшихъ своей служебной повинности, въ число посполитыхъ и порою пользовалась этимъ правомъ на практикѣ.

Но если козакамъ была открыта дорога въ «посполоьство», то посполитые, съ своей стороны, могли переходить и, дѣйствительно, переходили въ ряды козачества. Съ началомъ возстанія Богдана Хмельницкаго, послѣ первыхъ побѣдъ его надъ поляками, крестьянство и мѣщанство массами хлынуло въ ряды козацкаго войска. «Посполоьство — разсказывалъ гетманскій посла-

---

[1]) Документы монастырей, арх, Черниг. Каз. Палаты №№ 1616/2468 1616/2469, 1616/2482, 1616/2494, 1616/2493.
) Тамъ же, № 1616/1760.

нецъ въ Москвѣ — въ казачество все поворотилось»[1]). И это чуть не сплошное окозаченіе Украины, окозаченіе, доходившее до того, что населеніе такихъ крупныхъ городовъ, какъ Стародубъ, цѣликомъ переписывалось въ козаки, продолжалось, съ нѣкоторыми лишь перерывами, почти до самаго присоединенія ея къ Московскому государству. Съ теченіемъ времени, правда, немалая часть мѣщанъ и крестьянъ, ушедшихъ было въ козаки, вновь вернулась въ посполиство. Но та причина, которая заставляла Богдана Хмельницкаго въ 1648 —54 гг. призывать посполитыхъ въ козачество, не прекратила своего существованія и послѣ присоединенія Украины къ Москвѣ, и послѣ смерти самого Богдана. Съ одной стороны, непрерывныя войны съ сосѣдями, съ другой, внутреннія междоусобицы, раздиравшія Украину, побуждали и ближайшихъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго въ цѣляхъ увеличенія своей военной силы время отъ времени призывать посполитыхъ въ козацкіе полки. Такіе призывы практиковались еще въ концѣ XVII вѣка, и украинскій лѣтописецъ, описывая приготовленія гетмана Самойловича къ походу на Крымъ въ 1687 г., отмѣчаетъ среди этихъ приготовленій и такое: «козаковъ приболшано з посполства»[2]).

Но переходъ посполитыхъ въ козаки совершался и помимо этихъ, повторявшихся отъ времени до времени призывовъ со стороны власти. Отдѣльные посполитые переходили въ козачество и по своему собственному почину, причемъ такой переходъ въ свою очередь порою достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ с. Быстрикѣ, лежавшемъ на территоріи Нѣжинскаго полка и принадлежавшемъ Черниговскому Каѳедральному монастырю, какъ разсказывалъ въ 1705 г. одинъ изъ старожиловъ этого села, еще въ 1665 г. монастырскихъ подданныхъ насчитывалось 120 тяглыхъ человѣкъ. «Тилко — продолжалъ упомянутый старожилъ свой разсказъ — часъ отъ часу стало насъ, людей тяглыхъ, уменьшатись, бо почали вписоватися въ козацтво», и, наконецъ, къ гетманству Мазепы «подданнихъ монастырскихъ такъ далеце уменьшилося, же (что) зосталося было тяглыхъ пять человѣка»[3]). Подобные же переходы посполитыхъ въ козаки практиковались и въ другихъ мѣстностяхъ, встрѣчая порою прямую под-

---

[1]) Востоковъ. Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой, «Кіевская Старина», 1887 г., № 8, стр. 123.

[2]) Лѣтопись Самовидца, с. 166.

[3]) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи, вып. 2, сс. 350—1, примѣчаніе.

держку со стороны властей. Въ 1708 г. посполитый с. Поповой-Горы, принадлежавшаго Кіево-Печерской лаврѣ, Климъ Ильичъ, вслѣдствіе притѣсненій монастырскаго управляющаго, оставилъ свою землю и ушелъ въ с. Ширки, гдѣ купилъ землю у козака и сталъ отбывать козацкую повинность, обратившись при этомъ къ защитѣ стародубовскаго полковника Лукьяна Жоравки. Послѣдній не отказалъ ему въ его «слушномъ прошеніи» (справедливой просьбѣ) и принялъ просителя въ «компутъ козацкій» [1]), такъ какъ «онъ, Климъ Ильичъ, увесь свой грунтъ оставивши въ Поповой-Горѣ, никому не завелъ и уже на ономъ тяглій человѣкъ мешкаетъ (живетъ), ченцамъ отбуваетъ всякую повинность и послушенство» [2]).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ принятіе посполитаго въ число козаковъ было мотивировано тѣмъ, что онъ покинулъ тотъ земельный участокъ, на которомъ онъ жилъ, будучи посполитымъ. Но въ болѣе раннее время, и въ особенности въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, посполитые, не исключая и посполитыхъ владѣльческихъ, переходили въ козачество, удерживая за собою и свои земельные участки. И въ сохранившихся отъ начала XVIII вѣка разсказахъ старожиловъ о болѣе раннемъ времени имѣется рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, какъ легко и по какимъ разнообразнымъ поводамъ совершались тогда такіе переходы. Я позволю себѣ воспроизвести здѣсь для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ, такъ какъ только на такихъ конкретныхъ примѣрахъ можно вполнѣ ясно представить себѣ характеръ тѣхъ отношеній, какія установились между различными группами населенія въ селахъ и деревняхъ Украины послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго.

Въ селѣ Омбышѣ, принадлежавшемъ устроенному здѣсь по просьбѣ прежней владѣлицы Кіево-Печерской Лаврой Омбышскому монастырю, — разсказывалъ въ XVIII вѣкѣ 83-лѣтній мѣстный старожилъ, «бояринъ» Савва Грушевскій, хорошо помнившій со словъ своего отца Хмельницину, — до возстанія Богдана Хмельницкаго вовсе не было козаковъ. При Хмельницкомъ же многіе изъ мѣстныхъ посполитыхъ перешли въ козаки и монахамъ нельзя стало «належите владѣть» оставшимися въ ихъ подданствѣ людьми изъ-за этихъ «назвавшихся козаковъ, якіе насилне чрезъ

---

[1]) «Компутами» назывались списки козаковъ, ведшіеся сотенными и полковыми властями.

[2]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. 3, сс. 713—15.

лютую свою злобу панскими и людскими борами, лѣсами, полями, сѣнокосами и прочими пахатными и непахатными грунтами и рыболовлями, отнимаючи, позавладѣли». Но этимъ дѣло не ограничилось и переходъ посполитыхъ въ козаки продолжался въ Омбышѣ и послѣ Хмельницкаго. Немало людей, — разсказывалъ Грушевскій — «з сторони пришовши предъ Чигринщиною, в Омбишѣ поселилися на монастирскихъ грунтахъ и, слободу висидѣвши, не схотѣли зоставати у подданствѣ да вписалися въ козаки». «Васко Кушвидъ — сообщалъ Грушевскій о нѣкоторыхъ изъ такихъ переселенцевъ — пришелъ до Омбиша на слободу предъ Чигринщиною и з шваґромъ своимъ Лаврѣномъ и, поселившись на монастырскомъ грунтѣ, вписались в козатство... Иванъ Кузменко, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастирскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ... Максюта, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастирскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ и оный Максюта синовъ не имѣлъ, а принялъ к себѣ до половини Юска Бабича, махновского родимця (уроженца), и въ походахъ оный Бабичъ не бивалъ, а на грунтѣ якомъ Максюта жилъ и козаковалъ, и по смерти Максютиной на томъ же монастирскомъ грунтѣ и Бабичъ жилъ, а по смерти Бабичевой жена его той грунтъ продала козаку Данилу Легкому... Степанъ Дрига, родимецъ Хорошого Озера и вономъ селѣ не козаковалъ, ибо не имѣлъ своего грунту, но в своего дядка вмѣсто наймита жилъ, когда жъ взялъ за себе в козака Леска Лузана дѣвку и, перейшовши з Хорошого Озера до Омбыша, сталъ жить при тестю, потомъ купилъ (у другого изъ новыхъ омбышскихъ козаковъ) половину грунту и, жиючи на той половинѣ, сталъ козаковать». Иные изъ этихъ козаковъ, вписавшись въ козачество, ходили и въ походы, иные не бывали въ нихъ, а иные старательно и небезуспѣшно избѣгали всякихъ походовъ. «Грицко Дурейченко — разсказывалъ Грушевскій — родился въ Омбышѣ и нѣ в якихъ походахъ не былъ, ибо толко загадаютъ (позовутъ) в походъ, то онъ пойдетъ из села и не является, поки козаки виступлятъ в походъ... Жукъ жилъ на монастирскомъ грунтѣ и былъ нѣ подданый, нѣ козакъ, ибо если загадаютъ в войско, то онъ подданимъ називается, толко жъ войско проминетъ, то онъ знову козакомъ зовется, и в походахъ нѣякихъ не былъ» [1]).

Такія же или почти такія же показанія сохранились и о на-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центр. Архивъ, № 1616/1164.

селенiи многихъ другихъ мѣстностей лѣвобережной Украины. Такъ, въ селѣ Коровинцахъ, расположенномъ въ Лубенскомъ полку, въ 1722 г. произведено было, по распоряженiю наказнаго гетмана Полуботка, «изслѣдованiе» о «причисляющихся къ чину козачому», и изслѣдованiе это дало картину, въ очень многомъ похожую на ту, какая нарисована была показанiями Саввы Грушевскаго для с. Омбыша. Наряду съ козаками, неизмѣнно остававшимися членами войскового «товариства», и въ Коровинцахъ оказалось не мало такихъ козаковъ, которые вошли въ козачество изъ рядовъ посполитыхъ. На первомъ мѣстѣ среди коровинскихъ старожиловъ «изслѣдованiе» поставило Юска Юхту, «козака старости глубокой, понеже не токмо имени его в компутѣ сотни Роменской отъ начала козацтва его жь, но и компуту самого нѣтъ одъ того времени». Юхта показалъ о себѣ, что «родился онъ, Юско, въ Коровинцяхъ, а памятаетъ Хмелницкого гетмана старого», и всю жизнь пробылъ козакомъ, причемъ участвовалъ въ рядѣ походовъ. Но тутъ же онъ прибавилъ, что «самъ онъ, Юхта, принялъ Науменка, сына мужичого, зятя своего, на пляцъ (въ усадьбу) и щититъ (защищаетъ) одъ повинностей мужичихъ». Другой старинный коровинскiй козакъ, Иванъ Яковенко, заявилъ, что онъ «поселився в Коровинцяхъ одъ Хмелницкого, на отчимовскомъ козачомъ кгрунтѣ, сыновъ з нимъ четверо на едномъ пляцу и зять, сынъ мужичiй, Иванъ Загребелненко». Еще одинъ козакъ, Федоръ Лаврикъ, — «сыновъ зоставилъ четырехъ: Ивана, Матвѣя, Ивана и Андрѣя; служатъ козацко в куренѣ, живутъ селитбою порознь: Иванъ старѣйший на Тишковскомъ дядковскомъ козачомъ кгрунтѣ и тестя мужика принялъ, а тестевскимъ пляцомъ владѣетъ; Матвѣй купивъ кгрунтъ у мужика Андрѣя Журавля; Иванъ молодший на Коноваловомъ мужичомъ пляцу; Андрѣй на отцевскомъ кгрунтѣ». «Семенъ Бѣлокобила, синъ мужичiй, — записывалъ далѣе производившiй «изслѣдованiе» войсковой товарищъ — принятъ в реестръ козачiй и, понявши дочь Терешка, тогда атаманствовавшого, живъ и живетъ на родителскомъ кгрунтѣ мужичомъ... Грицко Коваленко, атаманъ нинѣшний, по родителю Федору Ковалю, за Самойловича гетмана з Смѣлой зашедшомъ [которий подъ Казикерменомъ чрезъ его жь неразсудокъ взятъ в неволю на чужомъ коню], не былъ нигде в козачей службѣ ни онъ, ни Охрѣмъ, братъ его молодший, доселѣ и служатъ к дворцу (владѣльческой усадьбѣ); поселився Грицко з волѣ державской на мужичомъ Пригариномъ пустомъ кгрунтѣ... Василь

Щербина, синъ мужичий, по полтавской баталіи упросився у козацтво и живетъ на мужичомъ отческомъ кгрунтѣ, и дядка маетъ Щербину мужика... Иванъ Кудлаенко [по отцу, подъ Казикерменомъ бившомъ, а потомъ в мужики вписавшемся и помершемъ], которого матка вiйшла била за козака, живетъ на отческомъ кгрунтѣ некупномъ державскомъ»[1]).

Ни Омбышъ, ни Коровинцы, конечно, не представляли собою какого-либо исключенія. Тѣ факты, которые имѣли мѣсто въ этихъ селахъ, повторялись на протяженіи второй половины XVII вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Украины. Какъ козаки свободно выходили по своей волѣ изъ рядовъ «товарusства» и вступали въ число посполитыхъ, такъ въ свою очередь и посполитые нерѣдко покидали свою группу и вступали въ козачество. Иногда толчкомъ къ такому переходу являлись родственныя отношенія. Посполитый, женившійся на дочери козака, порою и самъ переходилъ въ козаки, даже независимо отъ того, переходилъ ли онъ при женитьбѣ въ дворъ тестя, устраивалъ себѣ новый дворъ или оставался въ своемъ старомъ дворѣ. Точно также и посполитый, выдававшій свою дочь за козака, порою и самъ переходилъ въ козачество. Бывали и обратные случаи, когда зять-посполитый перетягивалъ тестя-козака въ число посполитыхъ или когда посполитый, выдавъ свою дочь за козака, привлекалъ и этого послѣдняго въ свою группу. Но наряду съ этимъ не мало было и такихъ случаевъ, когда переходы посполитыхъ въ козаки и обратно совершались внѣ всякой связи съ родственными отношеніями, исключительно въ силу того, что тотъ или иной козакъ либо посполитый находилъ для себя почему-либо болѣе выгоднымъ и подходящимъ оставить свою группу и приписаться къ другой. «Поспольство» лѣвобережной Украины въ томъ видѣ, какой оно получило послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, такъ же мало, какъ и козачество, являлось замкнутой и обособленной группой, и между двумя этими группами населенія долгое время шло живое и непрерывное общеніе и совершался постоянный обмѣнъ людьми, лишь временами создававшійся мѣрами власти, въ главной же своей части протекавшій внѣ прямой зависимости отъ такихъ мѣръ и обязанный своимъ возникновеніемъ воздѣйствію иныхъ, болѣе глубокихъ и серьезныхъ, причинъ.

Во всякомъ случаѣ эти двѣ основныя группы населенія Укра-

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, нынѣ хранящейся въ библіотекѣ Кіевскаго университета.

ины послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго не были обособлены одна отъ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не были обособлены ни отъ нихъ, ни между собой и всѣ остальныя группы населенія. Какъ козакъ свободно переходилъ по своей волѣ въ мѣщане или крестьяне, какъ крестьянинъ или мѣщанинъ легко и безъ особыхъ препятствій вписывался въ козацкій «компутъ» и становился членомъ «войскового товариства», точно такъ же рядовой членъ этого товариства могъ при удачѣ подняться до любой должности, до любого «уряда» въ войскѣ, могъ, иначе говоря, стать членомъ старшины. Эта старшина довольно скоро сложилась въ особую группу, тѣсно сплоченную общностью своихъ интересовъ, но группа эта въ свою очередь не являлась замкнутой и отдѣленной какими-либо рѣзкими гранями отъ остального населенія. Доступъ къ «урядамъ», а, слѣдовательно, и путь въ старшину былъ свободенъ для всякаго козака и тѣмъ самымъ былъ до извѣстной степени открытъ и для посполитыхъ, пока для нихъ оставалась открытой дорога въ козачество. Мало того, — бывали иногда и случаи непосредственнаго перехода отдѣльныхъ посполитыхъ въ группу старшины, и такіе случаи бывали не только въ XVII вѣкѣ, но еще и въ началѣ XVIII столѣтія. «Покойный антецессоръ (предшественникъ) мой — заявлялъ, напримѣръ, въ 1719 г. прилуцкій полковникъ Галаганъ — кревнихъ (родныхъ) своихъ, посполитихъ синовъ, в козацкий компутъ принялъ, а особливе без жадной (всякой) войсковой заслуги Григорія Панченка на урядъ асаулства, сина посполитого, произвелъ» [1]). Въ 1745 г. управитель принадлежавшей гетману Разумовскому Быковской волости подалъ жалобу на проживавшихъ въ с. Усовкѣ, лежавшемъ въ предѣлахъ этой волости, войсковыхъ канцеляристовъ Ивана и Ефима Данилевскихъ. По словамъ жалобщика, отецъ этихъ Данилевскихъ, Никита, «будучи в подданствѣ и отбуваючи к дворцу всякія общенародныя повинности, распахалъ собственной его яснєвелможности немалымъ числомъ земли и, оною владѣя, платилъ по минувшій 737 годъ чиншевыхъ в казну денегъ по шесть рублей», послѣ же того онъ, а по его смерти и дѣти его, перестали платить этотъ чиншъ и, пользуясь землей безплатно, еще посадили на ней нѣсколько подсусѣдковъ[2]). Въ XVIII вѣкѣ подобные

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла Черниг. Палаты Уг. и Гражд., оп. 2, св. 1, № 1.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла бывшаго архива намѣстническаго правленія.

случаи считались уже чѣмъ-то ненормальнымъ, но въ болѣе раннее время — то время, когда складывался общественный строй гетманщины, — они были хотя и не частымъ, но все же нормальнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣніе имѣніями, сосредоточившееся по преимуществу въ рукахъ старшины, не составляло исключительной привилегіи этой послѣдней. Наряду съ старшиной имѣнія давались и такимъ козакамъ, которые не занимали никакого «уряда», а иногда имѣнія получались и мѣщанами, по большей части вступавшими при этомъ въ ряды «войскового товариства». И случаи такого вступленія людей «посполитого чину» въ козачество, благодаря пріобрѣтенію ими имѣній, бывали опять-таки еще въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1724 г. стародубскій мѣщанинъ Иванъ Тищенко, женившись на вдовѣ Василія Журмана, внука полкового стародубовскаго обознаго, просилъ генеральную войсковую канцелярію, «дабы на всѣ движимие и недвижимие добра поосталие Журмановские, которими першій нинѣшной жони его мужъ по унѣверсалахъ гетманскихъ и по премощнѣйшой императорского величества грамотѣ владѣлъ, позволено ему владѣть же безперепонно, такожъ и з тихъ добръ, яко козачихъ, войсковую отправовать бы ему противъ протчіихъ службу». И правители генеральной канцеляріи, представлявшіе тогда въ Малороссіи высшую мѣстную власть, «видячи его, Тищенка, до службы войсковой згодность и способность, якъ казали оного до компуту козачого между значковое полку стародубовского принять и вписать товариство», такъ и позволили ему «всѣми движимими и недвижимими добрами, по умершому Василію Журману, такожъ селомъ Задубеню с мелницею, владѣть спокойне» [1]). Такимъ образомъ не только тѣ или иныя личныя заслуги, но порою даже фактъ женитьбы на вдовѣ владѣльца имѣнія, могъ еще въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія сдѣлать мѣщанина въ свою очередь владѣльцемъ имѣнія и ввести въ «войсковое товариство». Но, вступая въ послѣднее въ качествѣ владѣльца имѣнія, мѣщанинъ входилъ именно въ тотъ слой козачества, который ближе всего стоялъ къ старшинѣ и изъ котораго, главнымъ образомъ, и рекрутировалась она, — въ слой, носившій наименованіе «значнаго товариства».

Къ тому же слою «значнаго товариства» примыкали обыкновенно и сыновья лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видные

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки Кіевской коллегіи Галагана, № 9, Документы, л. 83-об.

«уряды» въ войскѣ, разъ сами эти сыновья не успѣвали получить какіе-либо уряды и войти такимъ образомъ въ ряды старшины. Но наряду съ этимъ нерѣдки были и факты перехода изъ старшины и тѣсно примыкавшаго къ ней «значнаго товариства» въ другія группы населенія. Нерѣдко случалось, что тотъ или иной козакъ, просидѣвъ нѣкоторое время на какомъ-либо урядѣ, затѣмъ вновь возвращался въ массу рядового козачества и навсегда уже затеривался въ ней. Еще чаще возвращались въ эту массу и смѣшивались съ нею сыновья и болѣе далекіе потомки «урядниковъ», порою даже очень видныхъ. А бывало и такъ, что потомки даже такихъ крупныхъ сравнительно «урядниковъ», какъ полковники и члены полковой старшины, переходили въ разрядъ посполитыхъ и въ концѣ концовъ оказывались въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ [1]). Иначе говоря, на первыхъ порахъ самостоятельнаго существованія Украины ея старшина представляла собою лишь одинъ изъ разрядовъ козачества, столь же мало замкнутый отъ остального населенія, какъ и все вообще «войсковое товариство». И, быть можетъ, наиболѣе нагляднымъ выраженіемъ этого отсутствія замкнутости отдѣльныхъ группъ населенія являлось то обстоятельство, что члены старшины, получая въ свое владѣніе населенныя имѣнія, порою находили въ нихъ, въ качествѣ своихъ «подданныхъ», своихъ же родныхъ. При этомъ власти, распоряжавшіяся раздачей имѣній, не только не усматривали ничего непріемлемаго въ такой отдачѣ однихъ родственниковъ въ «подданство» другимъ, но и утверждали ее спеціальными распоряженіями. Такъ, въ 1712 г. переяславскій полковой судья Иванъ Берло обратился къ гетману Скоропадскому съ просьбой подтвердить ему всѣ его владѣнія въ сс. Рогозовѣ, Жеребятинѣ и Софіевкѣ и въ томъ числѣ «три человѣка его жъ кревнихъ», и гетманъ исполнилъ эту просьбу [2]). Подобнымъ же образомъ въ 1715 г. гетманъ Скоропадскій подтвердилъ сыну переяславскаго полковника Стефана Томары, Василію Томарѣ, различныя владѣнія его отца и въ числѣ ихъ «кревнихъ Лизогубовскихъ» [3]).

---

[1]) Такъ, правнуки переяславскаго полкового судьи Якова Рустановича, Петръ и Яковъ Рустановичи, въ 1749 г. называли себя «протекціантами» Разумовской, иначе говоря, были ея посполитыми. Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Воронковской сотни, № 153. И такихъ примѣровъ можно было бы привести немало.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, документы, № 30.

[3]) Тамъ же, № 65; такое же подтвержденіе дано было Василію Томарѣ въ 1729 г. гетманомъ Апостоломъ — тамъ же, № 66.

Стефанъ Томара былъ женатъ на дочери Ефима Лизогуба [1]) и такимъ образомъ гетманъ утвердилъ во владѣніи Василія Томары его родственниковъ по матери. Какъ можно видѣть уже изъ этихъ примѣровъ, члены одного и того же рода, а то даже одной и той же семьи, размѣщались порой по очень различнымъ ступенямъ соціальной лѣстницы: въ то время, какъ одни изъ нихъ достигали болѣе или менѣе видныхъ урядовъ и занимали положеніе старшины, другіе оставались рядовыми козаками либо переходили въ посполитые и въ этомъ послѣднемъ случаѣ временами попадали даже въ «подданство» къ своимъ болѣе удачливымъ родственникамъ.

Старшина, значное товариство, рядовое козачество, поспольство, включавшее въ себя мѣщанство и крестьянство, всѣ эти разряды и группы украинскаго общества послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго не были, такимъ образомъ, отгорожены и обособлены другъ отъ друга, наоборотъ, всѣ они находились въ непрерывномъ общеніи, постоянно отдавая каждый своихъ членовъ въ другія, сосѣднія группы населенія и въ свою очередь воспринимая изъ этихъ послѣднихъ новыхъ членовъ въ свой составъ. И тѣми же чертами въ значительной мѣрѣ опредѣлялся характеръ и еще одной группы украинскаго общества, какъ оно сложилось въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, — группы духовенства. Какъ и всѣ другія общественныя группы Украины этой эпохи, духовенство не представляло собою замкнутаго класса. Мѣста приходскихъ священниковъ почти всегда заполнялись по выбору прихожанъ и выборъ этихъ прихожанъ — козацкаго «товариства» и посполитской «громады» — очень часто падалъ на свѣтское лицо, на того или иного козака либо посполитаго, который лишь послѣ состоявшагося уже выбора принималъ посвященіе въ санъ. Нерѣдко случалось, что какой-либо козакъ, послуживъ въ войскѣ и даже посидѣвъ нѣкоторое время на болѣе видныхъ урядахъ, затѣмъ оставлялъ козацкую службу, переходилъ въ ряды духовенства и либо становился приходскимъ священникомъ, либо занималъ по назначенію духовныхъ властей другую, болѣе важную, должность. Такъ, козакъ Лаврентій Каспровичъ, принявъ священство, сталъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка «войсковымъ капелланомъ», выбельскій сотникъ Шуба, перейдя въ это же время въ ду-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Люди старой Малороссіи, К. 1882, с. 24.

ховенство, сдѣлался приходскимъ священникомъ въ Черниговѣ, прилуцкій полковой писарь Лисаневичъ въ началѣ XVIII вѣка покинулъ козачество и былъ назначенъ прилуцкимъ протопопомъ. Такіе переходы посполитыхъ, рядовыхъ козаковъ и членовъ старшины въ духовенство въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка были, можно сказать, повседневнымъ явленіемъ. Но, съ другой стороны, не менѣе часты были и факты иного порядка. Въ бурную эпоху, послѣдовавшую за присоединеніемъ Украины къ Москвѣ, эпоху, когда въ страну то и дѣло вторгались иноземныя войска, а внутри ея вспыхивали и разгорались почти непрерывныя междоусобицы, даже священники, случалось, отлагали въ сторону свои обѣты и обращались въ воиновъ. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу — писалъ въ Москву въ 1659 г. одинъ малорусскій священникъ — бьетъ челомъ богомолецъ твой, города Зинькова церкви архангела Михаила попъ Григорьище Ивановъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 167 году, какъ приходилъ твой государевъ измѣнникъ Иванъ Выговской съ ляхами и съ нѣмцы и съ татары и своими козаки и приступалъ ко городу Зинькову... тѣмъ непріятелямъ городъ Зиньковъ не поддался и бились съ ними, сколько мочи было; и я, богомолецъ твой, на приступѣ подъ Зиньковомъ, бороняся отъ себя и отъ города, убилъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ человѣкъ съ 60 и больше, и отъ тѣхъ, государь, мѣстъ я, богомолецъ твой, безъ твоего государева указу и безъ благословенія архіерейскова служить въ церкви Божіи не смѣю... Вели, государь, мнѣ служить по прежнему, чтобъ церковь Божія, твое, государь, богомолье, впустѣ безъ пѣнія не была и чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, разореному отъ воинскихъ людей, было чѣмъ кормиться» [1]). Такое превращеніе священника въ воина было, конечно, лишь рѣдкимъ исключеніемъ и при этомъ даже обратившійся временно въ воина священникъ все же оставался священникомъ. Но уже съ дѣтьми духовныхъ лицъ дѣло стояло иначе. Эти дѣти далеко не всегда оставались въ духовномъ званіи и сыновья священниковъ очень часто переходили въ козачество, а то и прямо въ старшину. Для священника, какъ и для сына козака, была открыта дорога ко всѣмъ «урядамъ», вплоть до гетманскаго, и Самойловичъ, напримѣръ, такъ и остался въ памяти своихъ современниковъ и ближайшаго потомства подъ именемъ «гетмана Поповича». А наряду

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. IV, № 110. II, сс. 207—8.

съ этимъ бывали и такіе случаи, что послѣ смерти священника семья его переходила въ посполитые и даже попадала въ «подданство» къ тому или другому владѣльцу. Иногда такой переходъ семьи священника во владѣльческіе посполитые совершался даже по его собственной волѣ. «Записую — писалъ, напримѣръ, въ 1725 г. въ своемъ духовномъ завѣщаніи священникъ лежавшаго въ Переяславскомъ полку села Коробовки — овдовѣлую жену мою и дѣти мои з дворомъ, в Коробовцѣ стоячимъ, во вѣчное до святой обители (Красногорскаго Золотоношскаго монастыря) послушаніе... в чомъ они весма би имѣли всякую слушную (справедливую) чинити имъ, когда востребуютъ они, законники, послугу, яко жена моя и дѣти, подъ клятвою моею и неблагословеніемъ грожу и приказую, а если бы они хотѣли где уклонитись на сторону тайно, или иного защитителя востребовати, или своей, яко владѣлцомъ своимъ, не чинить повинности, волно имъ, законникомъ, ихъ отдалить отъ двора и иного вселить, кого имъ надобно, а они, законники, повинни мене по християнску погребсти, сорокоустъ отслужить и всячески отпоминать» [1]). Въ результатѣ такихъ переходовъ духовенство находилось въ постоянномъ общеніи съ другими группами населенія. И если лица, переходившія въ него изъ этихъ группъ, въ дальнѣйшемъ были прочно привязаны къ духовному званію, то уже для ихъ дѣтей опять-таки была открыта возможность безпрепятственнаго ухода изъ послѣдняго и перехода въ иныя общественныя группы.

Такимъ образомъ, въ первое время послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго распредѣленіе населенія по различнымъ общественнымъ группамъ совершалось въ Украинѣ вполнѣ свободно, внѣ прямого воздѣйствія со стороны государственной власти. И движущимъ мотивомъ такого распредѣленія являлись по преимуществу соображенія экономическаго характера. «Якъ осѣли люде, — разсказывали въ 1729 г. старожилы лежавшаго въ Стародубовскомъ полку села Горчаковъ исторію этого села, — тогда можнѣйшіе (болѣе зажиточные) announcedписалися въ козаки, а подлѣйшіе (болѣе бѣдные) осталися въ мужикахъ» [2]). То же самое происходило и въ другихъ мѣстахъ, и притомъ происходило не только въ первоначальный моментъ заселенія той или иной мѣстности. Многіе

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Домонтовской сотни, ч. I, № 63.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), л. 794.

люди, записанные въ ревизіи 1731 г. посполитыми, — показывалъ въ 1762 г. кобеляцкій городовой атаманъ — «нѣкоторіе сами или отци или браття ихъ родние въ прежнихъ ревизияхъ состоятъ между козаками и служили всероссійскому престолу сами от себе козачо и вписованни въ посполитие на время по тогдашнему обыкновению, такожъ когда кто, приубоживши, служить не в состояніи были» [1]. Въ этихъ позднѣйшихъ показаніяхъ нашелъ себѣ яркое отраженіе общій порядокъ, дѣйствовавшій въ тотъ начальный моментъ, когда въ освобожденной отъ власти польскаго государства Малороссіи наново складывался ея общественный строй. Болѣе состоятельные элементы населенія въ этотъ моментъ становились козаками, беря на себя требовавшую бо́льшихъ матеріальныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождавшую отъ большинства другихъ повинностей по отношенію къ государству, военную службу, менѣе состоятельные — вписывались въ посполитые и освобождаясь отъ военной службы, принимали на себя главное бремя другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей по отношенію къ государству. Но такое распредѣленіе населенія не носило постояннаго характера и между раздѣлившимися группами продолжалъ и въ дальнѣйшемъ совершаться постоянный обмѣнъ людьми. Обѣднѣвшій почему-либо козакъ нерѣдко переписывался въ посполитые, а разбогатѣвшій посполитый часто вступалъ въ козачество. Въ свою очередь наиболѣе зажиточные элементы въ средѣ самого козачества составили особую группу «значнаго товариства», отличавшуюся отъ остальной массы козаковъ исключительно своимъ экономическимъ благосостояніемъ и не огражденную никакими формальными гранями. Изъ этой группы по преимуществу вербовались члены старшины, и это обстоятельство довольно скоро сообщило данной группѣ въ цѣломъ извѣстную устойчивость, но личный составъ ея долго продолжалъ оставаться текучимъ и измѣнчивымъ. Обѣднѣвшій и опустившійся членъ «значнаго товариства» быстро затерявался въ массѣ рядового козачества, а эта послѣдняя съ своей стороны постоянно выдвигала въ названную группу новыхъ членовъ. Въ «знатное товариство» вступали и сыновья наиболѣе зажиточныхъ священниковъ, въ то время, какъ сыновья болѣе бѣдныхъ изъ нихъ или оставались въ духовномъ званіи, или становились рядовыми козаками, или, наконецъ, переходили въ посполитые. Въ общемъ такимъ образомъ

[1] Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. № 61.

ни одна изъ тѣхъ группъ, на которыхъ распалось на первыхъ порахъ украинское общество, не являлось сколько-нибудь замкнутымъ и обособленнымъ классомъ. Эти группы различались между собою по характеру тѣхъ обязанностей, какія онѣ несли по отношенію къ государству, различались, въ связи съ этимъ, и по степени своей экономической состоятельности, но не были отгорожены одна отъ другой никакими правовыми гранями. Члены каждой такой группы пользовались возможностью перехода въ другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даже оставаясь въ различныхъ общественныхъ группахъ, они обладали въ сущности одинаковыми гражданскими правами. Такъ строго сословный строй, вплоть до самаго возстанія Богдана Хмельницкаго водворявшійся на Украинѣ силою польской государственной власти, въ результатѣ этого возстанія уступилъ свое мѣсто иному, несравненно болѣе простому общедарственной организацией.

Первоначальная простота этого уклада не долго однако сохранялась въ совершенно неприкосновенномъ видѣ. Довольно скоро укладъ этотъ въ свою очередь испыталъ нѣкоторыя осложненія, стоявшія въ прямой связи съ тѣми отношеніями, какія установились между населеніемъ страны и вновь слагавшейся въ ней государственной организацией.

Съ первыхъ моментовъ дѣйствія новаго строя лица, занимавшія болѣе или менѣе видныя мѣста въ этой организаціи, болѣе или менѣе видные «уряды», были изъяты изъ-подъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ и подчинены судебной власти гетмана. Такое изъятіе было, конечно, вполнѣ естественно и необходимо. Не могъ сотникъ, вѣдавшій сотенный судъ, самъ судиться въ немъ, какъ не могъ судиться въ полковомъ судѣ полковникъ, самъ олицетворявшій въ себѣ этотъ судъ или, по меньшей мѣрѣ, руководившій имъ. Точно также не могли судиться въ полковомъ судѣ и члены полковой старшины, сами являвшіеся по своему служебному положенію членами этого суда. И, какъ въ военно-административномъ отношеніи члены полковой старшины, проживавшіе на территоріи той или иной сотни, до тѣхъ поръ, пока они оставались на занимаемыхъ ими «урядахъ», не входили въ военную организацію сотни, такъ въ судебныхъ дѣлахъ они, пока занимали свои уряды, были изъяты изъ компетенціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ и подчинены непосредственно гетману и состоявшему подъ его вер-

ховнымъ руководствомъ генеральному суду. Но уже очень скоро такое изъятіе было распространено и на нѣкоторыхъ лицъ, не состоявшихъ въ числѣ войсковыхъ «урядниковъ».

В 1685 г. гетманъ Самойловичъ выдалъ бывшему передъ тѣмъ полтавскимъ полковникомъ Прокопу Левенцу универсалъ, которымъ бралъ его подъ особую свою охрану. Такъ какъ — писалъ гетманъ въ этомъ универсалѣ — «и за антецессоровъ нашихъ, покойнихъ гетмановъ войска Запорозского, тое дѣялося, же (что) годнии и заслуженнии в войску особи, значность свою и порядки пристойние маючие, окриванни были рейментарскою звѣрхностию и для оздоби и для поваги рейментарской хожували (были покрываемы гетманской властью и для красы и авторитета гетмана ходили) в военнихъ оказияхъ под бунчукомъ рейментарскимъ, теди (то) и ми теперъ старинного в полку Полтавскомъ мужа и заслуженного в войску товариша пана Прокопа Левенця з синомъ Иваномъ з полковихъ служебъ и повинностей виймуемъ (исключаемъ), а, заховуючи (сохраняя) при особливой нашой гетманской оборонѣ, прилучаемъ (присоединяемъ) его до особъ иншихъ, котории подъ знакомъ нашимъ рейментарскимъ ходятъ, ижъби (чтобы) оній за указомъ звѣрхности нашой ставалъ навсегда в оказияхъ всякихъ при боку нашомъ и чинилъ услугу, которая ему по нашой волѣ указанна будетъ». «Особно — прибавлялъ гетманъ — варуемъ (требуемъ) тое виразною волею нашою, аби о справи припадковии, якие розсудку потребуютъ (чтобы по дѣламъ, требующимъ суда), тамъ в Полтавѣ его, пана Левенця, не суженно, але (но) до насъ, гетмана, заношенно скарги (приносили жалобы), а ми розсудкомъ нашимъ такие справи разузнавати и декретовати будемъ, и если его, пана Левенця, поткала (постигла) би от кого ураза (обида), а не чиненно би тамъ справедливости, теди до насъ оний удаватись (обращаться) маетъ»[1]. Этимъ универсаломъ для Прокопа Левенца, не занимавшаго въ данное время никакого «уряда», создавалось положеніе, близкое къ положенію полковой старшины и кое въ чемъ даже болѣе льготное, чѣмъ это послѣднее: освобождаясь отъ всякихъ полковыхъ службъ и

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Колл., Рум. Опись, св. № 49, документы с. Милицъ; тотъ же документъ см. въ рукописи библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), п. з.: «Полтавскіе земельные универсалы», № 25. Въ несовсѣмъ точномъ переводѣ этотъ документъ напечатанъ покойнымъ А. М. Лазаревскимъ въ «Кіев. Старинѣ», 1886 г., № 7, сс. 447—8. Не вполнѣ точенъ и данный здѣсь Лазаревскимъ комментарій къ этому универсалу, изображающій, между прочимъ, содержаніе послѣдняго, вопреки его тексту, какъ небывалую до Самойловича новость.

повинностей, Левенецъ долженъ былъ отправляться въ походъ не съ сотней и не съ полкомъ, а лишь вмѣстѣ съ гетманомъ, подъ гетманскимъ бунчукомъ; въ мирное время онъ оставался въ распоряженіи гетмана и долженъ былъ исполнять лишь его порученія, наконецъ, судить его могъ только гетманъ, но не сотенный и не полковой судъ. Въ 1711 г. это же положеніе было закрѣплено и за сыномъ Прокопа Левенца, Иваномъ, по универсалу, выданному гетманомъ Скоропадскимъ въ подтвержденіе универсала Самойловича и въ воздаяніе «давнихъ и значныхъ войсковыхъ заслугъ» Ивана Левенца. «Онъ, панъ Левенець, — писалъ Скоропадскій въ этомъ универсалѣ — зостаючи подъ нашею протекціею гетманскою, и походи военніе не подъ полкомъ, але при боку нашомъ же подъ бунчукомъ, и всякіе войсковіе услуги, якіе ему отъ насъ назначенны будутъ, маетъ отправовати. А если би хто отъ него, пана Левенця, въ чомъ собѣ узналъ обиду, таковій з скаргою (жалобой) не до полкового суда, лечъ (но) до насъ, гетмана, и до суду войскового енералного удаватися и аппеліовати повиненъ» [1]).

Универсалъ, выданный въ 1685 г. Самойловичемъ Прокопу Левенцу, содержитъ въ себѣ первое изъ извѣстныхъ намъ актовыхъ свидѣтельствъ о «бунчуковыхъ товарищахъ». Но, какъ видно изъ текста этого универсала, онъ не создавалъ какого-либо новаго порядка, — бунчуковые товарищи, обладавшіе тѣми правами, какія Самойловичъ предоставилъ Прокопу Левенцу, существовали и при предшественникахъ Самойловича и послѣдній въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по установившемуся раньше его гетманства образцу. Такимъ образомъ уже при первыхъ гетманахъ вокругъ носителей гетманской булавы началъ складываться кругъ лицъ, не занимавшихъ никакихъ выборныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе несшихъ, по крайней мѣрѣ, временно, нѣкоторыя административныя обязанности. Находясь въ непосредственномъ подчиненіи гетману, эти лица исполняли его порученія, ходили въ походы не съ полкомъ, къ составу котораго они принадлежали, а съ гетманомъ, подъ его бунчукомъ, и, будучи освобождены отъ полковыхъ службъ и повинностей, вмѣстѣ съ тѣмъ были изъяты изъ компетенціи полковыхъ судовъ и подчинены юрисдикціи лишь генеральнаго суда и самого гетмана. Собирая около себя кругъ такихъ лицъ, долженствовавшихъ служить до извѣстной степени ихъ помощниками въ дѣлѣ суда и управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та) п. з.: «Полтавскіе земельные универсалы», № 32.

содѣйствовать большему великолѣпію самой гетманской власти, гетманы, естественно, останавливали свой выборъ прежде всего на «заслуженныхъ въ войскѣ особахъ», выдѣлявшихся своей «значностью» и «пристойными порядками», — иначе говоря, на членахъ «значнаго товариства». И чаще всего, конечно, принимались «подъ бунчукъ» лица, успѣвшія выдвинуться на тѣхъ или иныхъ видныхъ «урядахъ», но почему-либо вынужденныя разстаться съ ними. Нахожденіе подъ гетманскимъ бунчукомъ въ значительной мѣрѣ возмѣщало такимъ лицамъ потерю тѣхъ льготъ, какія они имѣли, сидя на «урядѣ», и не давало имъ смѣшаться съ массою рядового козачества. Благодаря этому съ теченіемъ времени прочно установился обычай, въ силу котораго чуть не всякій крупный «урядникъ», покидая почему-либо свою должность, просился подъ бунчукъ. И такія просьбы нерѣдко удовлетворялись даже въ тѣхъ случаяхъ, когда разставаніе «урядника» съ должностью носило далеко не добровольный характеръ. Такъ, въ 1719 г. Семенъ Шаула, покинувъ изъ-за недоразумѣній съ сотнянами должность сотника въ м. Носовкѣ Кіевскаго полка, обратился къ гетману Скоропадскому съ просьбой принять его съ братомъ и племянникомъ «под бунчукъ войсковій». Скоропадскій исполнилъ эту просьбу и позволилъ Шаулѣ «подъ бунчукомъ военние отбувати походи», предписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы «начальники, товариство и посполитство тамошное, нѣкто би ему, Шаулѣ, не затѣвали дорѣкания і утисливостей (обидъ и притѣсненій) и до жаднихъ (никакихъ) би его войсковихъ не займали повинностей, лечъ (но) хто би мѣлъ на пречечоного Шаулу якую в томъ претенсию, повиненъ не у кого иного, толко у насъ, гетмана, здесь искать справедливости и сатисфакціи» [1]). Подобнымъ же образомъ сотникъ м. Великихъ Будищъ въ Полтавскомъ полку Дмитрій Колачинскій, судившійся въ 1723 г. съ своими сотнянами и помирившійся съ ними лишь на томъ условіи, что онъ покинетъ свой сотничій урядъ, просилъ наказного гетмана Полуботка принять его въ число бунчуковыхъ товарищей и Полуботокъ исполнилъ эту просьбу [2]).

На выдѣленіи изъ «войскового товариства» бунчуковыхъ товарищей разслоеніе первоначально однородной массы козачества не

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Академіи Наукъ, т. 20, л. 569—70.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 1, № 98. Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись библіотеки Н. П. Василенка; Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь мою искреннюю признательность Н. П. Василенку, дружески предоставившему мнѣ въ свое время возможность ознакомиться съ этою цѣнною рукописью.

остановилось. Подобно тому, какъ около гетмана сложился кругъ козаковъ, отбывавшихъ службу подъ гетманскимъ бунчукомъ, въ полкахъ съ теченіемъ времени образовался кругъ козаковъ, служившихъ не подъ сотенной «корогвой», а подъ полковымъ значкомъ. Роль этихъ значковыхъ товарищей въ полкахъ была до извѣстной степени аналогична роли бунчуковаго товариства при гетманѣ. Избавленные отъ службы въ сотнѣ и отъ сотенныхъ повинностей, они находились въ непосредственномъ распоряженіи полковника и исполняли разнообразныя порученія, какія онъ находилъ нужнымъ возлагать на нихъ въ военной, административной и судебной сферѣ. Первоначально такіе значковые товарищи, повидимому, назначались полковникомъ съ одобренія козацкаго товариства. До насъ, по крайней мѣрѣ, сохранился выданный въ 1714 г. кіевскимъ полковникомъ Антономъ Танскимъ универсалъ, въ которомъ Танскій, обращаясь къ населенію остерской сотни, заявлялъ, что онъ «за изволеніемъ пановъ полчанъ» принимаетъ въ «компутъ войсковый» и вписываетъ въ «реестры козацкіе» пана Федора Булгака и «притягаетъ навсегда услуги его подъ значокъ полковий, а не отъ сотни острицкой» [1]). Въ общемъ однако согласіе козацкаго товариства врядъ-ли могло играть особую роль при назначеніи значковыхъ товарищей, такъ какъ въ этихъ случаяхъ рѣчь шла не о замѣщеніи должности, связывавшей занимавшаго ее человѣка съ опредѣленной территоріей и опредѣленнымъ кругомъ населенія, а исключительно о подборѣ низшихъ агентовъ полковой власти, отправлявшихъ по ея порученіямъ главнымъ образомъ чисто исполнительныя функціи. Въ связи съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ въ значковое товарищество обыкновенно стремились и попадали лица, лишь немногимъ выдававшіяся надъ уровнемъ рядового козачества, — для лицъ, болѣе состоятельныхъ и «значныхъ», положеніе значкового товарища не заключало въ себѣ большой привлекательности. Въ болѣе позднее время для каждаго полка было установлено опредѣленное число значковыхъ товарищей и они назначались уже не полковниками, а генеральной войсковой канцеляріей, выбиравшей кандидатовъ иногда самостоятельно, а иногда по рекомендаціи полковника и полковой старшины [2]).

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевскаго ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 240.

[2]) См. указъ Анны кн. Шаховскому 8 авг. 1734 г. — П. С. З., IX, См., напр., указъ, данный въ 1753 г. генеральной канцеляріи о назначеніи козака Алексья Жука въ значковые товарищи Кіевскаго полка по аттестаціи полковника и

Наряду съ выдѣленіемъ изъ рядовъ козачества бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, вызывавшимся въ значительной мѣрѣ потребностями самой службы козачества, но вмѣстѣ съ тѣмъ создававшимъ въ его сферѣ привилегированныхъ лицъ, гетманское правительство довольно рано стало практиковать и другую мѣру, приводившую къ тому же самому результату и сводившуюся къ принятію семей умершихъ «значныхъ» и заслуженныхъ козаковъ, занимавшихъ при своей жизни тѣ или иные видные «уряды», подъ «гетманскую протекцію и оборону». Первоначально эта гетманская протекція, повидимому, выражалась лишь въ сохраненіи за такими семьями тѣхъ имѣній, какими они пользовались при жизни своего главы. Но довольно скоро — во всякомъ случаѣ, уже со временъ гетманства Мазепы — къ этому стало присоединяться и изъятіе принимаемыхъ подъ гетманскую оборону семей изъ-подъ юрисдикціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ, сопровождавшееся переносомъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ этихъ семей на разсмотрѣніе генеральнаго суда и самого гетмана. «Панею Елену Ивановну Михайлову Бороховичеву зъ синами, зятями и всѣми ихъ кревними, — писалъ, напримѣръ, Мазепа въ универсалѣ, данномъ имъ въ 1704 г. вдовѣ гадяцкаго полковника Михаила Бороховича, — беремо въ особливую нашу гетманскую оборону, респектомъ небожчиковскихъ (покойника) въ войску запорожскомъ значне роненнихъ услугъ, заховуючи (сохраняя) ихъ при всякомъ межи людми почитаніи и пошанованю (уваженіи) и заступаючи отъ судовъ полкового и иннихъ, ибо хочъ кто когда буде имѣти до онихъ якіи претенсіи, то неповиненъ будетъ нихто до суду полкового или иного якого ихъ потягати, такожде и судіи оніи ихъ судити, но всякъ до насъ, гетмана, аппеліовати маеть» [1]). Подобнымъ же образомъ гетманъ Скоропадскій въ 1711 г. въ память заслугъ Михаила Бороховича взялъ его зятя, Захарія Рощаковскаго, подъ свою «гетманскую оборону и протекцію», указавъ при этомъ, что, «хотя бы въ чемъ пана Рощаковскаго явилось и преступство», обиженный «повиненъ зъ него у насъ, гетмана, искати справедливости» [2]). Такая же льгота давалась при Мазепѣ и Скоропадскомъ и нѣкоторымъ другимъ семьямъ умершихъ «урядниковъ», принимавшимся подъ гетманскую протекцію.

полковой старшины. — Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіев. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. VII, № 278.

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, Полтава, 1893, с. 34.

[2]) Тамъ же, с. 21.

Благодаря всѣмъ этимъ явленіямъ, постепенно осложнявшимъ первоначальный общественный укладъ Украины, въ этомъ укладѣ уже къ началу XVIII вѣка произошла замѣтная перемѣна. То «значное товариство», которое существовало въ странѣ въ первое время послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго и, объединяя въ себѣ старинные козацкіе роды, уцѣлѣвшіе остатки старой шляхты и всѣ вообще наиболѣе сильные экономически элементы козачества, являлось неопредѣленнымъ и расплывчатымъ слоемъ, отличавшимся отъ остальныхъ козаковъ лишь бытовыми и хозяйственными признаками, къ началу XVIII столѣтія постепенно сомкнулось въ болѣе плотную и устойчивую группу, отдѣленную отъ массы населенія, въ томъ числѣ и отъ рядового козачества, не только условіями своего хозяйственнаго быта, но и нѣкоторыми правовыми гранями. Сидѣвшая на разнообразныхъ «урядахъ» старшина, бунчуковые товарищи, значковые товарищи, наконецъ, семьи умершихъ членовъ старшины, успѣвшія въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ пріобрѣсти для себя гетманскую протекцію, — всѣ эти элементы къ данному времени образовали изъ себя особую привилегированную группу козачества, близкую къ власти, владѣвшую имѣніями, пользовавшуюся податными льготами, изъятую изъ-подъ юрисдикціи низшихъ судовъ и судившуюся лишь въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Группа эта оставалась, правда, незамкнутой, но въ связи съ достигнутыми ею пріобрѣтеніями она во всякомъ случаѣ получила и болѣе устойчивый характеръ. И этой перемѣнѣ, совершившейся на верхнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, соотвѣтствовала до извѣстной степени аналогичная перемѣна, происшедшая приблизительно къ тому же времени на нижнихъ ея ступеняхъ.

Въ моментъ присоединенія Богданомъ Хмельницкимъ Украины къ Московскому государству гетманское правительство предполагало сохранить въ неприкосновенномъ видѣ существовавшую прежде грань между крестьянствомъ и козачествомъ, ограничившись лишь количественнымъ расширеніемъ послѣдняго. По условіямъ, заключеннымъ Хмельницкимъ съ Москвой, число козацкаго войска должно было быть увеличено до 60.000, а гетманское правительство обязывалось само «учинить смотръ» населенію: «и кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую царскому величе-

ству отдавать, какъ и прежде сего бывало». Это обязательство не разъ повторялось и позже, но, не смотря на упорныя настоянія Москвы, оно не было выполнено ни Богданомъ Хмельницкимъ, ни его ближайшими преемниками, —не было выполнено потому, что оно слишкомъ рѣзко противорѣчило тому дѣйствительному строю, который установился въ это время въ странѣ и который не зналъ никакихъ непереходимыхъ граней между козакомъ и посполитымъ. Когда Бруховецкій «ударилъ челомъ государю малороссійскими городами», московское правительство попыталось само установить такія грани, закрѣпивъ существовавшія въ данный моментъ въ странѣ группы населенія, и съ этою цѣлью предприняло перепись посполыства. Но эта перепись и совпавшее съ нею введеніе воеводскаго управленія въ Украинѣ подняли въ странѣ бурю возстанія противъ Москвы — и московское правительство отступило, рѣшивъ отказаться отъ своего плана и отъ обѣщавшихся имъ доходовъ для государевой казны, лишь бы удержать Украину въ своемъ подданствѣ. Но, отказавшись отъ полученія прямыхъ доходовъ съ посполитскаго населенія Украины московское правительство временно потеряло и всякій интересъ къ активному участію въ дѣлѣ разграниченія различныхъ группъ украинскаго народа.

Правда, въ глуховскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Многогрѣшнымъ, возвратившимъ лѣвобережную Малороссію въ подданство Москвы, были помѣщены и условія относительно численности козацкаго войска и способовъ его пополненія. Число козацкаго войска было на этотъ разъ опредѣлено въ 30.000, такъ какъ рѣчь шла уже не о всей Малороссіи, а лишь о лѣвобережной ея части. «А что въ которомъ полку будетъ козаковъ, — говорилось далѣе въ четвертомъ пунктѣ глуховскихъ статей — и тому учинить реестръ, а быти козакомъ реестровымъ, а въ реестръ писать которые старые козаки и многую службу служили, а чего старыхъ козаковъ въ тридцати тысячахъ не достанетъ, и въ то число принимать въ козаки мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей». При этомъ сдѣлана была оговорка относительно монастырскихъ имѣній: въ нихъ предписывалось «изъ мужиковъ въ реестръ въ козаки не писать и не принимать» [1]). Этотъ четвертый пунктъ глуховскихъ статей былъ молчаливо признанъ сохранившимъ свою силу и при смѣнѣ Многогрѣшнаго Самойловичемъ

[1]) Источники малороссійской исторіи, собранные А. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. М. 1858. ч. I, с. 219.

и затѣмъ дословно повторенъ въ переяславскихъ статьяхъ послѣдняго, когда Самойловичъ былъ провозглашенъ и правобережнымъ гетманомъ; только количество козацкаго войска для правобережной Малороссіи было опредѣлено при этомъ не въ 30.000, а въ 20.000. Тотъ же самый пунктъ былъ дословно повторенъ и въ коломацкихъ статьяхъ, составленныхъ при избраніи гетманомъ Мазепы [1]). Но, включая этотъ пунктъ въ гетманскія статьи, московское правительство теперь смотрѣло на него скорѣе какъ на необходимую формальность и мало интересовалось тѣмъ, какъ онъ осуществляется въ дѣйствительной жизни.

Для послѣдней же онъ въ сущности долго оставался мертвой буквой. Въ этой дѣйствительной жизни долго не существовало ни точно опредѣленнаго и не поддающагося измѣненіямъ числа козацкаго войска, ни денежнаго жалованья для него, о которомъ также шла рѣчь въ глуховскихъ, переяславскихъ и коломацкихъ статьяхъ, ни предусмотрѣннаго этими статьями строгаго разграниченія козаковъ отъ посполитыхъ, допускавшаго включеніе «мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей» въ козачество только въ случаяхъ недостачи указаннаго въ статьяхъ числа реестровыхъ козаковъ. Не только мѣщане и свободные посполитые, но и посполитые владѣльческихъ имѣній въ дѣйствительной жизни то и дѣло переходили въ козаки, совершенно не считаясь съ тѣмъ, сколько людей уже записано въ данное время въ козацкихъ реестрахъ, и въ свою очередь козаки уходили въ посполъство, также не справляясь съ этими реестрами.

Съ теченіемъ времени однако переходы перваго рода стали встрѣчать для себя нѣкоторое противодѣйствіе со стороны гетманской власти, побуждаемой къ такому противодѣйствію настояніями владѣльцевъ имѣній. Особенно большую энергію въ этомъ направленіи проявили монастыри. Даже въ самый разгаръ возстанія Богдана Хмельницкаго нѣкоторые изъ православныхъ монастырей такъ жалобно и настойчиво просили вождя возставшаго народа воспретить ихъ крестьянамъ уходъ въ козачество, что Хмельницкій, при всей испытывавшейся имъ нуждѣ въ войскѣ, порою не находилъ въ себѣ достаточно рѣшимости отклонить эти просьбы и удовлетворялъ ихъ. Такъ, въ іюлѣ 1648 года онъ по просьбѣ монаховъ Густынскаго монастыря выдалъ имъ универсалъ, въ которомъ предписывалъ, чтобы «з ихъ кгрунтовъ и фу-

---

[1]) Тамъ же, сс. 256, 309—10.

торовъ до войска подданныхъ ихъ не приймовали» [1]). Въ концѣ концовъ монастырямъ пришлось все-таки, правда, примириться съ тѣмъ, что за время возстанія и въ первые годы послѣ него немалая часть ихъ «подданныхъ» ушла изъ-подъ ихъ власти. Но это не мѣшало имъ при всякомъ удобномъ случаѣ горько жаловаться на убытки, причиненные имъ переходомъ ихъ посполитыхъ въ козачество, и просить о воспрещеніи такого перехода. И по мѣрѣ того, какъ взволнованныя было возстаніемъ народныя массы приходили въ болѣе спокойное состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ теряли свое вліяніе на дѣла управленія, эти жалобы и просьбы начинали приносить все болѣе ощутительные результаты. Какъ мы видѣли сейчасъ, въ глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго, несомнѣнно, подъ вліяніемъ настояній высшаго малорусскаго духовенства, принимавшаго большое участіе въ возвращеніи Многогрѣшнаго въ подданство Москвы, внесено было даже общее запрещеніе принимать монастырскихъ посполитыхъ въ козачество. Такимъ образомъ всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству малорусскимъ монастырямъ удалось добиться постановленія, рѣзко обособлявшаго крестьянство ихъ имѣній отъ козачества. Въ качествѣ общей мѣры это постановленіе не было, правда, осуществлено въ жизни. Но въ рядѣ частныхъ случаевъ монастыри все же успѣвали добиться отъ властей такихъ мѣропріятій, которыя шли въ направленіи, указанномъ этимъ постановленіемъ.

Въ 1673 г. гетманъ Самойловичъ, по просьбѣ архимандрита Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, отправилъ въ имѣнія этого монастыря генеральнаго бунчучнаго Леонтія Полуботка — «для зревидованя монастырскихъ подданыхъ и ново сего року (въ этомъ году) сталыхъ козаковъ». Выполняя это порученіе, Полуботокъ вписалъ въ монастырскихъ селахъ нѣсколько человѣкъ въ козаки, предоставивъ имъ «волность звичайную, то есть волное мешкане (жительство) въ поляхъ разробленнихъ и при сеножатехъ», но при этомъ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались монастырской «отчиной», т. е. бортями въ лѣсахъ, обязалъ «до монастыря новгородского по давнымъ окладамъ роковую (ежегодную) дань медовую давати», такъ какъ «з давнихъ вѣковъ до всемилостивого Спаса тая отчина належала и належитъ» [2]). Въ данномъ

[1]) См. мои «Очерки», вып. 1, с. 73, примѣчаніе 2-е.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2500.

случаѣ, такимъ образомъ, монастырь при помощи властей воспрепятствовалъ перешедшимъ въ козачество жителямъ своихъ селъ пріобрѣсти право собственности въ лѣсахъ, которые онъ считалъ своими. Но въ другихъ случаяхъ монастырямъ удавалось добиться и бóльшаго. Такъ, въ 1687 г. игуменъ Густынскаго монастыря жаловался Самойловичу на посполитыхъ принадлежавшаго этому монастырю села Мацѣевки, которые вышли изъ повиновенія и собрались вписываться въ козаки, а монастырскаго посланнаго, требовавшаго отъ нихъ исполненія повинностей въ пользу монастыря, похвалялись убить. Получивъ эту жалобу, гетманъ послалъ въ Мацѣевку свой универсалъ, въ которомъ предписывалъ посполитымъ отказаться отъ «такихъ бунтовъ» и по старинному порядку отбывать всякое послушенство и повинность Густынскому монастырю. «А в козацтво — прибавлялъ Самойловичъ — мужики абы не вписовались, а на зосланного (монастырскаго посланнаго) перехвалокъ не чинили, бо и тыхъ трохъ мужиковъ, которые своеволно, не хотячи оддавати повинности, въ реестръ козацкій вмазалися, жебы (чтобы) ихъ з оного выключилъ, писалисмо (писали мы) о томъ до пана полковника прилуцкого»[1]). И такія распоряженія дѣлались не только гетманомъ, но и полковниками. Въ томъ же 1687 году черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, получивъ отъ игумена Макошинскаго монастыря аналогичную жалобу на посполитыхъ с. Бутовки, заявилъ имъ, что считаетъ такое ихъ поведеніе «за противность власти ясневелможного его милости пана гетмана и моей полковничой». «Засилаю васъ — продолжалъ Лизогубъ — симъ моимъ листомъ, абысте (чтобы вы) не тилко давніе мужики тягліе по своей звиклости повинность и послушенство належное его милости отцу ігуменови отдавали, але (но) и тіи, которіе з мужицства в козацтво без вѣдома ігуменского уписалися, конечне (непремѣнно) ровне, якъ перед тимъ, тяглую повинность отдавали, приказую». «Тихъ козаковъ, — прибавлялъ Лизогубъ въ припискѣ къ этому «листу» — которіе в реестру зостають, визволяемъ; а которіе самоволствомъ хотя и були у войску, не заступаемъ от посполства»[2]). Иначе говоря, Лизогубъ возвращалъ въ монастырское подданство даже такихъ посполитыхъ, которые уже участвовали въ походѣ, разъ это участіе ихъ было «самовольнымъ» и ему не предшествовало принятіе ихъ властями въ козацкій реестръ.

---

[1]) Тамъ же, № 1616/985.
[2]) Тамъ же, № 1616/72.

Въ свою очередь и Мазепа, получивъ въ свои руки гетманскую булаву, проявлялъ не меньшую внимательность къ просьбамъ монастырей, чѣмъ Самойловичъ. Когда въ 1687 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался гетману, что вновь вписанные въ имѣніяхъ этого монастыря козаки самовольно вернулись изъ похода, въ который они были назначены, Мазепа, какъ мы видѣли, распорядился обратить въ подданство монастыря не только всѣхъ нововписанныхъ козаковъ, но и тѣхъ старыхъ, которые безвременно возвратились изъ похода[1]). Въ слѣдующемъ году, получивъ отъ игумена Максаковскаго монастыря жалобу на борзенскаго и шаповаловскаго сотниковъ, вписывавшихъ въ монастырскихъ имѣніяхъ посполитыхъ въ козаки, Мазепа строго осудилъ такія дѣйствія. «Козаковъ — писалъ онъ названнымъ сотникамъ—болше не вписовати, и тые теперь вписанные нехай робятъ (отбываютъ) монастыреви свою повинность, кдыжъ (такъ какъ) безъ указу нашого не доводится вамъ уписовати никого у реестръ козацкий»[2]). Нѣсколькими годами позже, въ 1695 г., архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря съ своей стороны жаловался Мазепѣ, что подданные этого монастыря стали въ большомъ количествѣ переходить въ козачество («з тяглости въ козацство почали силомуць тиснутися»), къ чему ихъ поощряетъ поблажка со стороны попорницкаго сотника. Въ отвѣтъ на эту жалобу Мазепа предписалъ понорницкому сотнику, чтобы онъ не смѣлъ «таковыхъ тяглыхъ людей въ козацтво приймовати, кгдыжъ (такъ какъ) не только нашъ войсковый приговоръ, але (но) и монарший ихъ царского пресвѣтлого величества указъ того забороняетъ, абы никого з козацтва въ тяглость, а з тяглости въ козацтво не приймовано». «А еслибысте — прибавлялъ гетманъ — надъ сей заказъ нашъ важилися (осмѣлились) тихъ подданихъ архимандричихъ к собѣ в козацтво приймовати, то не толко на чести, але и на здоровю своемъ будете от насъ сурово караны»[3]). Десятью годами позже, въ 1705 г., архимандритъ того же монастыря вновь жаловался Мазепѣ, что нѣкоторые посполитые монастырскаго села Ксендзовки, «заможнѣйшие и достатнѣйшие люде, в недавнихъ прошлихъ временахъ вытиснувшися упорне и самоволне з посполства, повписовалися в жолдацкий чинъ и не тылко сами от повин-

[1]) См. выше, стр. 8-9

[2]) См. мою книгу «Къ исторіи Нѣжинскаго полка», СПБ. 1896 г., приложенія, № 9.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2506.

ности зостали волны, але и своихъ кревнихъ (родныхъ) иншие от тяглости заступаютъ», и гетманъ по этой жалобѣ предписалъ возвратить «ново повписовавшихся жолдаковъ до первобытной посполитой тяглости и монастырскаго послушенства» [1]).

По слѣдамъ монастырей шли и свѣтскіе владѣльцы имѣній. Съ конца XVII вѣка эти свѣтскіе владѣльцы также нерѣдко обращались къ властямъ съ просьбами воспретить посполитымъ ихъ имѣній переходъ въ козачество и эти просьбы въ свою очередь встрѣчали сочувственное отношеніе со стороны властей. Носители власти къ этой порѣ одновременно были въ большинствѣ случаевъ и владѣльцами имѣній. Для нихъ поэтому близко и понятно было стремленіе владѣльца не выпустить посполитаго своего имѣнія въ козачество и они охотно готовы были пойти на встрѣчу этому стремленію. Такъ, напримѣръ, черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, утверждая въ 1687 г. Федору Зеленскому с. Осняки, предписалъ отбывать повинность въ пользу владѣльца вмѣстѣ съ тяглыми людьми и «козакамъ, которіе, будучи мужиками, сего прошлого лѣта первій разъ важилися (осмѣлились) ходити в тую дорогу военную» [2]). Къ имѣнію свѣтскаго владѣльца Лизогубъ примѣнялъ такимъ образомъ тотъ же принципъ, что и къ монастырской маетности, — что даже участіе въ козацкихъ походахъ, разъ оно было «самовольнымъ», не дѣлаетъ посполитаго козакомъ и не освобождаетъ его отъ его обязанностей по отношенію къ владѣльцу имѣнія. Въ 1697 г. тотъ же Яковъ Лизогубъ предписалъ «всѣмъ прошлаго лѣта новоуписнимъ козакамъ, в селѣ Суличовцѣ зостаючимъ», чтобы они, «яко и прежде тягло належитую повинность и вшелякое (всякое) послушенство державцу того села отдавали, такъ и теперь, посполу (вмѣстѣ) з мужами, нѣчего прежнего не уменшаючи, пану Михайловѣ Яциничовѣ, значному товарѣшевѣ полковому, яко державцѣ того села, всякое тягло належитое послушенство безъ жадной спреки и отмови (безъ всякаго спора и отказа) отдавали» [3]). И такъ дѣйствовалъ не одинъ только черниговскій полковникъ. Въ 1701 г. генеральный войсковой судъ разбиралъ дѣло семи посполитыхъ изъ принадлежавшаго черниговскому полковому писарю Булавкѣ села Смичина, которые,

---

[1]) Тамъ же, № 1616/2475. «Жолдаками» назывался особый козацкій отрядъ, служившій при гетманской резиденціи и игравшій роль тѣлохранителей гетмана.
[2]) Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Черниговскаго полка. Ч. 1909, стр. 314.
[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 2.

«ухиляючися (уклоняясь) отъ повинности своей тяглой, хотѣли были зостати козаками» и участвовали въ походѣ предыдущаго года въ Лифляндіи. Судъ просмотрѣлъ различные реестры козаковъ Черниговскаго полка, отъ чигиринскаго похода до азовскаго, но не нашелъ здѣсь именъ этихъ посполитыхъ, а они съ своей стороны не выставили никакихъ свидѣтелей въ доказательство «своего и отцевского козацства». Въ виду этого генеральный судъ вынесъ такое рѣшеніе: «яко в поважнихъ монаршихъ грамотнихъ и статейнихъ указахъ и въ войсковыхъ постановленіяхъ тое положено, абы (чтобы) з войсковихъ людей въ посполитую тяглость, такъ и з посполитыхъ людей въ козацство до войсковихъ волностей нихто не былъ пріймованъ, такъ судъ, стосуючися (примѣняясь) до волѣ ясневелможного его милости пана гетмана, наказуетъ, жебы (чтобы) всѣ сѣмь человѣка до прежней повинности тяглой, якъ и инние посполитие села Смичина жители, належитое пану Петровѣ Булавце, писаревѣ полку чернѣговского, оддавали послушенство и обыкліи подлугъ установи (по уставу) кормовіи охочопѣхотному товариству, станцію в селѣ Смичинѣ имѣючому, вистатчали (поставляли) без отмовы датки» [1]).

Такого же рода распоряженія дѣлались и при преемникѣ Мазепы. Въ 1709 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался Скоропадскому, что около двадцати посполитыхъ монастырскаго села Собича, «не хотячи своей подданской отдавати повинности и послушенства, насилно тиснутся в компутъ козацкій». Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ, «исполняючи — по его словамъ — монарший его царского величества указъ, жебы козаковъ в мужицство, а мужиковъ в козацство не пріймовано», позволилъ «тыхъ человѣка двадцяти знову по прежнему до посполитой повинности нахилити (подчинить) и всякое послушенство отбирати». «А еслибы — прибавлялъ гетманъ въ своемъ универсалѣ къ собичскимъ козакамъ и посполитымъ — которий сему указови нашому оказался быти противнымъ, таковoго не тилко казалисмо (приказали мы) грабити, лечъ (но) за зисканнемъ сюда до насъ турмою и кіевимъ боемъ прикритъ будетъ, деклеруемъ» [2]). Получивъ въ томъ же году жалобу отъ черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, что посполитые Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря, живущіе въ м. Мринѣ, «упорне тиснутся до вол-

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 14.
[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2473.

ности войсковой и не хотятъ жадного (никакого) отдавати послушенства», Скоропадскій опять-таки распорядился, чтобы мринскіе посполитые отдавали архіепископу послушенство безъ всякаго упорства («без жадной упорчивости»). «А пану полковникови нѣжинскому — прибавлялъ онъ — прекладаемъ, абы пригрозилъ сотниковѣ мрынскому, чтобъ тихъ посполитыхъ людей не тылко не важился (осмѣливался) приймовати до реестру козацкого, котриѣ вновь з посполитой тяглости мѣли бы до войсковой волности тиснутися, лечъ абы (но чтобы) з под знаковъ сотенныхъ росказалъ выгнати и значне публѣчнымъ скарати вязенемъ (арестомъ)» [1]). Суровыми «публичными карами» угрожалъ Скоропадскій и посполитымъ черниговскаго Елецкаго монастыря, которые, какъ жаловались монахи этого монастыря въ томъ же 1709 году, также отказывали имъ въ повиновеніи и въ значительномъ количествѣ стремились перейти въ козаки [2]).

Аналогичный результатъ имѣла и поданная Скоропадскому въ слѣдующемъ году жалоба Густынскаго монастыря на принятіе въ козачество 25 посполитыхъ изъ принадлежавшихъ этому монастырю селъ Половы и Левковъ. Скоропадскій распорядился вернуть этихъ посполитыхъ въ монастырское подданство и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ прилуцкому полковнику, чтобы онъ «впередъ такъ сотникамъ полку своего, яко и атаманнѣ тихъ селъ, зганивши (осудивши) таковой ихъ самоволный поступокъ, же (что) без жадного разсмотренія и старшихъ позволеня мужиковъ до козацкого компуту приймують, приказалъ болшъ таковыхъ вновь вписуючихся козаковъ не приймать до реестру козацкого» [3]). Иногда же Скоропадскій не дожидался и жалобъ монастырей на какіе-либо конкретные случаи, чтобы повторить запрещеніе принимать монастырскихъ посполитыхъ въ козаки. Такъ, утверждая въ 1710 г. Переяславскому Каѳедральному монастырю его имѣнія и земли, Скоропадскій вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на «давное войсковое постановленіе, монаршою грамотою утвержденное, что вездѣ козаки в мужицство, а мужики въ козацство вписоватися не повинни», требовалъ, чтобы «всякая старшина полковая и городовая людей монастырскихъ, подданскую повинность отбуваючихъ, безъ нашего вѣдома и особливого на писмѣ виразного указу в козацкій не

---

[1]) Тамъ же, № 1616/2925.
[2]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. IV, стр. 44—5.
[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/991.

приймовали компутъ»[1]). Подобнымъ же образомъ, отдавая въ 1712 г. во владѣніе Кіевскаго Софійскаго монастыря с. Вовчокъ, Скоропадскій особо оговаривалъ свое строгое требованіе, чтобы «нихто посполитыхъ людей вовчковскихъ въ козацкій компутъ уписовати не дерзалъ»[2]).

Подобныя распоряженія и Скоропадскимъ дѣлались опять-таки не только по отношенію къ монастырскимъ имѣніямъ. Такъ, утверждая въ 1711 г. барышевскому протопопу Григорію Максимовичу с. Ерковцы, гетманъ сопровождалъ это утвержденіе требованіемъ, чтобы «панъ полковникъ переясловскій и нихто з старшины тяглихъ его, отца протопопи, людей, такъ тихъ, которіи іздавна тамъ в селѣ Ерковцяхъ найдуются, яко особливе тихъ, которіи вновь до того его села приходять и на грунтахъ тамошнихъ мужичихъ осѣдають, жадною мѣрою не важился (никакимъ способомъ не осмѣливался) отъ тяглостей посполитихъ отдаляти и в козацство вписовати»[3]). Въ 1716 г. Скоропадскій распорядился возвратить въ вѣдѣніе переяславской ратуши свободныхъ посполитыхъ г. Переяслава, вписанныхъ въ прежнее время мѣстными полковниками въ козаки[4]). Пятью годами позже, утверждая за вдовою генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы находившееся ранѣе во владѣніи ея мужа село Большую Старицу, Скоропадскій требовалъ, чтобы «в ономъ панъ полковникъ кіевскій мужиковъ у козаки не приймалъ»[5]).

То обстоятельство, что гетманамъ приходилось на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій вновь и вновь повторять такія требованія, ясно показываетъ, что они не такъ просто и легко осуществлялись въ жизни страны. Дѣйствительно, существовавшій долгое время въ послѣдней порядокъ, допускавшій свободный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые, плохо гармонировалъ съ этими требованіями. Но они во всякмъ случаѣ имѣли серьезное значеніе, и какъ выраженіе тѣхъ взглядовъ на отношенія различныхъ группъ населенія, какіе постепенно установились въ правящихъ кругахъ Малороссіи, и какъ показатель тѣхъ уси-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукоп. отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, Документы, № 7.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1901.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукоп. отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, Документы, № 11.

[4]) Тамъ же, № 58.

[5]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), Документы, л. 39.

лій, какія дѣлали эти круги для проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь. Къ концу XVII и — въ еще большей мѣрѣ — къ началу XVIII вѣка глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго въ той ихъ части, въ которой говорилось о взаимныхъ отношеніяхъ козаковъ и посполитыхъ, перестали быть для Малороссіи мертвой буквой. По крайней мѣрѣ въ сознаніи правившей страною старшины, успѣвшей къ этому времени далеко отойти отъ народной массы, онѣ превратились въ обязательное «войсковое постановленіе», рѣшительно воспрещавшее переходъ посполитыхъ въ козачество. При той силѣ, какою располагала старшина въ жизни края, эта ея тенденція къ установленію рѣзкой грани между посполъствомъ и козачествомъ сама по себѣ уже была достаточно серьезна. Но она пріобрѣла еще большее значеніе въ условіяхъ того процесса быстраго разслоенія населенія, какой переживала лѣвобережная Малороссія во второй половинѣ XVII вѣка и какой отбросилъ къ посполъству цѣлый рядъ группъ козачества въ то самое время, какъ наиболѣе сильные элементы его собирались въ классъ старшины.

II

При всей простотѣ общественнаго строя, установившагося въ Украинѣ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, этотъ строй, какъ мы видѣли, не исключалъ существованія внутри украинскаго общества различныхъ разрядовъ и группъ, оставляя лишь такіе разряды и группы необособленными другъ отъ друга. Въ частности, и наиболѣе видная изъ этихъ группъ — козачество — съ первыхъ же моментовъ самостоятельнаго существованія гетманщины включала въ себя различные разряды, подчасъ довольно рѣзко отличавшіеся отъ основного его ядра. Частью эти разряды были до извѣстной степени унаслѣдованы отъ предыдущаго, польско-литовскаго періода, частью они были всецѣло созданы новыми условіями жизни козачества, частью, наконецъ, они существовали и раньше, но въ новыхъ условіяхъ нѣсколько измѣнили свой характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличили свой количественный составъ. Въ результатѣ образованія такихъ разрядовъ козачество недолго оставалось вполнѣ однородной массой. Даже оставаясь еще однороднымъ по своимъ правамъ, оно успѣло уже выдѣлить отдѣльные слои, отличавшіеся и отъ основной его массы, и другъ отъ друга либо своими занятіями, либо своимъ положеніемъ въ рядахъ «войска».

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ разрядовъ такого рода, унаслѣдованныхъ гетманской Украиной отъ предыдущаго періода, явились такъ называемые «бобровники» и «стрѣльцы». На сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Стародубья и Черниговщины, въ XVII вѣкѣ водилось еще немало бобровъ и разныхъ лѣсныхъ звѣрей и, благодаря этому, среди населенія мѣстами существовали группы лицъ, главнымъ промысломъ которыхъ служила ловля бобровъ или охота на звѣрей и птицъ. До половины XVII вѣка эти «бобровники» и «стрѣльцы» были либо королевскими, либо частновладѣльческими крестьянами, послѣ же возстанія Богдана Хмельницкаго они, подобно многимъ другимъ крестьянамъ, перешли въ козачество. Точно также записалась въ козаки и группа лицъ, промышлявшихъ охотой на степную дичь въ южныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Такъ на территоріи трехъ ея полковъ — Стародубовскаго, Черниговскаго и Нѣжинскаго — создалась община козаковъ-бобровниковъ, а въ тѣхъ же полкахъ и, сверхъ того, въ полку Лубенскомъ — еще и такія же общины стрѣльцовъ.

Эти общины сохранили свой прежній промыселъ и по прежнему отбывали за право занятія имъ натуральную повинность, отдавая опредѣленную часть своей добычи, но теперь они несли такую повинность уже не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу «войска» и главныхъ его властей, и самый ихъ промыселъ былъ взятъ «подъ протекцію» этихъ властей. Онъ являлся въ этихъ условіяхъ чѣмъ-то вродѣ регаліи, предоставленной за опредѣленную плату или, точнѣе, за опредѣленную службу въ пользованіе отдѣльныхъ общинъ, обладавшихъ самоуправленіемъ и подчинявшихся непосредственно высшей власти страны. Самыя орудія этого промысла были подчасъ казенной, «войсковой» собственностью. Такъ, гетманъ Бруховецкій, посылая въ 1669 г. въ Нѣжинскій, Стародубовскій и Черниговскій полки для ловли своего бобровника, отправилъ его съ войсковыми орудіями для такой ловли, «з желѣзами нашими войсковыми» [1]).

Распоряжаясь трудомъ бобровниковъ и требуя отъ нихъ для себя опредѣленной службы, гетманъ за то освобождалъ ихъ отъ подчиненія низшимъ властямъ. Въ 1680 г. бобровницкій атаманъ пожаловался гетману Самойловичу на седневскаго сотни-

---

[1]) М. Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. I. Бобровники. II. Стрѣльцы. Харьковъ. 1891, приложеніе I, № 3.

ка, препятствовавшаго нѣкоторымъ бобровникамъ, жившимъ въ его сотнѣ, заниматься своимъ промысломъ. «Вѣдомо то каждому, — заявилъ Самойловичъ въ отвѣтъ на эту жалобу — же (что) бобровники до оддаваня повинности никому иншому, тилки самимъ рейментаромъ (только однимъ гетманамъ) здавна належатъ». Въ виду этого гетманъ рѣшительно потребовалъ отъ седневскаго сотника, чтобы онъ непремѣнно освободилъ бобровниковъ, о которыхъ шла рѣчь, изъ-подъ своей власти и впредь не имѣлъ до нихъ никакого дѣла, — «щобъ они вкупѣ з товариствомъ своимъ бобровницкимъ намъ услуги свои в ловленю звѣру отдавали» [1]). Постановленная, такимъ образомъ, подъ непосредственную власть гетмана, бобровничья община одна только и имѣла право ловить бобровъ. Но доступъ въ число членовъ этой общины на первыхъ порахъ не былъ ничѣмъ ограниченъ и она, подобно всѣмъ другимъ группамъ населенія, оставалась незамкнутой. Еще въ 1684 г. гетманъ Самойловичъ предписывалъ, чтобы бобровницкому атаману «того промислу знайдуючихся людей въ товариство пріймать не збороняли» [2]).

Въ качествѣ козаковъ бобровники не подлежали повинностямъ, требовавшимся отъ посполитыхъ. Въ 1711 г. гетманъ Скоропадскій подъ страхомъ строгаго наказанія приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался назначать квартиры для проѣзжающихъ во дворахъ бобровниковъ, требовать отъ послѣднихъ «провіанта» и «до посполитыхъ повинностей потягати» ихъ [3]). Три года спустя гетманъ вновь предписывалъ старшинѣ, чтобы она не отягощала посполитскими и вообще чрезмѣрными повинностями бобровниковъ и чтобы они «такъ, якъ и иншие козаки, если самая укажетъ нужда, кормили по едному великороссійскому жолнѣру»; при этомъ гетманъ указывалъ, что съ бобровниковъ не должна взиматься и «показанщина», т. е. установленная взамѣнъ виннаго откупа («аренды») денежная плата въ войсковую казну съ винокуренныхъ котловъ («казановъ»), такъ какъ бобровники «здавна отъ тоей повинности суть волными» [4]). Еще черезъ пять лѣтъ гетманъ опять приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался «на дворы ихъ, бобровниковъ, постоевъ насылати и коней въ подводы забирати»; «драгуновъ зась, — заявлялъ онъ

---

[1]) Тамъ же, приложеніе I, № 3.
[2]) Тамъ же, приложеніе I, № 5.
[3]) Тамъ же, приложеніе I, № 7.
[4]) Тамъ же, приложеніе I, № 8; это же распоряженіе было повторено гетманомъ въ 1717 г., тамъ же, № 9.

— понеже то есть необходимая нужда, мѣютъ (должны) такъ кормить, якъ козаки, и провиянтъ, когда случится, заровно зъ козаками же оддавати»; а такъ какъ — прибавлялъ еще гетманъ — «у всѣхъ войскового чину людей тютюнная (табачная) десятина не одбирается», то «и ихъ, бобровниковъ, одъ тоей повинности увольняемъ» [1]). Какъ люди «войскового чина», бобровники пользовались, наконецъ, и правомъ свободнаго устройства шинковъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ они жили, хотя бы эти села были владѣльческими, и только обязывались въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплачивать опредѣленную «квоту» владѣльцу села [2]).

Пользуясь козацкими правами, бобровники несли такимъ образомъ и общую козацкую службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ отбывали и свою спеціальную службу въ пользу гетмана. И по мѣрѣ того, какъ козацкая служба становилась тяжелѣе и требовала бо̀льшаго напряженія силъ со стороны населенія, бремя этой двойной службы тяжело ложилось на бобровницкую общину, порождая у отдѣльныхъ ея членовъ стремленіе къ уходу изъ нея. Въ самомъ началѣ гетманства Скоропадскаго бобровницкій атаманъ уже жаловался ему, что многіе бобровники, не желая дальше отбывать своей службы, распродали свои земли козакамъ и посполитымъ людямъ, а сами поуходили на слободы. Благодаря этому, по словамъ атамана, и требовавшаяся отъ бобровниковъ повинность не могла выполняться въ полномъ размѣрѣ. Получивъ эту жалобу и стремясь охранить интересы войсковой казны («скарба войскового»), Скоропадскій въ 1703 г. распорядился, чтобы «всякъ з козаковъ и посполитихъ людей, хто толко получилъ бобровницкіе грунта, належитую з онихъ повинность, подлугъ (согласно) давнего обикновения, во мѣсто бобровниковъ отдавали до скарбу войскового» [3]). Это распоряженіе, прикрѣплявшее бобровницкую повинность къ земельнымъ участкамъ бобровниковъ, не имѣло однако большого успѣха. Далеко не всѣхъ покупщиковъ такихъ участковъ удавалось привлечь къ отбыванію бобровницкой повинности, а между тѣмъ уходъ людей изъ бобровницкой общины все продолжался, тѣмъ болѣе, что и приказы гетмана о непривлеченіи бобровниковъ къ посполитскимъ повинностямъ въ свою очередь далеко не всегда испол-

---

[1]) М. Плохинскій. «М. л. У.», приложеніе I, № 12; это же распоряженіе было повторено въ 1720 г., тамъ же, № 13.

[2]) Тамъ же, приложеніе I, № 11.

[3]) Тамъ же, приложеніе I, № 6; то же распоряженіе было повторено въ 1720 году, — тамъ же, № 14.

нялись мѣстной старшиной. Въ 1718 г. Скоропадскій вновь получилъ отъ бобровницкаго атамана жалобу, что «многое товариство хотятъ од его ухилитися и удалитися», и въ виду этой жалобы предписалъ, чтобы никто не смѣлъ этого дѣлать и «по прежнему бы все товариство для ловленія воднаго звѣру при немъ, атаману, знайдовалося» [1]).

Тотъ новый принципъ, который нашелъ себѣ выраженіе въ послѣднемъ распоряженіи, получилъ дальнѣйшее развитіе въ мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ бобровникамъ вслѣдъ за окончаніемъ гетманства Скоропадскаго. Въ періодъ управленія Малороссійской Коллегіи произведена была перепись бобровниковъ, а гетманъ Апостолъ, вскорѣ послѣ своего избранія, подтвердивъ бобровникамъ ихъ старыя права и нѣсколько уменьшивъ наложенный на нихъ Коллегіей платежъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы «атаманъ бобровницкій до своей службы, промыслу бобровницкого, ниякихъ другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ бобровниковъ, не привлекалъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія» [2]). При этомъ предполагалось, что и старые бобровники, въ свою очередь, не будутъ уходить изъ своего «товариства». На практикѣ они однако продолжали уходить изъ него, и притомъ уходили, главнымъ образомъ, въ посполитые, частью добровольно, частью подъ вліяніемъ нерѣдкихъ насилій со стороны владѣльцевъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали. «Въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ нѣкоторые владѣльцы и сотники — жаловался въ 1749 г. имп. Елизаветѣ бобровницкій атаманъ съ товариствомъ — чинятъ намъ несносныя обиды: ибо владѣльцы, не объявляя намъ жадного (никакого) указа, но своею волею зъ нашихъ товарищей притягаютъ къ себѣ въ подданство нестерпимымъ боемъ, понеже, чтобъ слушали и работали панщину имъ, растягши, плетьми бьютъ немилостиво, и между тѣмъ въ прожитіи намъ немалое препятствіе отъ нихъ имѣется съ крайнею обидою», въ результатѣ чего нѣкоторые бобровники, «не давая окладу въ казну, уже купно зъ посполитыми, отбувая повинность, панщину работаютъ» [3]). Въ виду этого гетманъ Разумовскій, подтверждая въ 1751 г. бобровникамъ ихъ права, предписалъ «имъ, бобровникамъ, быть въ толикомъ числѣ людей,

[1]) Тамъ же, № 10.
[2]) Тамъ же, № 18.
[3]) Тамъ же, № 25.

сколько ихъ нынѣ есть, а сверхъ оного числа никого, какъ изъ козаковъ, такъ изъ посполитыхъ, не принимать и полковымъ и сотеннымъ канцеляріямъ до того не допущать» [1]). Такимъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка «товариство» бобровниковъ окончательно обратилось — по крайней мѣрѣ, въ теоріи — въ замкнутую и обособленную отъ остального населенія группу. Ни вступленіе новыхъ членовъ со стороны въ эту группу, ни уходъ изъ нея старыхъ не должны были болѣе имѣть мѣста. Въ дѣйствительности, впрочемъ, владѣльцы селъ, въ которыхъ проживали отдѣльные бобровники, и послѣ того продолжали привлекать ихъ въ свое «подданство», способствуя такимъ путемъ дальнѣйшему уменьшенію этой и безъ того малочисленной группы [2]).

Подобную же эволюцію пережила и группа «стрѣльцовъ», подраздѣлявшихся еще, въ зависимости отъ той дичи, за которой они охотились, на «вовкогоновъ», «пташниковъ», «мысливцевъ» и т. д. Стрѣлецкій промыселъ, какъ и бобровничій, былъ взятъ подъ протекцію высшихъ войсковыхъ властей, а сами стрѣльцы, подобно бобровникамъ, были обязаны служить своимъ промысломъ этимъ властямъ, причемъ такая служба ихъ выражалась въ доставленіи дичины къ дворамъ полковниковъ и гетмана, а позднѣе — и къ царскому двору. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стрѣльцамъ предоставлялся въ цѣляхъ ихъ промысла свободный входъ во всѣ лѣса и пущи, кому бы эти лѣса и пущи ни принадлежали [3]). Сами же стрѣльцы, считаясь козаками и объединяясь въ общины, состоявшія подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, освобождались отъ подчиненія сотеннымъ властямъ и подчинялись непосредственно полковникамъ и гетману. Такъ, напр., черниговскій полковникъ Борковскій, выбравъ въ 1677 г. нѣсколько человѣкъ «къ потребной службѣ стрѣлецкой» и предоставивъ имъ пользоваться «вольностью козацкой», вмѣстѣ съ

[1]) М. Плохинскій. «М. л. У.», приложеніе № 26.

[2]) Такъ, въ 1763 г. бобровницкій атаманъ представилъ вѣдомость, въ которой было перечислено 50 бобровницкихъ дворовъ, захваченныхъ владѣльцами имѣній, — тамъ же, № 34.

[3]) Г. Плохинскій въ своемъ предисловіи къ изданнымъ имъ матеріаламъ о стрѣльцахъ утверждаетъ даже, что войсковыя власти въ интересахъ стрѣлечьяго промысла заботились о сохраненіи лѣсовъ (назв. соч., с. 15). Но въ универсалѣ черниговскаго полковника Григорія Гетманича, на который ссылается г. Плохинскій въ доказательство своего утвержденія, говорится совсѣмъ иное. Здѣсь воспрещается лишь ставить препятствія стрѣльцамъ въ ихъ промыслѣ; «дерево засъ рубати, — прибавляетъ универсалъ — яко и передъ тимъ, кому было вольно, не збороняемъ на свою потребу въ пущи тоей». Тамъ же, приложеніе II, № 1.

тѣмъ объявилъ ихъ «отъ послушенства сотницкого вольными» и требовалъ, чтобы «панове сотникове тихъ всихъ стрѣльцовъ до своей службы козацкой не потягали и послушенства стрѣлецкого, гды роскажетъ (когда прикажетъ) атаманъ стрѣлецкій, не отрывали» [1]. Десять лѣтъ спустя черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ утвердилъ стрѣлецкаго атамана своего полка съ его «товариствомъ» въ числѣ 30 человѣкъ въ ихъ «вольности» и предписалъ не чинить имъ никакихъ препятствій при ловлѣ ими звѣря въ пущахъ. «Оніе стрѣльцы — мотивировалъ Яковъ Лизогубъ свое распоряженіе — такъ намъ, а що билшое самому ясневелможному его милости пану гетману до двору его панского не чимъ иншимъ, тилко звѣромъ съ тихъ пущъ выгоду повинны отдавати». Подобныя же распоряженія по отношенію къ стрѣльцамъ, жившимъ на территоріи Черниговскаго полка, сдѣланы были въ 1699 и 1705 гг. полковниками Ефимомъ Лизогубомъ и Павломъ Полуботкомъ, причемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ число стрѣльцовъ опредѣлялось уже въ 40 человѣкъ [2]. «Здавна за антецессоровъ моихъ — свидѣтельствовалъ, въ свою очередь, въ 1708 г. стародубовскій полковникъ Скоропадскій — въ сотнѣ мглинской установлено на стрѣлецкой повинности человѣка 24, которые, при лѣсахъ живучи, повинны старатися на кухню рейментарскую (гетманскую) всякой звѣрины». Скоропадскій съ своей стороны утвердилъ этихъ 24 человѣкъ при ихъ прежней стрѣлецкой службѣ и требовалъ, чтобы мглинскій урядъ не смѣлъ привлекать ихъ ни къ какимъ городскимъ повинностямъ [3].

Не всегда однако стрѣльцы были козаками. Наряду со стрѣльцами-козаками «стрѣлецкую повинность» въ пользу гетмана въ XVII вѣкѣ порою отбывали и посполитые гетманскихъ имѣній, не выходя при этомъ изъ группы поспольства. «Какъ село Перелюбъ — разсказывалъ въ половинѣ XVIII столѣтія одинъ изъ старожиловъ этого села, лежавшаго въ Черниговскомъ полку, — было во владѣніи гетмана Многогрѣшного, и въ то время въ тѣхъ селахъ между посполитыми были такіе, кои употребляемы были для стрѣлянія звѣру и птаства до двору гетман-

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8. Въ извлеченіяхъ этотъ документъ приведенъ въ Обозрѣніи Рум. Описи, вып. 1, сс. 61—2, и у Плохинскаго, назв. соч., с. 15, — въ первомъ случаѣ съ нѣсколькими мелкими неточностями.

[2]) Плохинскій, назв. соч., приложеніе II, №№ 2, 3 и 4.

[3]) Тамъ же, № 5.

ского». Тотъ же порядокъ сохранился въ Перелюбѣ и въ гетманство Мазепы. Въ это время — разсказывалъ другой старожилъ, бывшій при Мазепѣ войтомъ Перелюбовской волости, — «оной волости жители всѣ находились въ посполитомъ званіи и повинность посполитую отбували... А когда (онъ) приказъ давалъ о добычѣ звѣрины и птаства, то кто не умѣлъ стрѣлять, съ тѣхъ, собравши деньгами, доплатку давали, а кто умѣлъ стрѣлять, посыланы были въ пущу» [1]).

Съ окончаніемъ гетманства Мазепы судьба этихъ стрѣльцовъ измѣнилась. Скоропадскій, ставъ гетманомъ, въ 1709 г. отдалъ с. Перелюбъ во владѣніе черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря и такимъ образомъ перелюбскіе стрѣльцы вмѣстѣ со всѣми остальными посполитыми попали въ монастырское «подданство». Послѣ того, въ гетманство Апостола, они попытались, правда, освободиться отъ этого подданства и ихъ попытка имѣла даже временный успѣхъ, такъ какъ Апостолъ, внявъ ихъ просьбѣ, возвратилъ ихъ въ положеніе гетманскихъ стрѣльцовъ и при этомъ причислилъ къ козакамъ. Но послѣ смерти Апостола монастырь обжаловалъ его распоряженіе и, когда при разборѣ этой жалобы выяснилось, что перелюбскіе стрѣльцы и за время принадлежности Перелюбской волости «на гетманскую булаву» были не козаками, а посполитыми, они декретомъ генеральной войсковой канцеляріи въ 1750 г. опять были повернуты въ монастырское подданство, въ которомъ уже и остались [2]).

Порою гетманы назначали стрѣльцами и отдѣльныхъ лицъ. «Стрелцовъ двохъ, именно Семена Маркова да Федоса Трофимова, жителей гутинскихъ, — писалъ въ 1709 г. Скоропадскій старостѣ с. Гуты Кочубеевой и всѣмъ тамошнимъ жителямъ — волными чинячи отъ тяглости мужицкой, постановилисмо на стрелецкой повинности, ижбы (чтобы) они на кухню нашу гетманскую з добычи стрелецкой всякого звѣру старались достатчати». Поэтому гетманъ предписывалъ, чтобы никто не препятствовалъ названнымъ лицамъ въ ихъ промыслѣ и не возбранялъ имъ входа въ Трубецкую и Шептаковскую пущу и чтобы староста с. Гуты не имѣлъ до нихъ никакого дѣла [3]). Но своимъ промысломъ

---

[1]) Обозрѣніе Рум. Описи, I, 126—7.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 25. Въ Обозрѣніи Рум. Оп., вып. I, с. 126, этотъ эпизодъ переданъ не совсѣмъ точно — въ такомъ видѣ, какъ будто перелюбскіе стрѣльцы были первоначально поверстаны изъ козаковъ.

[3]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 717.

стрѣльцы служили не только гетману, а также и полковникамъ, и послѣдніе въ свою очередь порою приписывали отдѣльныхъ лицъ къ этому промыслу. Такъ, напримѣръ, одинъ из козаковъ с. Мотовиловки въ Кіевскомъ полку, Андрей Жечикъ, въ 1740 г. разсказывалъ о себѣ: «онъ, Андрей, по смерти отца его изъ Кіева перешелъ въ с. Мотовиловку и, пришедъ въ оное село, явился тогда бывшему атаману Давиду Матвѣенку, который и позволилъ ему, Андрею, жить въ томъ селѣ Мотовиловкѣ и далъ ему дворъ, на которомъ строеніе одна изба, а въ козаки его, Андрея, не включали, ибо онъ служилъ кіевского полку полковнику Танскому, то-есть стрѣлялъ всякую дикую живность и звѣрей. Поля и сѣнокосъ онъ, Андрей, имѣетъ и какъ хлѣбъ сѣялъ, такъ и сѣно косилъ свободно, ибо за ту землю и за сѣнокосъ никто ему не воспрещалъ. А въ 734 г. кіевского полку есаулъ полковый Остапъ Гречка приказалъ ему, Андрею, быть въ подданствѣ Кіево-Братскаго монастыря, почему онъ и былъ въ подданствѣ по 740 годъ, а въ нынѣшнемъ году приказалъ ему, Андрею, кіевской сотни сотникъ Жила, чтобъ онъ въ подданствѣ монастырскомъ не былъ, а былъ бы въ козацкой командѣ, при которой онъ нынѣ и числится» [1]).

Наряду съ стрѣльцами, постоянно отбывавшими «стрѣлецкую повинность», та же повинность порою временно налагалась и на другихъ козаковъ, причемъ обыкновенно это дѣлалось въ цѣляхъ поставки дичи къ царскому двору. «Понеже — писалъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1727 г. гетманъ Апостолъ полтавскому, миргородскому, лубенскому и переяславскому полковникамъ — за прежнихъ антецессоровъ нашихъ было обыкновеніе такое, что зъ пограничныхъ рейменту (правленія) нашего полковъ посилаються бывало стрелцѣ и другіе козаки за Днѣпръ и въ степи за границю для добытя всякой звѣрины на отсилку ко двору его императорского величества, которая звѣрина по первомъ зимномъ пути туды одсилалася, того ради и мы, того давнего обыкновенія не запомынаючи, жадаемъ (приказываемъ) вашмосты, абы вашмость во время обыкновенное зъ полку своего зъ побережныхъ сотень стрѣлцовъ такимъ порядкомъ, якъ и прежде было, за Днѣпръ для добытя звѣрини выправилъ, которіе що промисломъ своимъ реченной звѣрини достанутъ, тую мѣетъ (долженъ) ваш-

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла, переданныя изъ архива намѣстническаго правленія. Дѣла объ имуществахъ церквей и монастырей, дѣло Кіево-Братскаго монастыря съ козаками с. Мотовиловки, производившееся въ 1740—42 гг.

мость прислаты до насъ въ Глуховъ для отсилки ко двору монаршому по давному обыкновенію»[1]). Такія періодическія посылки козацкихъ отрядовъ на охоту за Днѣпръ и въ степи практиковались и позже, вплоть до окончанія гетманства Разумовскаго. Но эти посылки разсматривались не какъ особая повинность, а какъ своего рода служебныя командировки козаковъ, и участники отправлявшихся въ подобныя командировки отрядовъ не выдѣлялись въ особую группу.

Что же касается группы стрѣльцовъ, постоянно занимавшихся своимъ промысломъ, то она уже въ гетманство Апостола, подобно группѣ бобровниковъ, пріобрѣла замкнутый характеръ. Такъ, подтверждая въ 1727 г. стрѣльцамъ мглинской сотни ихъ льготы и требуя, чтобы ни стародубовскій полковникъ, ни мглинскій сотникъ «не интересовались» этими стрѣльцами и не чинили имъ обидъ, Апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы «атаманъ стрѣлецкій до своей службы званія стрѣлецкого ніякихъ другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ стрѣльцовъ, не привлекалъ». «А когда — прибавлялъ при этомъ гетманъ — до походу военного случай позоветъ, то бы онъ, атаманъ стрѣлецкій, зъ товариствомъ зналъ и отбувалъ при дворѣ нашомъ войсковую службу безъ жадныхъ ухилокъ (безъ всякихъ уклоненій), приказуемъ»[2]). Точно также и стрѣльцамъ Черниговскаго полка Апостолъ предписалъ — «до двору нашого, въ козацкомъ званіи будучи, повинности добычею своею отдавати, а отбувать, когда случится походъ, службу войсковую при боку нашемъ»[3]). Подобнымъ же образомъ, по просьбѣ стрѣльцовъ смѣлянской сотни Лубенскаго полка, Апостолъ приказалъ и имъ «для всякихъ войсковыхъ услугъ» быть при гетманскомъ дворѣ и одновременно предписалъ смѣлянскому сотнику, чтобы онъ «помянутыхъ стрѣльцовъ до полковыхъ и сотенныхъ служебъ не потягалъ и никому никакого дѣла имѣть до нихъ не велѣлъ»[4]). Такимъ образомъ стрѣльцы, оставаясь козаками, несли свою службу лишь при гетманскомъ дворѣ путемъ отбыванія особой повинности въ пользу гетмана, освобождались отъ службы въ сотнѣ и въ полку и должны были выступать въ походъ только вмѣстѣ съ гетманомъ. Но

---

[1]) Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись библіотеки Н. П. Василенка.

[2]) М. Плохинскій, назв. соч., приложеніе II, № 17.

[3]) Тамъ же, № 19.

[4]) Тамъ же, № 22.

свободнаго доступа въ эту группу уже не существовало — новыя лица могли быть приняты въ нее только съ вѣдома и по приказу гетмана.

Тотъ же характеръ сохранила стрѣлецкая группа и въ гетманство Разумовскаго. «Состоять имъ, стрѣльцамъ, — писалъ этотъ послѣдній въ универсалѣ, данномъ имъ въ 1751 г. стрѣльцамъ мглинской сотни, — въ толикомъ числѣ людей, сколько за прежнихъ гетмановъ ихъ было, а сверхъ того имъ собою въ то стрѣлецкое званіе безъ дозволенія нашего никого съ козаковъ и посполитыхъ отнюдь не принимать; общенародныя повинности несть имъ зъ прочими козаками, точію излише ихъ противъ другихъ козаковъ ничѣмъ не отягощать; въ случаѣ жъ каковыхъ воинскихъ командированій имѣютъ они, стрѣльцы, службу отправлять при насъ»[1]). Однако нахожденіе при гетманскомъ дворѣ и подъ гетманской протекціей далеко не всегда защищало стрѣльцовъ отъ насилій мѣстныхъ властей и владѣльцевъ имѣній. Съ другой стороны, хотя стрѣльцы и были освобождены отъ сотенной и полковой службы, но лежавшія на нихъ, какъ и на всѣхъ козакахъ, «общенародныя повинности» въ соединеніи съ спеціальною стрѣлецкою повинностью оказывались подчасъ настолько тяжелыми, что отдѣльные стрѣльцы нерѣдко не выносили этой тяжести и сами уходили изъ своей группы въ посполитые того или другого владѣльца. Въ результатѣ такихъ уходовъ группа стрѣльцовъ, какъ и группа бобровниковъ, постепенно таяла и уменьшалась въ своемъ числѣ. Но, независимо отъ этого, и тѣ лица, которыя оставались въ обѣихъ этихъ группахъ, въ сущности занимали положеніе, среднее между положеніемъ козаковъ и посполитыхъ. Пользуясь многими правами козаковъ, они въ то же время несли на себѣ обязанности, веьма близкія по своему характеру къ тѣмъ, какія лежали на посполитыхъ гетманскихъ имѣній. Различіе, какое существовало между этими посполитыми, съ одной стороны, и бобровниками и стрѣльцами, съ другой, сводилось, главнымъ образомъ, къ размѣру лежавшихъ на нихъ общенародныхъ повинностей. Но на практикѣ это различіе нерѣдко стиралось уиліями мѣстныхъ властей и тогда бобровнику или стрѣльцу не было уже никакого смысла удерживать свое обособленное положеніе.

Наряду съ группами бобровниковъ и стрѣльцовъ, сохрани-

---

[1]) Тамъ же, № 47.

вшимися отъ прошлаго и съ переходомъ въ козачество поступившими въ непосредственную зависимость отъ гетмана, въ гетманщинѣ съ теченіемъ времени образовались и новыя группы козаковъ, несшихъ ту или иную службу гетману. Таковы были гетманскіе конюшевцы или, иначе, стаенные козаки и гетманскіе палубничіе. Первые служили при гетманскихъ лошадяхъ и конюшняхъ («стайняхъ»), вторые — при гетманскихъ обозныхъ повозкахъ («палубахъ»). Тѣ и другіе отправлялись въ походъ вмѣстѣ съ гетманомъ, а въ мирное время были подчинены ему же и смотрѣли за его лошадьми и обозомъ, будучи избавлены отъ сотенныхъ и полковыхъ службъ и отъ подчиненія сотеннымъ и полковымъ властямъ. Какъ рано появились эти группы, въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ уже въ гетманство Самойловича и Мазепы въ сс. Поповкѣ и Обмочевѣ, лежавшихъ на территоріи Нѣжинскаго полка, существовало по нѣсколько десятковъ дворовъ гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ. Съ теченіемъ времени, благодаря льготному положенію этихъ группъ, число ихъ членовъ еще болѣе увеличилось, такъ какъ подобное положеніе соблазняло и многихъ «сотенныхъ» козаковъ. «Поповскіе многіе козаки, до сотни служачіе, — жаловался въ 1723 г. конотопскій сотникъ наказному гетману Полуботку, — подъ сей часъ, не хотячи тяжкихъ и далекопутнихъ походовъ съ сотенцями отбувать, ухилившись отъ сотни, до стаеннихъ и палубничихъ присовокупились; и всѣхъ ихъ, стаеннихъ и палубничихъ и отъ сотни отставшихъ, у волности 80 человѣка живутъ, а на выслугу войсковую за множествомъ ихъ хиба въ килко лѣтъ (развѣ въ нѣсколько лѣтъ) якому случится на время отбуть». То же самое происходило и въ с. Обмочевѣ. Въ 1723 г. часть здѣшнихъ палубничихъ была возвращена «подъ сотню», но вслѣдъ затѣмъ, съ отдачей Батурина и его сотни Меньшикову, они попали въ подданство послѣдняго. Послѣ возстановленія гетманства Апостолъ, по ихъ просьбѣ, вернулъ ихъ въ козачество и опять опредѣлилъ подъ сотню, сохранивъ при этомъ за ними обязанности палубничихъ. Но, когда послѣ того онъ освободилъ ихъ отъ участія въ походѣ на «линейную Орельскую работу», указавъ, что въ случаѣ общаго похода они должны «по старымъ обыкновеніямъ» выступать въ походъ съ гетманомъ, палубничіе «взяли предъ себе возгоржене» и объявили мѣстному атаману, «дабы до ихъ уже жадного не имѣлъ дѣла и до общенародныхъ сотенныхъ тяжестей, яко то до годованія (кормленія) консистен-

товъ, на сторожи, на стойки и на протчія службы не занималъ бы ихъ», а равно не привлекалъ бы ихъ и къ сотенному суду, такъ какъ съ нихъ надо искать «сатисфакціи въ Глуховѣ, въ двору гетмана». По смерти Апостола, впрочемъ, обмочевскіе палубничіе, по ихъ просьбѣ, были вновь приняты подъ сотню, а затѣмъ, съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, и поповскіе конюшевцы и палубничіе въ свою очередь вновь сошлись съ сотенными козаками [1]).

Всѣ эти группы козаковъ, выдѣлявшихся изъ сотенной организаціи и несшихъ ту или иную службу непосредственно гетману, не отличались большимъ многолюдствомъ. Бобровниковъ насчитывалось въ ихъ лучшее время всего около 100—150 дворовъ, стрѣльцовъ разныхъ категорій и наименованій въ началѣ XVIII вѣка едва-ли было нѣсколько сотъ дворовъ, гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ въ это же время числилось около 130—140 дворовъ. Но перечисленными группами далеко еще не исчерпывалось число козаковъ, такъ или иначе выдѣлившихся изъ сотенной организаціи. Рядомъ съ этими группами постепенно образовались и другія, подобно имъ занимавшія своего рода переходное положеніе между козачествомъ и поспольствомъ и въ то же время болѣе многочисленныя по составу своихъ членовъ.

Одною изъ такихъ группъ, по своему характеру ближе всего стоявшей къ гетманскимъ конюшевцамъ и палубничимъ, явились старшинскіе «куренчики» или «курінчики» [2]). Отправляясь въ походъ, члены войсковой старшины испытывали нужду въ военной свитѣ, которая могла бы играть для нихъ и роль прислуги. Подобная свита нужна была имъ подчасъ и въ мирное время при

---

[1]) См. А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II. Полкъ Нѣжинскій, сс. 230—2 и 274—6, и мою рецензію на эту книгу въ Отчетѣ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова и отдѣльно «Къ исторіи Нѣжинскаго полка», Спб., 1896, сс. 100—1.

[2]) Слово «курень» или «курінь» первоначально означало домъ, жилище. Въ дальнѣйшемъ то же слово употреблялось для обозначенія тѣхъ адмистративнотерриторіальныхъ единицъ, на которыя распадалась сотня. Въ крупномъ мѣстечкѣ обыкновенно бывало нѣсколько «куреней», съ куреннымъ атаманомъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Наоборотъ, нѣсколько мелкихъ поселеній часто составляли одинъ курень съ общимъ куреннымъ атаманомъ. Вѣроятно, это дѣленіе на курени было заимствовано изъ Сѣчи, гдѣ козаки одного куреня и жили въ одномъ домѣ.

отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, главнымъ образомъ, для разсылки разнаго рода писемъ. Стремясь удовлетворить эту потребность, члены старшины и вербовали себѣ «куренчиковъ» среди менѣе состоятельныхъ козаковъ, обыкновенно среди своихъ односельцевъ и иногда даже среди своихъ родственниковъ, беря такихъ «куренчиковъ» на время похода на свое прокормленіе, а въ мирное время освобождая ихъ отъ сотенныхъ повинностей. Первоначально вербовка такихъ куренчиковъ, вѣроятно, носила вполнѣ добровольный характеръ, но съ теченіемъ времени она стала закрѣпляться и распоряженіями высшихъ войсковыхъ властей. Началась эта вербовка, надо думать, довольно рано, еще въ первое время гетманщины. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху гетманства Скоропадскаго, группа куренчиковъ является вполнѣ сложившейся и вмѣстѣ съ тѣмъ широко распространенной. Куренчики въ это время были у самыхъ различныхъ членовъ старшины, начиная съ гетмана и генеральной старшины, продолжая полковниками и сотниками и кончая знатными войсковыми товарищами и державцами имѣній, въ томъ числѣ даже такими, которые въ данное время не несли и не могли нести никакой войсковой службы. И у всѣхъ этихъ лицъ куренчики несли однѣ и тѣ же обязанности и занимали одно и то же положеніе, ставившее ихъ какъ бы на границѣ между козаками и посполитыми.

Въ 1766 г. два жителя с. Некрасовки, Мартынъ Демьяненко и Василій Коваленко, жаловались въ генеральный судъ на неправильное привлеченіе ихъ въ посполитые. По словамъ жалобщиковъ, «предки ихъ, дѣды и отцы, и они, просители, жіючи на имѣючихся нынѣ подъ владѣніемъ ихъ грунтахъ козачихъ, и всякія повинности козачіи отбували». Потомъ «они, просители, были при дворѣ гетмана Скоропадскаго, а служили придворно на лошадяхъ въ посылкахъ по смерть его, гетмана». Вдова Скоропадскаго «при смерти своей возвратила ихъ, просителей, по прежнему подъ сотню», но тогда «бывшій при гетману Скоропадскому въ дворѣ маршалкомъ Андрей Гондзеровскій, испрося ихъ ради надобности его маршалковской всего на одинъ тиждень (недѣлю), привлекъ къ подданству неналежно; егда же они, просители, начали во владѣніи его, Гондзеровского, жить, то онъ з начала толко что въ поѣздки и въ посылки ихъ употреблялъ и по препорціи на работу высылалъ, а послѣ началъ ими работать, якъ бы и подданными своими». Генеральный судъ нашелъ

эту жалобу справедливой и перечислилъ жалобщиковъ въ козаки [1]).

Держа самъ при своемъ дворѣ куренчиковъ, Скоропадскій давалъ и подтверждалъ такихъ же куренчиковъ и другимъ членамъ старшины. Такъ, въ 1711 г. онъ приказывалъ седневскому сотнику не притѣснять куренчиковъ генеральнаго асаула Бутовича, находившагося въ это время въ плѣну. Гетманъ «грозно и сурово» предписывалъ, чтобы «козаки, якіе, въ городѣ и въ селахъ его, пана асаула нашего войскового генералного, зостаючіе, в куренѣ его найдовалися, и теперь до двору, не узнаючи найменшого препятствія, належалы» [2]). Шестью годами позже, послѣ смерти Бутовича, Скоропадскій, по просьбѣ его вдовы, выдалъ ей универсалъ, которымъ «сохранялъ при ея домѣ» четырехъ «свойственныхъ умершого», «козаковъ боромиковскихъ, которіе и умершому мужу ея прислушали для случаючихся потребнихъ посилокъ» [3]). Подобнымъ же образомъ Скоропадскій въ 1708 г. подтвердилъ знатному войсковому товарищу Ивану Черняку с. Гавронцы и половину с. Рыбцовъ «с куреннемъ козаковъ, в тѣхъ же селахъ житие свое мѣючихъ, для услуги до походу военного приданныхъ», а когда въ 1718 г. Чернякъ представилъ ему универсалъ Мазепы, «въ которомъ братевъ ево и инихъ ево сродниковъ маетности его же в Гавронцахъ и в Тахтауловѣ живущихъ, а именно Алексѣя Савина, Черняка Налимовскихъ, Матвѣя Павленка, предку Сохацкихъ, Койнашовъ, Бабанскихъ, Чикаловъ, Искрила, Явденка, в курень ему, какъ сродниковъ, для отбивания военнихъ походовъ опредѣлено», то Скоропадскій съ своей стороны подтвердилъ ему «всѣхъ вишеупомянутихъ его сродниковъ, дабы при ономъ войсковую в походахъ отправляли службу» [4]). Такія же разрѣшенія держать куренчиковъ получали отъ Скоропадскаго и многіе другіе члены старшины, нерѣдко даже не занимавшіе особенно виднаго положенія въ «войскѣ». Такъ, подтверждая въ 1719 г. имѣнія Семену Шаулѣ, бывшему передъ тѣмъ сотникомъ въ м. Носовкѣ Кіевскаго полка, Скоропадскій утвердилъ Шаулѣ и его куренчиковъ. «Опредѣляемъ тутже — писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ — ему, пану Семену Шаулѣ,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 29, кн. 91, д. 18, лл. 155, 155—9.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, с. 518.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Рум. Музея, № 1159, Документы, № 61.

[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та) п. н. «Полтавскіе земельные универсалы», № 39.

в курень человѣка шесть козаковъ тамошнихъ носовскихъ для отбуванія з нимъ служебъ войсковихъ, какъ прежде и за небожщика (покойника) отца его в куренѣ знайдовалися, прето абы (поэтому чтобы) панъ полковникъ и сотникъ тамошній носовскій пререченихъ шести человѣка козаковъ держати в куренѣ не боронилъ, имѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ» [1]).

Но не всѣ члены старшины довольствовались этими разрѣшеніями гетмана. Болѣе видные изъ нихъ нерѣдко выходили далеко за предѣлы такихъ разрѣшеній и, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстахъ, собирали при своемъ дворѣ несравненно болѣе куренчиковъ, чѣмъ это было дозволено имъ гетманомъ. Василію Кочубею Скоропадскій въ 1715 г. опредѣлилъ въ качествѣ куренчиковъ — «въ домѣ пребывающому для посылокъ, а въ военномъ походѣ бытность въ куренѣ его» — козаковъ с. Жуковъ, «понеже при бывшому гетманѣ и дѣду его Федору Жученку то жъ было опредѣлено», и предписалъ «полковнику и старшинѣ полковой до найменшихъ повинностей тѣхъ козаковъ не употреблять». Но уже два года спустя гетману пришлось, по просьбѣ козацкихъ атамановъ, приказывать Кочубею «тѣми только довольствоваться козаками, которые при умершемъ Жученкѣ, дѣдѣ его, въ куренѣ были, числомъ 20, больше же ни до кого не имѣть интересу и всѣмъ козакамъ, живущимъ въ маетностяхъ его, быть къ сотнѣ, а ему, Кочубею, ихъ уступить». Однако гетманскій приказъ, повидимому, мало подѣйствовалъ на Кочубея и въ слѣдующемъ году полтавская полковая и городовая старшина, жалуясь на него царю, между прочимъ просила, чтобы онъ, Кочубей, «козаковъ, которые въ маетностяхъ его живутъ, подъ власть свою не принималъ, кромѣ двадцати, которые ему по универсалу гетмана опредѣлены». Кочубей возражалъ, что козаки, о которыхъ идетъ рѣчь, «еще при дѣдѣ его по универсалу обрѣталися и ему, Кочубею, подъ команду отданы и тѣхъ хотятъ отъ него отнять», но послѣдовавшей по жалобѣ полтавцевъ царской грамотой предписано было «козакомъ всѣмъ, которые суть въ маетностяхъ ихъ, Кочубеевыхъ, быть въ козацкой службѣ подъ вѣдѣніемъ полковника и сотниковъ, а имъ, Кочубеямъ, и инымъ никому нигдѣ козаковъ въ подданство и въ работу себѣ не привлекать и дѣла до нихъ не имѣть» [2]). Кочубеи привлекали козаковъ

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 29, л. 567 об.
[2]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та), п. н. «Полтавскіе земельные универсалы», № 5.

въ куренчики, не располагая въ сущности никакою властью въ полку и пользуясь лишь своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Когда же за такое привлеченіе брался членъ старшины, по своему положенію пользовавшійся болѣе или менѣе значительною властью, оно, естественно, совершалось еще легче и давало еще болѣе серьезные результаты. Такъ, прилуцкіе полчане жаловались въ 1719 г. на своего полковника Игнатія Галагана, что онъ набралъ себѣ въ куренчики до 60 козаковъ и во время похода въ Царицынъ освободилъ ихъ отъ тяжелой работы, которой были обременены остальные козаки его полка [1]). И подобныя жалобы раздавались по адресу не одного только Галагана.

За время гетманства Скоропадскаго такія жалобы, въ лучшемъ случаѣ, вызывали со стороны гетмана лишь частныя мѣры въ видѣ ограниченія числа куренчиковъ у того члена старшины, на котораго жаловалось населеніе. Иначе, какъ мы видѣли въ только что разсказанномъ эпизодѣ съ Кочубеями, относилась къ такимъ жалобамъ центральная власть. И, когда по смерти Скоропадскаго управленіе Малороссіей перешло въ руки назначенной царемъ и составленной изъ великорусскихъ офицеровъ Малороссійской Коллегіи, послѣдняя въ 1722 г. распорядилась отобрать всѣхъ куренчиковъ подъ сотни [2]). Но съ возстановленіемъ гетманства получившій гетманскую булаву Апостолъ вновь возродилъ и куренчиковъ, начавъ опять назначать ихъ отдѣльнымъ членамъ старшины.

Въ 1727 г. знатный войсковой товарищъ Іосифъ Тарасевичъ обратился къ Апостолу съ просьбой подтвердить ему имѣвшихся у него по универсалу Скоропадскаго куренчиковъ въ его маетности — с. Британахъ. «Стосуючися (примѣняясь) до унѣверсалу антецессора нашего, — писалъ въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ — а барзѣй заховуючы (а болѣе сохраняя) давный войсковый порядокъ — что въ войску малороссійскомъ заслуженымъ людямъ и старшинѣ курѣнчиковъ потребное число бывало опредѣляется, — позволяемъ чрезъ сей нашъ унѣверсалъ, абы десять человѣка козаковъ, въ маетности его мешкаючіе, были въ курени его по прежнему и до служебъ къ походамъ войсковымъ, такожъ для посылокъ зъ писмами при немъ присутствовали, тол-

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., №№ 6691, 6692, 25147.

ко бъ не были въ подданской повинности и порабощеніи, упоминаемъ» [1]). Въ слѣдующемъ году по жалобѣ генеральнаго есаула Жураковскаго, что глуховская сотенная старшина «курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягають», Апостолъ отправилъ глуховскому сотнику и атаману приказъ, чтобы они не смѣли дѣлать этого [2]).

Обращались къ Апостолу съ просьбами такого рода и другіе члены старшины и тоже не встрѣчали отказа въ этихъ просьбахъ. Такъ, Василій Завадовскій просилъ гетмана въ 1728 г. «для случаючихся посылокъ и управленія опредѣляемыхъ дѣлъ» назначить «въ курень» ему «козаковъ человѣка восемь въ войсковомъ селѣ Хмелевцѣ въ сотнѣ полковой стародубовской» [3]). Въ томъ же году Андрей Лизогубъ жаловался, что у него въ 1722 г. были отобраны Малороссійской Коллегіей куренчики въ с. Сосновкѣ, которыхъ держалъ еще дѣдъ его лѣтъ тридцать назадъ, а между тѣмъ «иннии и понинѣ курѣннихъ козаковъ при собѣ держатъ». «Того ради — писалъ Лизогубъ — прошу велможности вашой унѣверсалъ дати до пана сотника конотопского на десять человѣкъ коннихъ, а десять пѣшихъ, дабы опредѣливъ мнѣ по прежнему на послушенство» [4]). Тогда же жаловался гетману и бунчуковый товарищъ Семенъ Лизогубъ, что у него отняли его куренчиковъ въ сс. Шибириновкѣ и Андреевкѣ, которые издавна находились въ его куренѣ, «а безъ курѣнчиковъ служебъ войсковыхъ ему отправовать не безъ трудности и обиды будетъ» — и гетманъ предписалъ разслѣдовать, какіе куренчики издавна служили Семену Лизогубу, а пока отдать ему въ курень шибириновскихъ и андреевскихъ козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ посланный для объявленія этого указа и для производства разслѣдованія наказной сотникъ доносилъ гетману: «тихъ селъ козаки всѣ согласно сказали, что наслуговувать они пану Семену Лизогубу стали с того времени, когда покойный Иванъ Скоропадскій сталъ гетманомъ; наслуговували они пану Лизогубу по прошлій 724 годъ» [5]).

Возстановляя такимъ образомъ въ прежней неприкосновенности порядки, дѣйствовавшіе при Скоропадскомъ, Апостолъ до

---

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи, изд. М. Судіенко, I, отд. II, 18.
[2]) Тамъ же, I, 70.
[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 25140.
[4]) Тамъ же, № 25147.
[5]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

нѣкоторой степени еще и систематизировалъ эти порядки, назначая куренчиковъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ группамъ старшины. Такъ, предписывая универсаломъ 30 марта 1733 г. бунчуковымъ товарищамъ Нѣжинскаго полка, «въ засеймскихъ сотняхъ жительство свое имѣющимъ», быть готовыми къ походу, гетманъ прибавлялъ: «а понеже издавна обыкновеніе в полкахъ рейменту нашего бывало, когда бунчуковое товариство в походъ виправляются, то имъ для вспомоществованія от антецессоровъ нашихъ курѣнчики бывало опредѣляются, того ради и мы симъ нашимъ унѣверсаломъ панамъ бунчуковымъ товариству всякому, если которій востребуеть, козаковъ самихъ найубожшихъ к нынѣшному военному походу для вспомоществованія опредѣлить велѣли»; «толко бъ — оговаривался Апостолъ — тихъ себѣ опредѣленнихъ куринчиковъ чрезъ ввесь походъ панове бунчуковіе товарищи на своемъ содержали виктѣ (кормѣ) и коштѣ, когда же з означенного походу по указу возвратятся, тогда онымъ курѣнчикамъ быть при своихъ прежнихъ командахъ предлагаемъ» [1]).

Смерть Апостола и послѣдовавшая за ней замѣна гетманской власти въ Малороссіи «министерскимъ правленіемъ», на первыхъ порахъ не измѣнили положенія куренчиковъ. Еще въ 1734 г. бунчуковый товарищъ Петръ Корецкій обратился къ управлявшему Малороссіей кн. Шаховскому съ просьбой о назначеніи ему куренчиковъ, ссылаясь въ подкрѣпленіе своей просьбы на указъ имп. Анны 8 августа 1734 г., которымъ «ея императорское величество указать изволила о опредѣленіи генеральной старшинѣ, полковникамъ и другимъ курѣнчиковъ». Въ 1735 г. Корецкій возобновилъ свою просьбу, указывая, что при Скоропадскомъ у него «имѣлись курѣнчики 15 человѣкъ», но затѣмъ Малороссійской Коллегіей они были отобраны подъ сотню [2]). Но въ томъ же 1735 г. состоялось распоряженіе отобрать отъ всѣхъ старшинъ и бунчуковыхъ товарищей куренчиковъ и причислить ихъ къ остальнымъ козакамъ, «подъ сотню» [3]).

Существованію куренчиковъ былъ такимъ образомъ положенъ конецъ. Но съ уничтоженіемъ этой группы далеко не всѣ лица, входившія передъ тѣмъ въ ея составъ, вернулись, какъ это

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 10000.

[2]) Тамъ же, №№ 6691 и 6692.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

предписывалось распоряженіемъ 1735 г., въ ряды козачества. Какъ мы видѣли, куренчики въ самый моментъ своего возникновенія занимали, до извѣстной степени, среднее положеніе между козаками и посполитыми. Считаясь козаками, они не несли тѣхъ повинностей въ пользу казны, которыми было обложено посполитство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не несли и «сотенныхъ повинностей», не отправляли козацкой службы въ сотнѣ. Взамѣнъ того они и въ военное, и въ мирное время отправляли лишь службу отдѣльнымъ членамъ старшины, къ которымъ они были назначены, — и эта служба, по крайней мѣрѣ, въ мирное время, сильно сближала ихъ съ посполитыми владѣльческихъ имѣній. Во многихъ имѣніяхъ Малороссіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка существовалъ особый разрядъ посполитыхъ, носившихъ названіе «бояръ», которые были освобождены отъ тягла, но за то несли на себѣ повинность развозки владѣльческихъ писемъ и посылокъ [1]). Различіе между этими «боярами», набиравшимися изъ посполитыхъ, и «куренчиками», вербовавшимися изъ козаковъ, оказывалось очень небольшимъ, а на практикѣ оно нерѣдко и совсѣмъ исчезало. Если у козака подъ вліяніемъ тяжести сотенной службы — тяжести, быстро возроставшей съ теченіемъ времени, — подчасъ являлся соблазнъ укрыться отъ этой тяжести путемъ перехода въ «куренчики» того или иного члена старшины, то послѣднему, въ свою очередь, легко приходилъ соблазнъ обратить такого «куренчика» въ своего «боярина», а затѣмъ и въ обыкновеннаго «подданнаго». Съ уничтоженіемъ же куренчиковъ, какъ особой группы населенія, значительная часть ихъ такъ и осталась въ составѣ владѣльческихъ «подданныхъ». Еще во второй половинѣ XVIII вѣка въ малорусскіе суды поступало не мало жалобъ со стороны бывшихъ куренчиковъ на обращеніе ихъ во владѣльческихъ посполитыхъ, но суды этой эпохи не склонны были обращать большое вниманіе на подобныя жалобы и бóльшая часть ихъ признавалась неподлежащей удовлетворенію. Судьба курен-

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько упоминаній о такихъ «боярахъ». Въ 1695 г. въ с. Омбышѣ упоминается «бояринъ давный монастырскій»; бояринъ упоминается въ Омбышѣ и въ 1745 г. Въ 1695 г. «бояринъ» упоминается въ с. Вощилинѣ, въ 1721 г. — въ с. Онисовѣ. Въ 1721 г. «бояринъ» с. Лищичъ, маетности Кіево-Печерскаго монастыря, купилъ хуторъ у козачки за 2.000 золотыхъ. Въ 1755 г. упоминается въ Быковской волости «бояринъ» — посполитый, несущій конную службу для посылокъ и свободный отъ тягла. (Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, №№ 1616/1163, 1616/1164, 1616/929, 1616/793, 1616/1243; Кіевск. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива намѣстническаго правленія, дѣла о закрѣпощеніи и отысканіи вольности, дѣло 1755 г. о козакѣ Карпенкѣ по доношенію экономической канцеляріи).

чиковъ въ этомъ отношеніи оказалась, до извѣстной степени, аналогичной съ судьбою бобровниковъ, стрѣльцовъ и гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ, съ той только разницей, что группа куренчиковъ была несравненно многочисленнѣе всѣхъ этихъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Организація военныхъ силъ страны, происходившая въ условіяхъ примитивнаго государственнаго и соціальнаго строя, повела такимъ образомъ къ выдѣленію изъ рядовъ козачества нѣсколькихъ группъ, занимавшихъ какъ бы промежуточное положеніе между козаками и посполитыми и становившихся въ такія отношенія къ отдѣльнымъ членамъ старшины, которыя близко напоминали частную зависимость, а порой и прямо переходили въ подобную зависимость. Но наряду съ такимъ прямымъ воздѣйствіемъ государственной власти на населеніе, создававшимъ среди послѣдняго извѣстное разслоеніе, въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія причины, въ ряду которыхъ особенно видное мѣсто занимали опять-таки послѣдствія тѣхъ войнъ, какія пришлось вести Малороссіи вслѣдъ за отдѣленіемъ ея отъ польскаго государства, и тѣхъ матеріальныхъ тяготъ, какія налагали эти войны на ея населеніе.

Въ одной сохранившейся до нашего времени отъ XVII вѣка книгѣ протоколовъ полтавскаго полкового суда имѣется любопытный документъ, выданный въ 1688 г. полтавскимъ полковникомъ Павломъ Семеновичемъ. «Ознаймуемъ симъ нашимъ писмомъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ, — говорится въ этомъ документѣ — ижъ (что) Ивана Мазура, жителя ивончинского, од всѣхъ тяглостей посполитихъ, а над то (сверхъ того) и од датку поборового, уволняемъ цѣле, поневажъ (такъ какъ) онъ на томъ сталъ, абы по смерти его всѣ власности рухомие и нерухомие (имущества движимыя и недвижимыя) досталися церквѣ Божой, тамже на Ивончинцяхъ селѣ стоячой, а по смерти его, Ивановой, его жъ жона до конца живота своего на всѣхъ тихъ осѣдлостяхъ мешкати маетъ (жить должна) неотмѣнне». Въ 1689 г., какъ узнаемъ мы изъ той же книги, этотъ документъ былъ представленъ новому полтавскому полковнику Федору Жученку и послѣдній съ своей стороны подтвердилъ его. «Мѣетъ реченний Мазуръ — писалъ Жученко — под обороною церкви божественной ивончинской и нашой полковничой и врядовой ажъ до смерти его (быть), абы на немъ, Ивану Мазуру, жаднихъ (никакихъ) ви-

мисловъ в подводехъ, в даткахъ городовихъ и стацийнихъ не было вимагано (не вымогалось) до смерти его, а по смерти вся худоба (имущество) Иванова в кгрунтехъ, рухомихъ и нерухомихъ речахъ (предметахъ) вся спадаетъ на церковь божественную ивончинскую, а не кому иншому»[1]).

Приведенные документы воспроизводятъ передъ нами лишь единичный эпизодъ украинской жизни XVII столѣтія, но эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ и самъ по себѣ, и — еще болѣе — въ сопоставленіи съ нѣкоторыми другими фактами той же эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ нѣсколько ближе приглядѣться къ содержанію этого эпизода. Посполитый с. Ивончинецъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, — въ подтвердительномъ письмѣ полковника Жученка Иванъ Мазуръ именуется «подейшлымъ въ лѣтѣхъ старушкой», — завѣщалъ послѣ своей смерти все свое движимое и недвижимое имущество своей сельской церкви и въ виду этого мѣстный полковникъ взялъ его «подъ оборону» этой церкви, равно какъ подъ свою, полковничью, и урядовую оборону, освободивъ его на весь остатокъ его жизни отъ всѣхъ «посполитыхъ тяглостей», т. е. отъ всѣхъ повинностей и платежей, какими облагались посполитые въ пользу «войска» и его казны. Въ Малороссіи XVII вѣка церковь являлась собственностью и средоточіемъ той общины, въ которой она стояла: община строила церковь, община выбирала для нея священника, община же распоряжалась и церковнымъ имуществомъ, причемъ нерѣдко взимала въ пользу церкви плату и за свои, общинныя земли, уступавшіяся тому или другому лицу[2]). Такимъ образомъ Иванъ Мазуръ, завѣщая все свое имущество церкви своего села, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу своей сельской общинѣ и, очевидно, именно поэтому полковникъ, воплощавшій въ своемъ лицѣ власть полковой общины, и счелъ возможнымъ освободить его отъ повинностей и платежей, лежавшихъ на всѣхъ остальныхъ членахъ его общины, взявъ его «подъ оборону» той церкви, которой онъ принесъ пожертвованіе, и свою. Подобное освобожденіе отъ повинностей въ годы, къ которымъ относится исторія Ивана Мазура, не было очень ужь рѣдкимъ исключеніемъ. Людей, стоявшихъ «подъ обороной» тѣхъ или иныхъ носителей власти и избавлявшихся этой «обороной» отъ несенія общихъ по-

---

[1]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, кн. I, лл. 190 об. — 191, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ Кіевскаго университета).

[2]) См. мои «Очерки», вып. 1, сс. 182—7.

винностей, въ Малороссіи подъ конецъ XVII вѣка насчитывалось не мало и соотвѣтственно этому въ источникахъ даннаго времени можно найти довольно большое количество эпизодовъ взятія отдѣльныхъ лицъ «подъ оборону» того или другого представителя власти. Но именно приведенный выше эпизодъ бросаетъ, думается мнѣ, лучъ свѣта на происхожденіе такой «обороны» и разъясняетъ тѣ мотивы, какими она первоначально диктовалась.

Можно думать, дѣйствительно, что вначалѣ, когда еще сильна была власть всего «Войска Запорожскаго» и отдѣльныхъ его общинъ, освобожденіе отъ общихъ повинностей являлось лишь очень рѣдкимъ исключеніемъ и достигалось только въ результатѣ болѣе или менѣе серьезныхъ заслугъ, оказанныхъ всему-ли «Войску» въ цѣломъ или какой-либо изъ его общинъ. Можно думать также, что, освобождая лицъ, оказывавшихъ такія услуги, отъ несенія общихъ повинностей и принимая ихъ подъ свою «оборону», носители власти въ «Войскѣ» первоначально дѣлали это лишь съ явнаго или, по крайней мѣрѣ, молчаливаго согласія избиравшаго ихъ на ихъ уряды населенія, воплощая такимъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ волю послѣдняго. Но такое положеніе во всякомъ случаѣ продолжалось не долго. По мѣрѣ того, какъ носители власти высвобождались изъ-подъ контроля тѣхъ общинъ, представителями которыхъ они являлись, и получали бо́льшую самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, они стали проявлять эту самостоятельность и въ пріемѣ различныхъ людей подъ свою «оборону». Расширяя всѣ другія права, первоначально принадлежавшія имъ, лишь какъ представителямъ избиравшаго ихъ населенія, лица, сидѣвшія на урядахъ, постепенно расширили и право принятія тѣхъ или иныхъ людей, какъ изъ козачества, такъ и изъ поспольства, въ свою «оборону», не останавливаясь притомъ и передъ примѣненіемъ этого права исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ. И уже къ концу XVII вѣка самые различные члены старшины, начиная съ гетмана и кончая сотниками, держали подъ своей «обороной» или «протекціей» немалое количество освобожденныхъ отъ отбыванія общихъ повинностей людей, успѣвшихъ получить къ этому времени и особое имя — «протекціантовъ».

Гетманы, какъ мы знаемъ, довольно рано начали принимать «подъ свою протекцію и оборону» семьи членовъ старшины, освобождая ихъ дворы отъ общихъ повинностей и перенося ихъ судебныя дѣла въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войско-

вого суда. Но наряду съ этимъ въ гетманскую «протекцію» принимались и лица совершенно иного общественнаго положенія. «Для певныхъ причинъ (по нѣкоторымъ причинамъ) мѣючи въ певномъ респектѣ нашомъ жителя чернѣговского Александра Шабелника, уволняемъ от всякихъ мѣскихъ (городскихъ) повинностей и работизнъ з ласки нашое» — писалъ гетманъ Мазепа въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1699 г. и требовалъ, чтобы черниговская старшина, а въ особенности войтъ съ магистратскими чинами, не осмѣливались «его, Александра, до посполитихъ повинностей потягати и жадними работизнами обтяжати»[1]. «Мы — писалъ тотъ же Мазепа въ одномъ изъ универсаловъ 1704 г.— Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здается (принявъ во вниманіе, что онъ годенъ) и потребенъ есть до двору нашого на дѣла, слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого зъ старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также въ приключаючихся справахъ (дѣлахъ) у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ»[2]. «Беручи — писалъ, въ свою очередь, гетманъ Скоропадскій въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1709 г. — респектомъ свойства (въ уваженіе родства) пановъ Ѳедора и Ивана Левченковъ з дѣтми въ особливую нашу гетманскую протекцію и оборону, пилно (усердно) сего ж нашего унѣверсалу повагою (авторитетомъ) варуемъ и приказуемъ, абы панъ полковникъ прилуцкий, старшина тамошняя и нѣхто не тилко до войсковыхъ повинностей и до посполитыхъ людей подачокъ не смѣли и не важилися (отваживались) потягати выжейпомененнихъ, въ протекціи нашой будучихъ, лечъ абы (но чтобы) под тоею обороною и протекціею нашою волное и спокойное могли всегда мѣты мешкане»[3].

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/784.

[2]) «Кіевская Старина», 1898 г., № 6, сс. 92—3.

[3]) По смерти Скоропадскаго вдова его жаловалась Полуботку, что наказной прилуцкій полковникъ началъ «до тяглостей чепать» Левченковъ, и Полуботокъ подтвердилъ универсалъ покойнаго гетмана. Позже, въ 1726 г., Скоропадская опять жаловалась генеральной войсковой канцеляріи, что полковая и сотенная старшина возобновила свои притязанія къ Левченкамъ. На этотъ разъ правители генеральной канцеляріи сочли нужнымъ запросить мнѣніе Малороссійской Коллегіи. Но отвѣта послѣдней въ архивномъ дѣлѣ нѣтъ. Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла 6. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 5, св. 1, № 6.

Рядовые козаки и посполитые, поступавшіе такимъ образомъ подъ гетманскую протекцію и оборону, сильно отличались по своему положенію отъ принимавшихся подъ ту же гетманскую протекцію членовъ старшинскихъ семей. Но самая идея «протекціи» въ тѣхъ и другихъ случаяхъ оставалась, въ сущности, одинаковой. Беря подъ свою протекцію членовъ старшины и старшинскія семьи, гетманъ пользовался властью, принадлежавшей ему, какъ представителю всего «Войска», и принималъ старшину подъ свою протекцію за ту службу, которую несла эта старшина для «Войска». Но точно также, какъ представитель «Войска», дѣйствовалъ гетманъ и тогда, когда бралъ подъ свою протекцію того или иного козака или посполитаго въ силу болѣе или менѣе отдаленнаго свойства его съ семьей гетмана или по другимъ, извѣстнымъ ему причинамъ. Равнымъ образомъ и тогда, когда гетманъ, найдя какого-нибудь хорошаго ремесленника, обязывалъ его служить при гетманскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ покрывалъ своей протекціей, эта протекція служила какъ бы вознагражденіемъ за службу «Войску» въ лицѣ высшаго представителя послѣдняго — гетмана. И самая форма протекціи оставалась въ этихъ случаяхъ тою же самою, сводясь къ освобожденію принимаемыхъ подъ протекцію лицъ отъ общихъ повинностей и къ исключенію — по крайней мѣрѣ, иногда — судебныхъ дѣлъ этихъ лицъ изъ компетенціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ съ передачей всѣхъ такихъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войскового суда. Однако послѣдствія этой протекціи для рядовыхъ козаковъ и посполитыхъ были далеко не тѣ, что для старшинскихъ семей. Если за послѣдними она лишь закрѣпляла ихъ привилегированное по сравненію съ остальнымъ «войсковымъ товариствомъ» положеніе, то для первыхъ такая протекція, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она давалась имъ за службу при гетманскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ льготами устанавливала и частную зависимость. Посполитый, котораго гетманъ ставилъ слесаремъ при своемъ дворѣ, въ качествѣ гетманскаго «протекціанта» избавлялся отъ всякихъ повинностей по отношенію къ другимъ членамъ старшины и получалъ право судиться въ генеральномъ судѣ, въ которомъ судились и бунчуковые товарищи. Но за то такой посполитый обязывался работать на гетмана и именно эта работа обезпечивала за нимъ льготы, связанныя съ положеніемъ гетманскаго протекціанта.

Такого рода протекціанты были не только у гетмана. Были

они и у членовъ генеральной старшины, были и у полковниковъ и у полковой старшины, были и у сотниковъ. По мѣрѣ того, какъ разросталась власть старшины и ослабѣвала ея зависимость отъ массы населенія, различные члены старшины начинали все шире пользоваться возможностью набирать себѣ «протекціантовъ», а среди населенія въ свою очередь съ теченіемъ времени появлялось все больше и больше людей, готовыхъ укрыться отъ тяжести военной службы и «общенародныхъ повинностей» подъ «протекцію» того или иного члена старшины. Въ 1703 г. войтъ и мѣщане г. Полтавы жаловались гетману Мазепѣ, что «за нераденіемъ и нестроеніемъ бывшой полковницкой власти не тилко порядки мѣские попсовалися (испортились городскіе порядки), посполитие люде значнѣйшіе и можнѣйшіе протекціею войсковой старшины, себѣ свойственой, от общей тяглости уволненніи зостали, лечъ (но) и многие до ратуша и добра городового посполитого (общаго) належачие угодия въ руки неналежние одойшлы, наветь (даже) и людмы такъ в самомъ городѣ Полтавѣ, яко и в селахъ, до города належачихъ, многие зъ духовнихъ и свѣтскихъ особъ завладѣли и от посполитой тяглости отторгнулы, яко то панъ Искра, бившій полковникъ, тридцять человѣка мѣскихъ, у Крутого Берега зостаючихъ, попъ Спасскій полтавскій въ самомъ городѣ двадцать человѣка, Алексѣй Чернякъ в Олшаной болшъ от семидесяти людей въ свою неналежную область одобрали». Гетманъ, получивъ эту жалобу, предписалъ, чтобы «нѣхто з власти войсковой не смѣлъ и не важился свойственихъ своихъ людей посполитихъ от мѣской тяглости заступати, а вишше помянутие особи, панъ Искра в Крутомъ Березѣ, попъ Спасскій в самомъ городѣ Полтавѣ, Чернякъ в Олшаной, людей, собою самовластне безправне завладѣнихъ, конечно уступили и до первобытной власти мѣской (городской) привернули»[1]). Но то же самое явленіе, на которое жаловались полтавскіе мѣщане, повторялось въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи.

Наибольшею возможностью набирать себѣ «протекціантовъ» обладали послѣ гетмана полковники, являвшіеся «господарями» своихъ полковъ, и многіе изъ нихъ широко использовали эту возможность, принимая подъ свою протекцію и козаковъ, и свободныхъ посполитыхъ въ обмѣнъ за тѣ или иныя услуги

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та) п. н.: «Полтавскіе земельные универсалы», № 1.

либо за ту или иную плату. Между прочимъ, этимъ путемъ въ нѣсколькихъ полкахъ образовались цѣлыя группы т. н. «полковничьихъ чиншевиковъ» — людей, уплачивавшихъ полковнику опредѣленный «чиншъ» и за это освобождавшихся отъ общихъ повинностей.

Мѣстами такіе чиншевики появились уже въ концѣ XVII вѣка. Такъ, одинъ посполитый с. Оробьевки, лежавшаго въ варвинской сотнѣ Прилуцкаго полка, въ 1744 г. показывалъ, что, когда это село было еще свободнымъ войсковымъ и его посполитые «на ратушъ варвинскую принадлежали, то иние на ратушъ кошували мало сѣна, а иние не кошували за тимъ, что на чинши сидѣли, платячи полковникамъ прилуцкимъ Горленку да Стороженку» [1]). «Степанъ Островершенко, житель березовский, — разсказывалъ въ 1722 г. прилуцкій протопопъ Трифановскій — живучи з отца в селѣ Березовици на своихъ грунтахъ, давалъ чиншъ такъ пану Димитрию Горленку, яко и пану Носу, бывшимъ полковникомъ прилуцкимъ, а когда по разсмотрѣнию покойний панъ Носъ, ради тяжести людской, не похотѣвши его держать на чиншу, приказалъ притягати до посполитихъ повинностей, онъ с прочиими, не похотѣвши мужеско отбувати, перешелъ до села Талалаевки, маетности пана асаула Мовчана, и жилъ в его на чиншу» [2]). Подъ конецъ полковничества Носа, по ревизіи 1713 г., въ Прилуцкомъ полку было насчитано до 30 дворовъ «посполитыхъ людей, якіе, такъ жадныхъ тяглостей, яко и мѣсячного датку не выстачаючи, чиншъ полковникови даютъ» [3]). Смѣнившій въ 1714 г. Носа на посту прилуцкаго полковника Игнатій Галагаланъ еще болѣе увеличилъ число этихъ полковничьихъ чиншевиковъ и прилуцкіе полчане, жалуясь въ 1719 г. на различные обиды, причиняемыя имъ Галаганомъ, въ числѣ ихъ упоминали и непомѣрное увеличеніе количества такихъ чиншевиковъ. «Пе-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 175, л. 157. Упомянутый здѣсь Горленко — очевидно, Лазарь — былъ послѣдній разъ прилуцкимъ полковникомъ съ 1680 г. по 1687 г.; Иванъ Стороженко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1687—92 гг.

[2]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 2632; Дмитрій Горленко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1692—1708 гг., Иванъ Носъ — въ 1708—14 гг.

[3]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 21—20 Лазаревскій, ссылаясь на Игн. Галагана, рѣшительно утверждалъ, что только предшественникъ Носа, Дмитрій Горленко, «придумалъ» полковничьихъ чиншевиковъ, какъ «совсѣмъ новую статью доходовъ» (назв. соч., с. 21). Мы видѣли однако, что въ Прилуцкомъ полку такіе чиншевики существовали и до полковничества Дмитрія Горленка. А, съ другой стороны, они не составляли и исключительной принадлежности Прилуцкаго полка. Въ виду этого утвержденіе покойнаго историка едва ли можно считать правильнымъ.

редъ симъ — писали полчане — бывали в полку Прилуцкомъ чиншовіе люде и зимовчики таковіе, которіе, переехавши из того боку Днѣпра на сюю сторону з соллю, наймали себѣ тутъ хати, а полковникамъ прежнимъ бывало даютъ по таляру от хати, а по таляру от мажи (телѣги), якъ же тихъ зимовцовъ мало стало, такъ вмѣсто онихъ его милость панъ полковникъ найдостатнѣйшихъ грунтовихъ людей повписовалъ в чиншъ и беретъ з нихъ грошовий датокъ, которіи люде могли бы под сей трудній часъ не малое чинити ратушамъ и посполитимъ людямъ вспоможеня, а то оны нѣ компанѣйцямъ не даютъ, нѣ посполитимъ людямъ жадного не чинять даткою, подводами и сѣнокосомъ подпоможеня, и того ради в полку нашомъ отнюдь осидѣтися люде не могутъ, але (но) идутъ туда, где такихъ не отбуваютъ тяжестей». Галаганъ возражалъ, правда, на эту жалобу, что чиншовыхъ людей при немъ въ полку столько же, сколько было и при полковникахъ Горленкѣ и Носѣ, а если и посаженъ на чиншъ кто новый, «то развѣ на мѣстце тыхъ, яковіи на чинши не хотѣли сидѣти и належитости роковой (оклада годового) не стали давати». Однако изъ представленныхъ реестровъ выяснилось иное. Оказалось именно, что старыхъ чиншевиковъ съ зимовцами въ полку числится 20, а новыхъ, посаженныхъ на чиншъ Галаганомъ изъ козаковъ и посполитыхъ, — 78, причемъ съ этихъ 98 чиншевиковъ полковникъ собираетъ въ годъ деньгами болѣе 1.100 золотыхъ [1]).

Такіе полковничьи чиншевики существовали и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ 1716 г. гетманъ Скоропадскій, по просьбѣ войта и мѣщанъ г. Переяслава, возвратилъ въ вѣдѣніе переяславской ратуши людей, жившихъ на городскихъ земляхъ, но посаженныхъ мѣстными полковниками на чиншъ [2]). Въ слѣдующемъ

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1. Въ числѣ этихъ чиншевиковъ Галагана были и козаки, «якіе чиншъ платятъ, а до войска не ходятъ»,и «зимовцы», которые «зимовное отбуваютъ» или, платя чиншъ, «тылко драгуновъ сустентуютъ (кормятъ), да на одного даютъ компанѣйця, а од всѣхъ тяглостей мѣскихъ волни зостаютъ, дрова до винницѣ возятъ пану полковникови». Чиншъ уплачивался этими чиншевиками въ самыхъ различныхъ размѣрахъ, отъ 10 талеровъ до одного золотого (талеръ равнялся 60 копейкамъ, золотой — 20 копейкамъ). См. также А. М. Лазаревскій, назв. соч., сс. 46—7. Здѣсь приведенъ и «листъ», которымъ Галаганъ освободилъ на 1714 годъ одного изъ своихъ чиншевиковъ отъ всѣхъ общихъ повинностей, «такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ, отъ стаціи компанейцевъ и великороссійскихъ людей, всякихъ тяглостей мірскихъ и сторожовщины». По словамъ Лазаревскаго, онъ видѣлъ такихъ «листовъ» Игн. Галагана въ семейномъ архивѣ Г. П. Галагана около 30-ти.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, документы, № 58.

году Скоропадскій, по аналогичной просьбѣ мѣщанъ м. Барышовки, возвратилъ имъ «въ первобытное городови владѣніе», иначе говоря, въ число свободныхъ войсковыхъ посполитыхъ, тѣхъ людей въ сс. Морозовкѣ и Селичовкѣ, которыхъ передъ тѣмъ переяславскій полковникъ Тамара, «уволнивши отъ всѣхъ посполитихъ повинностей, на чиншѣ посадити казалъ» [1]. То же самое было и въ другихъ полкахъ. Въ 1726 г. два жителя с. Бѣлоцерковки въ Лубенскомъ полку жаловались въ генеральную канцелярію на неправильное привлеченіе ихъ въ подданство. Мы были — разсказывали жалобщики — козаками, «а якъ Леонтій Свѣчка сталъ полковникомъ лубенскимъ, и тогда походовъ мало до войска било, и онъ по его волѣ велѣлъ намъ чиншъ денежную давать, и бралъ отъ насъ роковъ (лѣтъ) чотири. Когда же уже Тарнавскій село Бѣлоцерковку себѣ въ подданство понялъ, то уже не бралъ денежной чинши, но усиловалъ насъ ему панщину дѣлать и подданными насъ себѣ здѣлалъ»[2].

Помимо такихъ чиншевиковъ, полковники нерѣдко, подобно гетманамъ, принимали въ свою протекцію отдѣльныхъ ремесленниковъ изъ числа козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, облагая такихъ ремесленниковъ работой на свой дворъ и освобождая ихъ за это отъ общихъ повинностей. Иногда такіе протекціанты-ремесленники оставались при дворѣ полковника и послѣ его ухода съ уряда. Бывало и такъ, что послѣ смерти самого полковника они закрѣплялись за его семьей распоряженіемъ гетмана. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1713 г., послѣ смерти лубенскаго полковника Савича, оставилъ «въ прежнемъ послушенствѣ до двора Савичевой для домовой потребы универсалами опредѣленныхъ въ Лубняхъ кравцовъ двохъ, шевцовъ трехъ, бондаровъ и коваловъ по два, рыбалокъ трое, гончаровъ двохъ, а въ с. Новакахъ и Калайденцахъ стелмаховъ четырехъ человѣкъ» [3].

Иногда, наконецъ, полковники, пользуясь своею властью,

---

[1]) Тамъ же, № 39.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 10542. Правители генеральной канцеляріи, найдя жалобщиковъ по справкѣ не въ козацкомъ компутѣ, а между посполитыми, рѣшили оставить ихъ въ подданствѣ, а «за тое, что неслушне турбуютъ и самовольне въ козацтво впираются, учинено имъ наказаніе».

[3]) А. М. Лазаревскій. Историческіе очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца», XI, II, с. 85, примѣч. 1.

принимали подъ свою протекцію не только козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, но и посполитыхъ владѣльческихъ. Такъ, напримѣръ, бывшій бѣлоцерковскій обозный Павелъ Циганчукъ жаловался въ 1727 г. генеральной войсковой канцеляріи, что хотя Скоропадскимъ было дано ему 34 человѣка посполитыхъ въ с. Свидовкѣ Кіевскаго полка, но «полковникъ кіевскій Антоній Танскій по смерти гетмана Скоропадского ис тихъ 34 человѣкъ взялъ въ свою протекцію 15 человѣкъ, и з онихъ вписалъ в козаки двохъ человѣкъ, девять засъ (же) человѣка розійшлося, а в его осталось всего 10 человѣкъ, да и тихъ онъ, полковникъ, велить въ дворъ свой вигонить на косовицу и на жатву». Генеральная канцелярія подтвердила Циганчуку свидовскихъ посполитыхъ, но и послѣ этого онъ вновь жаловался, что Танскій «приказалъ онимъ людямъ его, Циганчука, не слухать и, когда онъ, Циганчукъ, пошлетъ, чтобъ ишли на якую работу, то тіе люде, надѣясь на полковника, противятся и не толко его не слухаютъ, но и разними укоризнами досаждаютъ и ругаютъ его». Тогда генеральная канцелярія рѣшила употребить понудительныя мѣры, однако не по отношенію къ полковнику, а по отношенію къ привлекавшимся имъ въ протекцію посполитымъ. Въ с. Свидовку отправленъ былъ войсковой канцеляристъ съ компанейцами, съ тѣмъ, чтобы они утвердили это село въ полное владѣніе Циганчуку, «а на комъ доведется з подданнихъ тамошнихъ вышеозначенная противность и непослушенство, тихъ по розыску кіевимъ наказали б боемъ по мѣрности и по силѣ вины» [1]).

Въ свою очередь и сотники нерѣдко принимали въ своихъ сотняхъ козаковъ и посполитыхъ подъ свою протекцію, освобождая ихъ отъ общихъ повинностей и получая съ нихъ за это либо опредѣленную работу, либо плату деньгами или продуктами. Бывало такъ, что тѣ или иные ремесленники назначались для обслуживанія сотничьяго двора высшею властью въ лицѣ полковника, избавлявшаго ихъ за это отъ другихъ повинностей. Пирятинскому сотнику Семену Вакуленку лубенскій полковникъ Марковичъ опредѣлилъ, напримѣръ, въ 1719 г. изъ числа козаковъ с. Грабаровки «для послуги» одного портного, одного сапожника, одного кузнеца и двухъ рыбаковъ, причемъ всѣ они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ «ралцевой

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Кіевскомъ полку, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та), лл. 26—8.

и дорочной»[1]). Но бывало и такъ, что сотникъ самъ бралъ подъ свою протекцію тѣхъ или иныхъ людей. Въ 1722 г. населеніе старо-санжаровской сотни Полтавскаго полка судилось со своимъ сотникомъ Иваномъ Тарнавскимъ. Сотникъ — жаловались, между прочимъ, старо-санжаровскіе сотняне — «цехъ рѣзницкий отъ драгунъ уволилъ, и того ради вже пять лѣтъ в нихъ береть чорнихъ смушовъ на вѣлчуръ (шубу) по тридцять, а бѣлихъ по двадцять, и то намъ, бѣднимъ, есть убитокъ, а ему користь»[2]). Въ концѣ концовъ Тарнавскій былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ Самойло Спафарій, но уже въ 1726 г. старо-санжаровскіе сотняне жаловались, что и этотъ сотникъ оказался не лучше. Между прочимъ, по ихъ словамъ, Спафарій вскорѣ послѣ своего назначенія сталъ, подобно Тарнавскому, держать рѣзницкій и бондарскій цехи на чиншѣ, освободивъ ихъ отъ содержанія великорусскихъ солдатъ и взимая за это съ перваго цеха смушки и сало, а со второго бочки. Сверхъ того, — жаловались сотняне — Спафарій, опять-таки подобно Тарнавскому, держитъ на чиншѣ двухъ козаковъ, беретъ съ нихъ «въ годъ по два солоды и зъ оныхъ пива варитъ и продаетъ», а двухъ посполитыхъ уволилъ отъ постоя солдатъ и «беретъ себѣ рыбы съ нихъ по вся дни постные на потребу свою»[3]). Старо-санжаровскіе сотники не представляли собою какого-либо рѣзкаго исключенія и такого рода порядки къ началу XVIII вѣка установились и во многихъ другихъ сотняхъ.

Значеніе этихъ порядковъ для массы населенія было тѣмъ ощутительнѣе, что наряду съ гетманами, полковниками и сотниками протекціантовъ скоро стали держать и другіе члены старшины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще владѣльцы имѣній, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. При этомъ протекціанты такихъ свѣтскихъ и духовныхъ «державцевъ» нерѣдко продавали или уступали послѣднимъ свои земли и дворы. Иногда такая продажа носила фиктивный характеръ, преслѣдуя лишь цѣли освобожденія вступавшаго въ протекцію человѣка отъ «общественныхъ повинностей», иногда же она совершалась и на самомъ дѣлѣ. Въ 1698 г., напримѣръ, нѣкій Михаилъ Климовичъ уступилъ свои земли и «поддался» самъ черниговскому женскому Пятницкому монасты-

---

1) Н. В. Стороженко. Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій. «Кіев. Старина», 1891 г., № 1, с. 138.
2) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 1, № 28.
3) Тамъ же, св. 2, № 197.

рю, выговоривъ себѣ только сумму въ 200 золотыхъ, изъ которой монахини снабжали бы его «въ нужныхъ потребахъ» [1]). Въ 1722 г. протекціантъ охочокомоннаго ротмистра Невѣровскаго, Федоръ Гора, котораго золотоношскій сотникъ сталъ было «до гражданской потягати повинности», показывалъ на слѣдствіи, что онъ «для крайнего своего убожества» дѣйствительно продалъ свой дворъ Невѣровскому за 30 золотыхъ [2]). Въ 1737 г. новгородсѣверскій житель Федоръ Дорогая Рыбка, не имѣя при старости «спокойнаго мѣста къ прожитію», упросилъ Спасскій монастырь принять его до конца жизни и за это отписалъ на монастырь свой огородъ, лѣсокъ и три нивы, обѣщая, поскольку сможетъ, «и послушаніе, къ чему опредѣлятъ, слушать» [3]). Но и тогда, когда «державца» не покупалъ земель вступавшихъ въ его протекцію людей, онъ все же пріобрѣталъ нѣкоторое право на эти земли. О размѣрахъ этого права можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій эпизодъ: въ 1722 г. конотопскій козакъ Никифоръ Савостьяновичъ, «зостаючій подъ протекціею велможнаго добродѣя его милости пана писаря енеральнаго» Семена Савича, продалъ за 600 р. свой хуторъ подъ с. Талалаевкой Рыхловскому монастырю, но продалъ только послѣ того, какъ Савичъ отказался самъ купить этотъ хуторъ и разрѣшилъ продать его кому угодно другому [4]).

Количество такихъ протекціантовъ, продавшихъ свои земли или — что бывало все-таки гораздо чаще — оставившихъ ихъ за собою и только жившихъ «подъ протекціей», уже въ началѣ XVIII вѣка доходило въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Малороссіи до очень внушительныхъ цифръ. Въ г. Конотопѣ, напримѣръ, въ 1711 г. насчитывалось 297 домохозяевъ-козаковъ, 300 — посполитыхъ и 104 — протекціантовъ [5]). Въ м. Седневѣ въ 1717 г., послѣ произведеннаго по приказу гетмана розыска, возвратившаго часть здѣшнихъ протекціантовъ «до тяглости мѣской», протекціантовъ у разныхъ лицъ все-таки было насчитано 83 человѣка [6]). Столь значительное количество людей, укрывавшихся подъ про-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1702.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ Документы Золотоношской сотни, т. I, № 71.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/2550.

[4]) Тамъ же, № 1616/1542.

[5]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 213—4.

[6]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14130.

текціей владѣльцевъ отъ «общенародныхъ повинностей», естественно, сильно увеличивало тяжесть этихъ повинностей для остального населенія. Подъ вліяніемъ жалобъ послѣдняго гетманское правительство съ начала XVIII вѣка стало принимать нѣкоторыя мѣры къ сокращенію числа протекціантовъ, но мѣры эти не отличались большой рѣшительностью и не имѣли серьезнаго успѣха.

Въ 1706 г. гетманъ Мазепа, по жалобѣ борзенскихъ мѣщанъ, что многіе посполитые г. Борзны и с. Красиловки укрываются отъ общихъ повинностей подъ протекціей разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ державцевъ, поручилъ спеціально отправленному имъ въ Борзну козаку наблюдать, чтобы «всѣ такіе люди отъ належащой посполитой повинности не были вольными», а въ случаѣ упорства владѣльцевъ грозилъ имъ «непоблажнымъ караньемъ». Однако уже въ 1713 г. борзенскіе мѣщане вновь жаловались гетману Скоропадскому на рядъ державцевъ, которые приняли подъ свою протекцію многихъ людей въ Борзнѣ и Красиловкѣ и защищаютъ ихъ отъ общихъ повинностей, и Скоропадскій предписалъ этимъ владѣльцамъ возвратить такихъ людей въ свободные войсковые посполитые или, по крайней мѣрѣ, не защищать ихъ отъ общихъ повинностей. Но и это распоряженіе не дало никакихъ результатовъ. Послѣ того въ 1715 г. въ Борзнѣ и Красиловкѣ по приказу гетмана произведено было слѣдствіе, по которому отъ державцевъ должны были отойти къ ратушѣ 82 хаты. Однако уже въ 1719 г. Скоропадскій констатировалъ, что это осталось неисполненнымъ державцами, и требовалъ отъ нихъ его исполненія подъ страхомъ лишеній имѣній [1]). Такимъ образомъ три распоряженія гетманской власти на протяженіи тридцати лѣтъ оказались безсильными сломить сопротивленіе державцевъ и вернуть протекціантовъ къ отбыванію общихъ повинностей. При такихъ условіяхъ врядъ-ли имѣло много шансовъ на успѣхъ и четвертое распоряженіе въ этомъ смыслѣ. Однако, побуждаемые жалобами населенія, и Мазепа, и Скоропадскій, и — позднѣе — Апостолъ, не принимая какихъ-либо общихъ мѣръ противъ «протекціи», въ рядѣ частныхъ случаевъ продолжали все же требовать возвращенія протекціантовъ въ ихъ прежнія группы или, по меньшей мѣрѣ, отбыванія ими общихъ повинностей. Такъ, Скоропадскій въ 1713 г., по жалобѣ

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, Ч. 1901, сс. 243—8.

остерскихъ мѣщанъ на монаховъ, имѣвшихъ мельницы около Остра и привлекавшихъ свободныхъ посполитыхъ въ свою протекцію, предписалъ этимъ монахамъ уступить своихъ протекціантовъ городу [1]). Точно также гетманъ Апостолъ, когда въ 1729 г. войтъ съ мѣщанами г. Мены жаловались ему, что «города ихъ Мени многие мѣщане, ухиляючись од повинностей градскихъ, самоволно нѣкоторимъ духовнимъ и свѣцкимъ владѣльцамъ повдавалися под протекцѣю и, живучи в ихъ владѣлческихъ хатахъ, свободно грунтами оставшимися владѣютъ, з которихъ грунтовъ, щитячися (защищаясь) протекцѣею, жадного помоществованія ни в какихъ шарваркахъ (работахъ) и в дачи на консистентовъ надлежащого не чинятъ», благодаря чему остальные мѣщане «в немалую пришли скудость и убожество», потребовалъ, чтобы эти протекціанты съ своихъ земель «отбували градскую належитость или, живучи в протекцияхъ владѣлцовъ, до тихъ своихъ грунтовъ не интересовалися» [2]).

Въ большинствѣ случаевъ однако такія частныя мѣры давали очень скромные результаты, а то и вовсе не давали никакихъ, и владѣльческіе протекціанты благополучно просуществовали до половины XVIII вѣка. Еще въ 1750 г. сребрянскій сотникъ Троцина сообщалъ прилуцкой полковой канцеляріи, что въ его сотнѣ многіе козаки и посполитые вписались подъ протекцію родственниковъ гетмана, бунчуковыхъ товарищей Ефима Дарагана, Ѳедора Демьяновича и Осипа Закревскаго, ни въ чемъ его, сотника, не слушаются и ни въ службѣ, ни въ общенародныхъ повинностяхъ не хотятъ участвовать. Полковая канцелярія требовала, чтобы сотникъ привелъ непокорныхъ къ послушанію хотя бы силой, но Троцина отвѣчалъ, что употребить силу онъ не имѣетъ возможности, благодаря большому количеству вписывающихся въ протекціанты и сильному броженію среди остальныхъ козаковъ, а увѣщаній протекціанты не слушаются, заявляя: «сіе сотенная старшина сами, что хотѣли, написали, а указу такого не маютъ, а мы уже службу служили Богу и государю, а теперь не будемъ, знаемъ уже одного пана». Къ тому же — прибавлялъ Троцина — въ сотнѣ разъѣзжаютъ слуги Ѳедора Демьяновича, записывая за деньги всѣхъ желающихъ въ его протекціанты и выдавая имъ «освободительныя письма» за его печатью. Гене-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), Документы, лл. 50—1.
[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 4552, л. 49.

ральная канцелярія, къ которой обратилась полковая, съ своей стороны подтвердила необходимость привлечь вписавшихся въ протекціанты къ отбыванію службы и повинностей хотя бы силою и вмѣстѣ съ тѣмъ вытребовала тѣхъ изъ протекціантовъ, которые были замѣчены въ произнесеніи «важныхъ» словъ. Одинъ изъ этихъ протекціантовъ, принесшій сознаніе, былъ наказанъ кіями, другіе отправлены на розыскъ въ полковую канцелярію. Но бунчуковыхъ товарищей и ихъ слугъ власти не потревожили[1]).

Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году состоялось уничтоженіе протекціантовъ. «Вѣдомо намъ учинилось, — писалъ гетманъ Разумовскій въ универсалѣ 27 іюня 1751 г., обращенномъ къ полковникамъ, — что въ нѣкоторихъ малороссійскихъ полкахъ между гетманствомъ разние чины поприсвоили к себѣ и взяли под владѣніе свое з купечества и мѣщанства по городамъ, городкамъ и мѣстечкамъ и из козаковъ по разнымъ мѣстамъ и подавали имъ свои охранителние письма, а в свободнихъ селахъ и деревняхъ посполитие обивателѣ [которие в нашей волѣ и повелѣніи быть должны], ухиляясь отъ общенароднихъ повинностей, к такимъ же присовокупились персонамъ и въ протекціи ихъ защищаются безъ всякой к нимъ правилной принадлежности и безъ всякаго дозволенія и опредѣленія вишшей правящей власти; того ради вамъ симъ унѣверсаломъ приказуемъ, дабы вы въ городахъ, городкахъ и мѣстечкахъ, такожъ въ свободныхъ селахъ и деревняхъ велѣли справиться по предписанному и гдѣ такие, какъ упомянуто више, присвоенние и завладѣнніе самоволно изъ мѣщанъ, купечества, козаковъ и посполитихъ сищутся безъ дачи и указного опредѣленія, такихъ всѣхъ заразъ возвратить въ прежние ихъ мѣста и впредь такихъ самоволнихъ поступковъ чинить не допускать, опасаясь отвѣта и штрафа за несмотрение, имѣющиеся же у такихъ завладѣннихъ партикулярние отъ владѣлцовъ защитителніе писма, тотъ часъ отобравъ самие подлинние, к нашему усмотрению прислать немедленно въ генералную войсковую канцелярію»[2]).

Офиціально группа протекціантовъ была такимъ образомъ, уничтожена. Но на дѣлѣ это уничтоженіе получило, конечно, не совсѣмъ тотъ, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не тотъ характеръ,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 4, св. 3, № 37.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 18538.

какой былъ намѣченъ для него въ универсалѣ Разумовскаго. Передѣлывать сдѣланное уже исторіей дѣло было слишкомъ трудно, да у малорусскихъ полковниковъ и старшины не было и желанія заниматься такой передѣлкой и вновь выпускать изъ своей власти однажды захваченныхъ въ нее людей. И на дѣлѣ универсалъ Разумовскаго явился только послѣднимъ этапомъ въ долгой исторіи протекціантовъ, этапомъ, нимало не противорѣчившимъ тѣмъ, которые ему предшествовали. Уничтоженнымъ въ результатѣ этого универсала оказалось только имя протекціантовъ, а сами они, за исключеніемъ лишь очень немногихъ, успѣвшихъ путемъ большихъ усилій выбиться обратно въ козачество, были попросту причислены къ владѣльческимъ посполитымъ, къ которымъ они все время приближались.

Въ значительной мѣрѣ эту судьбу съ протекціантами раздѣлила и другая, близкая къ нимъ, группа населенія — подсусѣдки. Но на этой группѣ и ея судьбѣ намъ надо остановиться особо.

III

Съ первыхъ моментовъ самостоятельной жизни Украины въ ея городахъ и селахъ рядомъ съ войсковыми «товарищами» и тяглыми «мужами» существовала особая группа населенія, члены которой носили наименованіе «сосѣдей», «підсосідковъ» или «подсусѣдковъ». Отъ остального населенія эта группа отличалась признаками чисто-экономическаго характера, — она составлялась изъ лицъ, не обладавшихъ самостоятельнымъ хозяйствомъ и жившихъ не въ своихъ, а въ чужихъ дворахъ. Въ нее поэтому могли вступать и вступали, дѣйствительно, люди, принадлежавшіе передъ тѣмъ къ различнымъ группамъ. Козакъ или посполитый, почему-либо раззорившійся и вынужденный бросить свое хозяйство, нерѣдко селился въ чужомъ дворѣ и переходилъ на положеніе «подсусѣдка». Такъ же нерѣдко поступалъ и козакъ или посполитый, вновь пришедшій въ какую-либо мѣстность, но не имѣвшій средствъ обзавестись въ ней самостоятельнымъ хозяйствомъ. Такіе «сосѣди» или «подсусѣдки», не ведя своего хозяйства, питались, по выраженію актовъ, «съ ежеденной работизны», по большей части участвуя изъ извѣстной доли урожая въ обработкѣ земель того хозяина, во дворѣ котораго они поселились. Иногда эти жившіе въ чужихъ дворахъ и пристроившіеся около чужихъ хозяйствъ люди съ теченіемъ времени такъ или

иначе вновь выбивались въ самостоятельные хозяева, иногда же они такъ и оставались до конца жизни въ положенiи подсусѣдковъ, оставляя въ томъ же положенiи и свое потомство. Во всякомъ случаѣ первоначально число подобныхъ подсусѣдковъ было не особенно велико. Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ быстрѣе увеличивалось ихъ количество и это увеличенiе стояло въ тѣсной связи съ общими условiями жизни страны.

Послѣ первыхъ же неудачъ Богдана Хмельницкаго съ праваго берега Днѣпра потянулся потокъ переселенцевъ на лѣвый берегъ. Позднѣе, когда борьбу возставшаго украинскаго народа съ Польшей смѣнила борьба за Украину между Польшей и Московскимъ государствомъ, этотъ потокъ нѣсколько прiостановился. Но, какъ только выяснилось, что Москвѣ не подъ силу удержать за собою всю Украину и что правобережная часть ея рискуетъ остаться за Польшей, онъ возобновился съ новой силой и стремительностью. «Изъ Корсуня, изъ Черкасъ, изъ Бѣлой Церкви — писалъ въ Москву въ началѣ 1665 г. гетманъ Брюховецкiй — народъ христiанскiй, нестерпимаго ради гоненiя лядцкого, по скольку на десять и по скольку десять (болѣе, чѣмъ по десяти, и по нѣсколько десятковъ) семей вдругъ на тое сторону Днѣпра подъ высокую вашего царскаго пресвѣтлаго величества руку прибѣгаютъ» [1]). Въ концѣ того же 1665 года стародубовскiй полковникъ Леско Острянинъ, сообщая гетману объ удачныхъ дѣйствiяхъ противъ поляковъ, прибавлялъ: «отъ сихъ мучителей, не могуще покормитись, бѣдные невинные, яко овцы, люди на сю сторону тайно безпрестанно убѣгаютъ» [2]). Такое бѣгство населенiя съ праваго берега Днѣпра на лѣвый продолжалось изъ года въ годъ. Когда же въ 70-хъ годахъ XVII вѣка въ роли претендента на владычество надъ Малороссiей выступила и вызванная Дорошенкомъ на этотъ шагъ Турцiя и турецкiя полчища наводнили правобережную Украину, бѣгство населенiя изъ нея приняло еще болѣе стихiйный характеръ. Послѣ раззоренiя турками въ 1674 г. нѣсколькихъ правобережныхъ городовъ остатокъ народа — разсказываетъ украинскiй лѣтописецъ — «многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и, болесними серцами и слезоточителними очима вѣчне зъ своими красними тамошними селенiями и угодiями пожегнавшися (попрощавшись), що живо на сюю Днепра сторону перебѣрался и где улюбя

---

[1]) Акты Ю. и З. Россiи, т. V, № 113, с. 253.
[2]) Тамъ же, т. VI, № 19, с. 83.

по рознихъ сегобочнихъ полкахъ украино-малороссійскихъ для житія своего избѣралъ и засѣдалъ мѣсца». «И вся сегобочная Украина, предъ симъ малолюдствовавшая, отъ того времени тогобочними людми украинскими наполнилася и умножилася» — прибавляетъ лѣтописецъ [1]). О такихъ же массовыхъ переселеніяхъ говорятъ и другіе современники этихъ событій. «Съ тое стороны Днѣпра — разсказывалъ въ январѣ 1675 г. въ Москвѣ ѣздившій передъ тѣмъ къ гетману Самойловичу подъячій — жители на сю сторону бѣгутъ непрестанно съ женами и съ дѣтми» [2]). Городъ Крыловъ — писалъ около этого же времени намѣстникъ Никольскаго монастыря Исакій миргородскому полковнику — «мало не весь розбрелся: одни къ намъ въ городища, всѣ свои животы покиня, толко кто моглъ лутчее что взять, ночью съ семьями посбѣжали, а иные на Кременчукъ пошли и ежедней идутъ на Чигиринъ-Дуброву, и съ селъ идутъ» [3]). «Съ тое стороны Днѣпра — сообщалъ въ свою очередь въ 1675 г. боярину Матвѣеву гетманъ Самойловичъ — мало не весь людъ изъ городовъ на сю сторону вышелъ» [4]). Съ своей стороны, Самойловичъ, убѣдившись, что ему трудно будетъ удержать подъ своей булавой правый берегъ Днѣпра, вскорѣ постарался присоединить къ этимъ добровольнымъ переселеніямъ и насильственное и во второй половинѣ 70-хъ годовъ войска Ромодановскаго и Самойловича, пустоша и раззоряя правобережную Украину, систематически сгоняли ея населеніе на лѣвый берегъ [5]).

Такимъ образомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка съ опустошеннаго долгими и жестокими войнами праваго берега Днѣпра нахлынули въ лѣвобережную Украину громадныя толпы вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ. Благодаря существовавшему еще здѣсь земельному простору, немалая часть ихъ успѣла черезъ нѣкоторое время болѣе или менѣе благополучно устро-

---

[1]) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, сс. 355—6.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. XII, № 9, с. 33.

[3]) Тамъ же, № 10, с. 34.

[4]) Тамъ же, № 33, с. 96. То же самое повторяли въ Москвѣ и выходцы съ праваго берега. «Грызетца зѣло Дорошенко — разсказывалъ, напр., въ 1675 г. б. канцеляристъ правобережнаго гетмана, В. Кочубей, — для того, что всѣ люди изъ мѣстечекъ послѣднихъ на Заднѣпріе идутъ»,—тамъ же, № 80, с. 235. И въ то же время, какъ Кочубей разсказывалъ это въ Москвѣ, въ Малороссіи все продолжались такія переселенія. «Сего дни — писали Самойловичу 5 сентября 1675 г. каневскій и кальницкій полковники — атаманъ ольховской и Богаченко звенигородской съ тысячу возовъ ольховскихъ и звенигородскихъ къ намъ привели, которымъ тотчасъ перевозитца на сю сторону велѣли»,—тамъ же, т. XII, № 83, с. 243.

[5]) Объ этомъ «сгонѣ» см. въ Лѣтописи Самовидца, сс. 127, 139, 147; ср. «Краткое описаніе Малороссіи», сс. 282, 285.

иться на новыхъ мѣстахъ. Но среди этихъ переселенцевъ было немало и такихъ, которые ушли съ прежней своей родины совершенно раззоренными, безъ всякихъ средствъ, и которымъ поэтому на новомъ мѣстѣ поселенія не оставалось ничего иного, какъ пристраиваться къ чужому хозяйству, идти въ подсусѣдки. Съ другой стороны, тѣ же войны, которыя вызвали этотъ притокъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, подорвали и хозяйственное благосостояніе немалой части населенія лѣвобережной Украины. Многіе изъ ея козаковъ и посполитыхъ, не выдержавъ обрушившейся на нихъ тяжести безконечныхъ военныхъ походовъ съ сопровождавшими ихъ расходами и повинностями, въ свою очередь предпочли бросить свои хозяйства и поселиться въ чужихъ дворахъ въ качествѣ подсусѣдковъ, тѣмъ самымъ избавляя себя отъ большей части «общенародныхъ повинностей», лежавшихъ на самостоятельныхъ хозяевахъ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ такихъ актовъ этой эпохи, которые обрисовывали бы всѣ подробности подобнаго перехода въ подсусѣдки. Но эти подробности не трудно возстановить по актовымъ свидѣтельствамъ болѣе поздняго времени. Вотъ, напримѣръ, запись, выданная въ 1748 г. нѣкіимъ Григоріемъ Левченкомъ остерскому сотнику Михаилу Солонинѣ. Упомянутый Левченко жилъ сперва со своимъ отцомъ въ принадлежавшей послѣднему хатѣ въ с. Святомъ Кіевскаго полка, но затѣмъ ушелъ отъ отца въ м. Яготинъ Переяславскаго полка и прожилъ тамъ около 15 лѣтъ. Въ 1748 г. онъ вернулся въ Святое и узналъ, что отецъ его умеръ, а мачеха продала хату и принадлежавшее къ ней мѣсто сотнику Солoнинѣ за 5 золотыхъ. Левченко не сталъ оспаривать этой продажи, а вмѣсто того вписался въ подсусѣдки къ покупателю своей хаты. «Въ той я продажѣ и куплѣ — заявлялъ онъ въ выданной по этому поводу записи — не спорю и позволяю тоею купленною хатою з мѣстцемъ вѣчними часи владѣть и кому хотя волно ему пану сотниковѣ продать албо (или) даровать, толко бъ свободно мнѣ было от сего часу з женою своею въ оной хатѣ чрез сколко годъ я похочу жить в званіи подсусѣдковъ и такъ указнія подати, яко и другія повинности отбувать и всякія послушенства ему, пану сотнику, с протчиими подсусѣдками безотговорочно исполнять долженъ» [1]). Или

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. VI, № 66. Тогдашній малорусскій «золотой» равнялся 20 копейкамъ.

вотъ другая запись, выданная въ 1751 г., въ которой житель с. Надиновки Денисъ Ткаченокъ заявляетъ: «во убожество спродался я его милости пану Тимоѳею товарищу бунчуковому Зайтченку, тожъ жителю с. Надяновки, у подданство (въ подданство) зо всѣмъ оселениемъ дворъ свой власний (собственный) и ни в чемъ никому не заведеной, оплатилъ мнѣ (Зайченко) цѣною денегъ рублей за четири» [1]). Или вотъ еще данныя, добытыя произведеннымъ въ 1721 г. слѣдствіемъ о подсусѣдкахъ нѣкоего «пана» Баскака въ с. Талалаевкѣ Нѣжинскаго полка: козакъ Данило Петикъ — «отецъ его, позичивши (занявъ) у п. Баскака 10 копъ, поддался подъ его зъ грунтомъ своимъ, ухиляючися отъ козацкой повинности»; козаки Михайло и Семенъ Зинчуки — «лѣтъ тому подъ десятокъ, якъ поддалися подъ п. Баскака, не хотячи козаковати, и на Баскачиномъ грунтѣ мужицкомъ коштомъ своимъ будынки (зданія) построивши, отбуваютъ ему всякую повинность»; мужикъ Иванъ Чередникъ — «тому семь лѣтъ, взявши двѣ осмачки жита и пять копъ грошей на свою потребу, поддался зъ своимъ грунтомъ подъ п. Баскака, вмѣняючись его быти подданнымъ» [2]).

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, какъ происходилъ переходъ въ подсусѣдки. Въ основѣ такого перехода лежалъ обыкновенно одинъ и тотъ же фактъ хозяйственной несостоятельности. Когда тотъ или иной козакъ или посполитый былъ не въ состояніи справиться съ тяжестью службы либо другихъ повинностей, онъ, случалось, разрубалъ завязавшійся узелъ тѣмъ, что продавалъ свою землю и дворъ кому-либо изъ болѣе зажиточныхъ сосѣдей, а самъ оставался жить въ этомъ дворѣ въ качествѣ уже не хозяина его, а подсусѣдка новаго хозяина, принимая на себя обязанность «послушенства» послѣднему. Иногда этотъ процессъ потери хозяйственной самостоятельности растягивался на болѣе долгое время. Запутавшійся козакъ или посполитый нерѣдко начиналъ съ того, что пытался поправить свое хозяйство путемъ займа у кого-либо изъ зажиточныхъ сосѣдей, по большей части заключая такой заемъ подъ закладъ своей земли и двора. Въ дальнѣйшемъ однако подобный должникъ очень часто оказывался не въ состояніи уплатить къ сроку свой долгъ и тогда дѣло

[1]) Тамъ же, Документы Козелецкой сотни, т. IV, № 174. За четыре рубля тогда же продался «въ подданство» Зайченку и другой житель с. Надиновки со своимъ дворомъ — тамъ же, № 175.

[2]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 82, прим. 172. Копа = 50 копейкамъ.

оканчивалось опять-таки продажей двора и переходомъ его хозяина въ подсусѣдки къ бывшему кредитору. Такъ совершался переходъ въ подсусѣдки въ XVIII вѣкѣ, такъ же, надо думать, происходилъ онъ и во второй половинѣ XVII столѣтіи.

Обычно такимъ образомъ этотъ переходъ сопровождался потерей земли и подсусѣдки обыкновенно и разсматривались, какъ люди, не имѣющіе своей земли и не обладающіе какимъ-либо правомъ собственности даже на тѣ земли, въ обработкѣ которыхъ они участвовали. При разборѣ полтавскимъ полковымъ судомъ одного земельнаго спора 1688 г. выступившіе передъ судомъ Николай и Корнило Даниленки Бутенки заявили, что они не имѣютъ претензій на спорныя земли: «нашъ отецъ, — пояснили они свое заявленіе — не мѣючи части, але (но) у сусѣдствѣ зоставалъ на тихъ грунтехъ, любо (хотя) и немалий часъ зоставалъ тамъ» [1]. Нерѣдко и въ переписяхъ населенія подсусѣдки отмѣчались, какъ люди, не имѣющіе своей земли. Такъ, напримѣръ, въ ревизской книгѣ Нѣжинскаго полка за 1736 г. подсусѣдки козаковъ с. Кукшина были обозначены слѣдующимъ образомъ: «подсусѣдки козачіе, которіе въ чужихъ хатахъ живутъ, своего грунта не имѣютъ, кормлячися зъ зажону и другой роботизни» [2]. Въ качествѣ людей, не имѣющихъ своей земли и не ведущихъ самостоятельнаго хозяйства, подсусѣдки освобождались и отъ значительной части «общенародныхъ повинностей», неся эти повинности въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ козаки и посполитые [3]. Но именно эта сравнительная свобода подсусѣдковъ отъ податного обложенія и общихъ повинностей съ теченіемъ времени стала представлять все болѣе серьезный соблазнъ для другихъ группъ и въ подсусѣдки начали вписываться и люди, въ сущности вовсе не порывавшіе съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, а стремившіеся только укрыться отъ тѣхъ повинностей, съ которыми оно было сопряжено. Такимъ образомъ случалось, что козакъ или посполитый, продавъ либо попросту бросивъ свой дворъ и перейдя на жительство въ каче-

---

[1]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, кн. I, л. 147, — рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та).

[2]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 88, прим. 185.

[3]) Для XVII вѣка у насъ нѣтъ точныхъ цифръ, выясняющихъ эту разницу, но для XVIII вѣка такія цифры въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются. Такъ, въ Прилуцкомъ полку въ 1753 г. денежный налогъ, шедшій на полковыхъ и сотенныхъ чиновниковъ, взимали съ «нищетныхъ» и бездворныхъ посполитыхъ по $10^1/_8$ коп. отъ хозяина, съ «крайне нищетныхъ» и бездворныхъ — по $4^1/_2$ коп., а съ подсусѣдковъ — по 1 к. А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 163, прим. 1.

ствѣ подсусѣдка въ чужой, въ то же время продолжалъ сохранять въ своемъ владѣнiи свои прежнія земли и вести на нихъ хозяйство. Бывало и такъ, что козакъ или посполитый продавалъ свой дворъ и оставался жить въ немъ въ качествѣ подсусѣдка лица, купившаго у него этотъ дворъ, но въ дѣйствительности эта продажа и купля являлись фиктивными [1]).

Такъ или иначе, лишившись уже своей земли или сохраняя еще ее за собою, продавая свои дворы или создавая фикцію такой продажи, въ подсусѣдки уходили одинаково и козаки, и посполитые. Первые путемъ такого ухода стремились избавиться, главнымъ образомъ, отъ военной службы, вторые — отъ лежавшихъ на нихъ разнообразныхъ повинностей въ пользу «войска», а порою, если это были посполитые владѣльческіе, и отъ чрезмѣрно отяготительныхъ повинностей, требовавшихся владѣльцемъ. Съ другой стороны, и селились эти уходившіе въ подсусѣдки люди у лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ общественнымъ группамъ. Подсусѣдки были и у членовъ старшины, и вообще у владѣльцевъ имѣній, и у священниковъ, и у рядовыхъ козаковъ, и у посполитыхъ, въ томъ числѣ и у купцовъ и мѣщанъ крупныхъ городовъ, и у посполитыхъ свободныхъ мѣстечекъ и селъ, и у посполитыхъ владѣльческихъ имѣній. Первоначально, пока всѣ эти группы были близки между собой, и положеніе ихъ подсусѣдковъ было болѣе или менѣе одинаково. Но по мѣрѣ расхожденія названныхъ группъ довольно скоро стало складываться существенное различіе въ положеніи подсусѣдковъ, жившихъ у лицъ той или иной группы, — различіе, съ теченіемъ времени создавшее какъ бы два особые разряда въ средѣ самихъ подсусѣдковъ.

Отдѣльные члены старшины и свѣтскіе и духовные владѣльцы

---

[1]) «Въ прошломъ 1737 году, въ военное съ туркомъ время, — разсказывалъ въ половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ подсусѣдковъ бунчуковаго товарища Затыркевича въ с. Красномъ Нѣжинскаго полка, — отецъ мене, нижайшого, с. Краснаго житель, Юско Ворвихвостъ, видячи безсходную подъ сотнею тяжесть, поддался въ протекцію жіючому въ томъ селѣ бунчуковому товарищу Якову Затыркевичу, кой Затыркевичъ и другихъ козаковъ до того къ себѣ принималъ и содержалъ въ протекціи и защищенiи своемъ, объявляя, что якобы онъ скупилъ ихъ, и отцевѣ моему велѣлъ сказовать, что ему продался; почему отецъ мой всѣмъ и объявлялъ тое, якобы онъ спродался ему въ вѣчность; одъ якого времени онъ, Затыркевичъ, и владѣлъ ими какъ подданными своими, а писалъ въ ревизіяхъ своими подсусѣдками. А потомъ, какъ отецъ мой умре, Затыркевичъ убѣдилъ матку мою принять три рублѣ денегъ за дворъ, толко купчой записи ни матка моя, ни я Затыркевичу на тотъ дворъ не давали, якой дворъ, по крайней цѣнѣ, стоитъ пятнадцати рублей, а не трохъ». (А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 283—3). Такія же фиктивныя продажи дворовъ съ цѣлью избавленія отъ «безъисходной тяжести подъ сотней» совершались подчасъ уходившими въ подсусѣдки козаками и посполитыми и въ XVII вѣкѣ.

именій, какъ мнѣ уже приходилось указывать, рано начали домогаться отъ гетмановъ и полковниковъ полнаго освобожденія своихъ подсусѣдковъ отъ «общенародныхъ» повинностей и такія домогательства нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Вслѣдствіе этого къ началу XVIII вѣка значительная часть владѣльческихъ подсусѣдковъ была освобождена отъ всякихъ сборовъ и повинностей въ пользу государства. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда власти не отдавали распоряженія о подобномъ освобожденіи, настаивая, наоборотъ, на его неправильности, владѣльцы имѣній нерѣдко всячески противодѣйствовали привлеченію своихъ подсусѣдковъ къ «общенароднымъ» повинностямъ, то опираясь для этой цѣли на свое вліяніе въ средѣ мѣстной администраціи, то оказывая прямое неповиновеніе послѣдней и укрывая отъ нея подсусѣдковъ своею «протекціей». Благодаря этому владѣльческіе подсусѣдки на практикѣ стояли очень близко къ протекціантамъ и нерѣдко подсусѣдки, селившіеся во дворахъ того или иного владѣльца, либо «скупленные» имъ, такъ и именовались «людьми, состоящими въ протекціи» даннаго владѣльца. Отгороженные этой «протекціей» отъ податныхъ требованій государства, такіе подсусѣдки въ своихъ отношеніяхъ къ владѣльцу являлись такими же «подданными», какъ и всѣ вообще посполитые владѣльческаго имѣнія, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что они, въ противоположность тяглымъ крестьянамъ, не имѣли своихъ дворовъ и земель, такъ какъ даже и фиктивная продажа послѣднихъ при вступленіи въ подсусѣдки все же передавала право собственности на эти дворы и земли въ руки владѣльца имѣнія, который въ дальнѣйшемъ, конечно, уже не обнаруживалъ желанія разстаться съ этимъ правомъ.

Иначе обстояло дѣло съ подсусѣдками рядовыхъ козаковъ. Такихъ подсусѣдковъ власти гетманщины склонны были разсматривать, какъ особую группу свободныхъ посполитыхъ, и соотвѣтственно этому строили и свои мѣры по отношенію къ нимъ.

Такъ, иногда козацкіе подсусѣдки, подобно свободнымъ посполитымъ, обязывались нести «послушенство» тому или иному изъ членовъ мѣстной старшины, чаще всего — сотнику. Въ мринской сотнѣ Нѣжинскаго полка, напримѣръ, козацкіе подсусѣдки въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка отбывали «послушенство» мѣстнымъ сотникамъ. Когда въ 1730 г. по этому поводу производилось слѣдствіе, «Василь Переясловецъ, старожилъ козакъ сотнѣ мринской, житель мѣстечка Мрина, допросомъ показалъ, что помнить отъ того 730 году напередъ за 50 лѣтъ» и

«добре вѣдаетъ», что всѣ сотники владѣли подсусѣдками, живущими въ городѣ Мринѣ, и «всякому з нихъ (подсусѣдки) послушенство отдавали, и Ѳедоръ Тарасевичъ, ставши въ 709 году сотникомъ мринскимъ, заразъ подсусѣдками, живучими в Мринѣ, по давному обикновенію завладѣлъ, от того времени по сю пору оніе подсусѣдки его слушають». Такія же показанія были даны на слѣдствіи и другими мринскими жителями. Между прочимъ, нѣсколько мринскихъ старожиловъ изъ числа козаковъ и посполитыхъ «согласно и безъ печно показали, что от давнихъ временъ тое дѣется в мринской сотнѣ, кто сотникомъ мринскимъ зостаетъ, тому всегда козацкіе подсусѣдки, особними дворами и на еднихъ дворахъ с козаками живущіе, послушенство отдавали от 1680 году рознимъ сотникамъ до сотника Тарасевича, которій такожъ владѣетъ от начала сотнитства своего з 709 году по днесь»[1]). Съ своей стороны, самъ Тарасевичъ при слѣдствіи представилъ и документы, имѣвшіеся у него на владѣніе козацкими подсусѣдками, — универсалы, выданные ему нѣжинскимъ полковникомъ Жураковскимъ и гетманомъ Скоропадскимъ. Первый изъ этихъ универсаловъ данъ былъ Тарасевичу въ 1716 г., послѣ того, какъ онъ обратился къ полковнику съ просьбой дать ему для помощи въ хозяйствѣ («ку подпорѣ господарской») въ послушенство козацкихъ подсусѣдковъ и сельцо Переходовку съ посполитыми людьми, а на послѣднихъ «роковую осенщину», какая передъ тѣмъ собиралась на полковника. «Приказуемъ, — писалъ Жураковскій въ своемъ универсалѣ, данномъ въ отвѣтъ на эту просьбу, — абы до ласки нашей и войсковой били всѣ подсусѣдки пану сотниковѣ своему, сколко винайдется у сотнѣ, в надлежитомъ, по звичаю, послушенствѣ, такъ тежъ и переходовскіе мужики должни тое жъ воздавати послушенство». Черезъ два года, по просьбѣ Тарасевича, эта же надача — сельцо Переходовка и «подсусѣдки сотенніе» — была подтверждена ему и гетманомъ Скоропадскимъ[2]).

Мринскіе подсусѣдки не представляли собою единичнаго исключенія и отбываніе козацкими подсусѣдками «послушенства» мѣстному сотнику практиковалось не въ одномъ только Нѣжинскомъ полку. «Доносилъ намъ — писалъ гетманъ Скоропадскій въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1717 г. — рожоний (братъ)

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, бумаги черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, декретъ генеральнаго войскового суда отъ 28 окт. 1748 г., лл. 36—37 об.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 152—4.

нашъ, панъ Василій Скоропадскій, обозний полковий чернѣговский, что здавна села Городища подсусѣдки во всякихъ повинностяхъ и послушаніи до бывшихъ прежде сотниковъ березенскихъ належували и нѣкто онихъ з стороннихъ до иннихъ работизнъ не затягалъ, такъ бы мененнихъ (названныхъ) подсусѣдковъ, и теперь пану обозному, в сотнѣ березинской началствуючому, прислушаючихъ по давной обиклости, нѣхто до послугъ своихъ не поривалъ, и просилъ нашого в потвержене на тіе подсусѣдки унѣверсалу». Гетманъ, «заховуючи (сохраняя) прежде устроенний порядокъ», исполнилъ просьбу своего брата и утвердилъ ему названныхъ подсусѣдковъ, оговоривъ, что никто другой изъ мѣстной старшины, ея старостъ и дозорцевъ не долженъ «тихъ городискихъ подсусѣдковъ нѣ до якой пригонять роботизны и иннихъ повинностей поривати и употребляти и нѣ в чомъ до ихъ не повиненъ интересоватися» [1]). Нѣжинскому сотнику Ив. Пироцкому Скоропадскій въ 1709 г. утвердилъ данное ему Мазепой с. Вересочъ «з людми посполитыми и подсусѣдками козацкими» и требовалъ, чтобы «войтъ вересоцкій з посполитыми людми и подсусѣдками тамошними... ему, пану Пироцкому, по прежнему отдавали повинность и послушенство» [2]).

Но козацкимъ подсусѣдкамъ случалось отбывать «послушенство» не только мѣстнымъ сотникамъ. Бывало и такъ, что гетманы обязывали этихъ подсусѣдковъ «послушенствомъ» по отношенію къ державцамъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали, — иначе говоря, отдавали ихъ, наравнѣ съ посполитыми, въ «подданство» этимъ державцамъ.

Между прочимъ, такая судьба постигла, въ концѣ концовъ, и тѣхъ мринскихъ подсусѣдковъ, о которыхъ у насъ только что шла рѣчь и которые долгое время находились въ послушенствѣ у мринскихъ сотниковъ. Еще въ 1689 г. черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ жаловался гетману Мазепѣ, что «в маетностяхъ его пастырской милости, а именно в самомъ Мринѣ и в селахъ, до него належныхъ, найдуется такихъ подсусѣдковъ сѣмъдесятъ и осмъ, которые, власными (собственными) дворами своими живу-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/2054. Въ текстѣ этого универсала упоминаемые въ немъ подсусѣдки не названы «козацкими», но, что рѣчь здѣсь идетъ именно о козацкихъ подсусѣдкахъ, ясно уже изъ того, что самый универсалъ обращенъ только къ черниговскому полковнику, полковой старшинѣ и атаману с. Городища, а войтъ послѣдняго въ этомъ обращеніи не упоминается.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 147—8.

чи, вшелякой волности уживаютъ (пользуются), маючи особныи свои кгрунта, поля, сѣножати и лѣсы, землю орутъ и всѣ пожитки (выгоды), з неи приходячыи, на себе оборочаютъ; а яко его пастырской милости з тыхъ своихъ ужитковъ жадного (никакого) послушенства не оддаютъ, такъ и в выживленю (прокормленіи) товариства охотницкого, на станціи тамъ будучого, не хотятъ чинить помочи, и сами военной службы не пилнуютъ (не отправляютъ), але тылко на нѣякогось старшого своего, в мѣстѣ (городѣ) будучого, сѣно косятъ, гребутъ, кидаютъ и до двора его звозятъ, а в осенѣ тому же старшому роковую повинность от робочой товарины (скотины) по золотому грошей и осыпъ належитый даютъ, а болшей жадной (никакой) тяглости не знаютъ». Принося такую жалобу, архіепископъ взывалъ къ «ласкѣ гетманской» и Мазепа не отказалъ ему въ ней. Спеціальнымъ универсаломъ онъ предписалъ, чтобы «тыи подсусѣдки, килко ихъ по розыску обыйщется, в подданствѣ его пастырской милости найдовалися, которыи дворы и кгрунта свои маютъ, а хочай бы який и в дворѣ козацкомъ мешкалъ (жилъ), а маетъ особныи свои поля пахатныи, сѣножати, лѣсы и иншые угодя, а до войска не ходить, то повиненъ кождый такий до тяглой повинности належати». «Любо (хотя) — пояснялъ гетманъ это свое распоряженіе — въ статяхъ ихъ царского пресвѣтлого величества монаршихъ положено, жебы (чтобы) подсусѣдки козацкии были захованы (сохранены), однакъ тотъ пунктъ такимъ подсусѣдкамъ приличенъ есть, которые в дворахъ козацкихъ мешкаютъ и не з своихъ, але (но) з чужыхъ кгрунтовъ заробками (заработками) мѣютъ выживлене, а хто, маючи (имѣя) свои кгрунта, оныхъ заживаетъ, того не маетъ (не долженъ) нихто заступати, але (но) повиненъ оный вшелякое, кому по наданяхъ належитъ, оддавати послушенство» [1]). Гетманское распоряженіе было, такимъ образомъ, весьма рѣшительно и категорично. Тѣмъ не менѣе на практикѣ оно осталось неисполненнымъ и современемъ самъ Мазепа, повидимому, примирился съ этимъ. По крайней мѣрѣ, семь лѣтъ спустя, послѣ новой жалобы со стороны архіепископа, онъ ужъ ограничился только приказомъ, чтобы козацкіе подсусѣдки мринской сотни, имѣющіе свои земли, наравнѣ съ посполитыми участвовали въ отбываніи «общенародныхъ повинностей» и, въ частности, въ кормленіи компанейцевъ [2]).

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2922.
[2]) Тамъ же, № 1616/2923.

«Послушенство» же эти подсусѣдки, какъ мы видѣли, еще и въ XVIII вѣкѣ продолжали отбывать мринскому сотнику.

Монахи однако не склонны были выпускать из своихъ сѣтей однажды запутавшуюся въ нихъ добычу. Не склонны были они выпустить ее и въ данномъ случаѣ и, выждавъ нѣкоторое время, опять возобновили свои притязанія. Въ 1730 г. атаманы мринской сотни жаловались гетману Апостолу, что «преосвященный черниговскій писалъ до городничого тамошнего[1]), дабы козацкихъ подсусѣдковъ привернулъ в подданство, и по тому де тотъ городничій боемъ и грабителствомъ грозитъ». Въ отвѣтъ на эту жалобу Апостолъ далъ жалобщикамъ универсалъ, въ которомъ заявилъ, что «городничій мринскій не повиненъ подсусѣдковъ козачихъ, на грунтахъ ихъ живучихъ, в подданство приворочать». Но одновременно съ этимъ монахи обратились со своими притязаніями и въ судъ. Повѣренный Черниговскаго Катедральнаго монастыря въ томъ же 1730 году подалъ въ генеральный войсковой судъ челобитье, въ которомъ писалъ, что въ имѣніяхъ этого монастыря, а именно въ м. Mринѣ и въ прилежащихъ къ нему селахъ, «имѣются подсусѣдки, которіе, власними своими дворами живучи, вшелякой волности уживають, маючи особенніе свои грунта, поля, сѣножати, лѣси, землю оруть и всѣ пожитки, з ней приходячіе, на себе оборочають и з тихъ своихъ ужитковъ жадного послушенства двору архіерейскому не отдають». У монастыря — продолжалъ его повѣренный — есть на этихъ подсусѣдковъ гетманскіе универсалы, по которымъ онъ прежде и владѣлъ ими, но теперь ими завладѣлъ мринскій сотникъ Федоръ Тарасевичъ и «належащое послушенство по прежнему до обители отдавать воспрещаетъ». Привлеченный по этой жалобѣ къ отвѣту Тарасевичъ возразилъ на нее, что такихъ подсусѣдковъ, о какихъ говоритъ монастырь, въ мринской сотнѣ нѣтъ — «для того, что кто имѣетъ свои особенние грунта, поля, сѣножати и протчія угодія, таковій з особеннихъ власнихъ своихъ грунтовъ найдуется или в компутѣ козачомъ, или в посполитихъ, а не между подсусѣдками, понеже подсусѣдки такъ козачіе, якъ и мужичіе, з чужихъ грунтовъ имѣють виживленіе, заробляючи, и из тихъ своихъ ужитковъ зароботочнихъ подсусѣдки козачіе послушенства двору архіерейскому не отдають». Отрицалъ Тарасевичъ въ своемъ возраженіи и то обстоятельство, будто онъ самовольно завладѣлъ подсусѣдками,

[1]) «Городничими» именовались монахи, управлявшіе отдѣльными монастырскими имѣніями; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мринскомъ городничемъ.

которые раньше отбывали послушенство монастырю. «Подсусѣдками козачими, — показывал по этому поводу сотникъ — в сотнѣ мринской имѣючимися, которіе в козачихъ дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, а своихъ поль, сѣножатей, лѣсовъ и инныхъ угодій не имѣють, якими бывшіе прежде в той сотнѣ мринской сотники владѣли, и онъ, отвѣтчикъ, владѣетъ по вступленіи на чинъ тамошнего сотництва» въ силу данныхъ ему универсаловъ. Тѣмъ не менѣе монастырь настаивалъ на своихъ притязаніяхъ. Подсусѣдки, — заявилъ онъ — «которіе в козачихъ якоби дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, и тѣ подсусѣдки не суть козачіе, но обители Катедри Черниговской належачіе, потому что имѣють свои двори и огороди на земли архіерейской, издревле от гетмана Богдана Хмелницкого наданной и жалованними монаршими грамотами стверженной, в якой мринской маетности и в принадлежащихъ къ нему (Мрину) деревняхъ в тѣ поры ни единого козака не было, понеже тая маетность в грамотѣ слободою прописана, а нынѣ имѣеться в той сотнѣ вписавшихся з мужиковъ в козаки многое число, между которими имѣеться подсусѣдковъ, на земли монастирской грунта свои имѣючихъ, многое жъ число». Иначе говоря, монастырь готовъ былъ отрицать и вообще правомѣрность существованія козаковъ въ мринской сотнѣ. Монастырь — возражалъ на это Тарасевичъ — «всей сотнѣ мринской землю напрасно присвояетъ къ обители Чернѣговской», такъ какъ и в грамотѣ 18 мая 1693 г., подтвердившей черниговскому архіепископу Ѳеодосію м. Мринъ съ деревнями, архіепископу велено владѣть этими имѣніями «опрочь козаковъ и ихъ угодій», слѣдовательно, козаки в то время въ мринской сотнѣ уже были. Обмѣнявшись этими возраженіями, спорившія стороны представили въ судъ и документы, на которыхъ они основывали свои права. Тарасевичъ предъявилъ универсалы полковника Жураковскаго и гетмана Скоропадскаго и подтверждавшіе ихъ универсалы полковника Толстого и гетмана Апостола. Съ своей стороны монастырь представилъ всѣ свои крѣпости на мринскія имѣнія, причемъ изъ всѣхъ этихъ крѣпостей только въ одномъ универсалѣ гетмана Мазепы 1689 г. оговорено было право монастыря на послушенство козацкихъ подсусѣдковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь, по требованію суда, представилъ и именной реестръ тѣхъ подсусѣдковъ, на владѣніе которыми онъ претендовалъ. Въ этомъ реестрѣ было названо 74 человѣка и о каждомъ изъ нихъ сказано, что онъ

«отбуваетъ сотнику панщину» или «вѣдомъ сотнику»; кромѣ того, о большинствѣ было сказано, что они пользуются «архіерейскими землями» или имѣютъ свои хаты «на архіерейской землѣ», о нѣкоторыхъ — что они имѣютъ свои хаты и огороды, и, наконецъ, обо многихъ — что они бывшіе подданные монастыря, «по прелести сотника» попавшіе подъ его власть.

Выслушавъ всѣ эти заявленія споривших сторонъ, генеральный судъ поручилъ бунчуковымъ товарищамъ Ив. Пироцкому и А. Шишкевичу разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. И разслѣдованіе, произведенное этими лицами путемъ опроса мринскихъ козаковъ, на которыхъ, какъ на свидѣтелей, ссылались обѣ стороны, раскрыло совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, какую рисовалъ въ своихъ жалобахъ монастырь. Прежде всего значительная часть лицъ, поименованныхъ въ представленномъ монастыремъ реестрѣ, по даннымъ этого разслѣдованія, оказалась даже не подсусѣдками, а козаками, которые сидѣли на козацкихъ земляхъ и отбывали съ нихъ козацкую службу, а «въ подданствѣ ни у кого не были» и «панщины никому никогда не отбували». Еще бо̀льшая часть занесенныхъ въ монастырскій реестръ лицъ оказалась при изслѣдованіи козацкими подсусѣдками, которые имѣли козацкія земли по наслѣдству, по куплѣ или по займу «на вольномъ мѣстѣ» съ позволенія сотника и отбывали панщину Тарасевичу, какъ отбывали ее нѣкоторые изъ нихъ и до него другимъ, болѣе раннимъ сотникамъ. Небольшая часть помѣщенныхъ въ этомъ реестрѣ лицъ оказалась бывшими монастырскими посполитыми, которые перешли въ подсусѣдки, купивъ козацкія земли, и съ тѣхъ поръ отбывали панщину сотнику, и, наконецъ, еще часть этихъ лицъ не имѣла въ моментъ разслѣдованія никакихъ земель и отбывала послушенство только тѣмъ хозяевамъ-козакамъ, у которыхъ жила. Разслѣдованіе показало такимъ образомъ, что монастырь покушался захватить въ свое владѣніе не только козацкихъ подсусѣдковъ, но и нѣкоторыхъ козаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе подсусѣдковъ было представлено монастыремъ въ невѣрномъ освѣщеніи. У тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли земли, земли эти были не монастырскія, а ихъ собственныя, пріобрѣтенныя либо по наслѣдству, либо путемъ купли, либо путемъ заимки общинной земли. При этомъ лишь тѣ подсусѣдки, у которыхъ были такія земли, отбывали и «послушенство» сотнику, остальные же, безземельные, отбывали послушенство только хозяевамъ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ они

жили [1]). И самый порядокъ отбыванія козацкими подсусѣдками послушенства сотнику, какъ показалъ опросъ мѣстныхъ старожиловъ, былъ установленъ не при Тарасевичѣ, а задолго до него, такъ что старожилы помнили этотъ порядокъ съ 1680 года.

Порученное бунчуковымъ товарищамъ разслѣдованіе было закончено ими въ 1733 г. и вслѣдъ затѣмъ, казалось, должно было состояться и рѣшеніе дѣла. Въ дѣйствительности однако производство его послѣ окончанія разслѣдованія было почему-то пріостановлено — быть можетъ, именно потому, что разслѣдованіе дало слишкомъ неблагопріятные для монастыря результаты. Только въ 1748 г. въ генеральномъ судѣ составлена была выписка по судебнымъ рѣчамъ сторонъ и слѣдствію 1733 г. и тогда же монастырскій повѣренный заявилъ, что эта выписка не подписана отвѣтчикомъ. Въ виду этого заявленія Тарасевичу было послано требованіе явиться въ судъ самому или прислать своего повѣреннаго, но въ отвѣтъ на такое требованіе отъ жены Тарасевича поступило сообщеніе, что мужъ ея давно умеръ, а сама она съ дѣтьми подсусѣдками, о которыхъ шелъ споръ, не владѣетъ, такъ какъ съ 1733 года изъ нихъ «многіе спродалися, а иные въ козаки вписаны и нынѣ потому козачую службу отправляютъ». Это сообщеніе не помѣшало суду приступить къ рѣшенію дѣла и рѣшить его именно на основаніи данныхъ слѣдствія 1733 года. Правда, послѣднія подверглись при этомъ весьма своеобразному толкованію. Середина XVIII вѣка была временемъ, когда въ малорусскихъ судахъ прочно укрѣпились владѣльческія тенденціи. Это сказалось, между прочимъ, и на монастыряхъ, выигрывавшихъ въ это время въ судахъ подчасъ весьма сомнительные процессы. Сказалось это и на процессѣ

[1]) Какъ разошлись свѣдѣнія, представленныя монастыремъ, съ данными, добытыми разслѣдованіемъ, можетъ показать хотя бы слѣдующій примѣръ. По словамъ монастырскаго повѣреннаго, Ефимъ Котляръ пришелъ въ Мринъ изъ Носовки, гдѣ былъ козакомъ, въ 1714 г. и сперва занялъ мѣсто дьячка, а затѣмъ поселился «на грунтѣ архіерейскомъ» и «сотнику всякую повинность отбуваетъ». По даннымъ слѣдствія, «Евфимъ Котляръ, козакъ зъ Носовки, 712 году пришедши в Мринъ, дяковалъ при церквѣ от 712 до 715 годовъ, жилъ в домѣ брацкомъ козацкомъ наймомъ, а 716 году за позволеніемъ сотника Тарасевича по совѣту многихъ козаковъ сотенныхъ на мѣстцу томъ, где прежде бывшій мринскій сотникъ Григорій Глуховецъ жилъ, домъ себѣ построилъ и от того часу началъ службу козацкую под сотнею отбувати, которій 731 года умре, а по немъ осталось синовъ два, з якихъ единъ былъ комѣсаромъ сотеннимъ, а другій сотеннимъ писаремъ, маютъ лѣса неболшую часть и огородецъ необширній, такожъ кузню с коморою, на волномъ мѣстцу построенную, а болшъ грунтовъ никакихъ не имѣють, в подданствѣ отецъ ихъ, а нѣ сами они никогда не были». Вотъ еще нѣсколько выдержекъ изъ того же слѣдствія, касающихся уже козацкихъ подсусѣдковъ и способ-

Черниговскаго Катедральнаго монастыря изъ-за мринскихъ подсусѣдковъ.

Лишь часть тѣхъ лицъ, на которыхъ претендовалъ монастырь, не была присуждена ему генеральнымъ судомъ. Такъ, послѣдній отказался отдать во владѣніе монастыря 21 человѣка, «понеже в слѣдствіи показано, яко они сотнику работизнъ никакихъ не отбували и живуть на козачихъ грунтахъ, а искъ состоялъ о владѣемихъ сотникомъ подсусѣдкахъ». «Для того, — рѣшилъ судъ — ежели Катедралній монастиръ имѣетъ къ нимъ какую претензію, вѣдалися б з ними по порядку, где належитъ, судомъ». Не отдалъ судъ монастырю и шесть человѣкъ козаковъ, поселившихся на общинныхъ земляхъ, но за то отнялъ у нихъ въ пользу монастыря эти земли. «Понеже — писалъ судъ въ своемъ рѣшеніи объ этихъ козакахъ — по слѣдствію явилось, яко на волнихъ мѣстахъ поселеніе имѣютъ з позволенія сотничого и служать козачо, коимъ сотникъ позволять на владѣльческихъ грунтахъ не силенъ, ибо во владѣльческихъ жалованнихъ маетностяхъ волнихъ мѣстъ не имѣется, но все владѣлческое, очистить грунта монастиревѣ,... самимъ же имъ, ежели пожелаютъ служить козачо, искать прежнихъ своихъ козачихъ грунтовъ и з тихъ козачо служить». Еще шести человѣкамъ генеральный судъ приговорилъ «быть в послушаніи того, въ чіемъ дворѣ жить будутъ, якожъ показано, что за ними никакихъ грунтовъ не имѣется, а живутъ в сусѣдяхъ». За то козацкихъ подсусѣдковъ, вышедшихъ изъ монастырскихъ посполитыхъ и жившихъ даже на купленной козацкой землѣ, судъ отдалъ во владѣніе монастырю на томъ основаніи, что «по грунту козачо служить не доводится, понеже велѣно в козаки такихъ опредѣлять, коихъ дѣды и отцы были козаками». Точно также

ныхъ дать конкретное представленіе объ ихъ положеніи: «Радко Литвинъ живетъ особою хатою, купленною на денги свои, а не в козацкомъ дворѣ, грунтовъ никакихъ болше не имѣетъ, найдовался в вѣдомствѣ сотниковъ мринскихъ, прежнего Семена Хомѣнского годовъ пfive, а нынѣшнего Тарасевича от 709 году». «Яцко Чередникъ захожій, купивши хату, на волномъ мѣстцу с позволенія сотника Тарасевича построилъ дворикъ неболшій, занялъ в 725 году, а от поселенія своего сотнику Тарасевичу послушенство отдаетъ». «Петро Оробей, мужикъ, живетъ в сусѣдяхъ в церковномъ дворѣ, не имѣетъ ни двора, ни хати своей, а нѣ другихъ какихъ угодій; в вѣдомствѣ тихъ людей отъ 700 году пребивалъ, в чіихъ хатахъ жилище имѣлъ». «Данило Сподараченко, з отца мужикъ, до 727 году по разнихъ хатахъ козацкихъ живалъ, черезъ килко десять лѣтъ, а в чіей хатѣ жилъ, тому и послугу отдавалъ, а 727 оженился на козачцѣ грунтовой и, на томъ козачомъ грунтѣ зостаючи, козацкую службу отбуваетъ, а работизни никому не дѣлаетъ». «Вувдя вдова Настичка ни хати, ни двора, ни огорода, ни другого какого грунту не имѣетъ, но, в разнихъ хатахъ козачихъ живучи, послушенство тому отдаетъ, в чіей хатѣ живетъ, а другому никому работизнъ не отдаетъ»

отдалъ судъ во владѣніе монастыря и всѣхъ остальныхъ козацкихъ подсусѣдковъ, которые отбывали послушенство Тарасевичу. Игнорируя показаніе мринскихъ старожиловъ, судъ отвергалъ при этомъ возможность такого же послушенства козацкихъ подсусѣдковъ болѣе раннимъ сотникамъ на томъ основаніи, что о немъ не упоминалось въ универсалѣ, данномъ Тарасевичу полковникомъ Жураковскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ отвергалъ и силу универсала Жураковскаго, какъ потому, что онъ противорѣчилъ универсалу Мазепы 1689 г., такъ и потому, что «подсусѣдковъ, ежели бъ и подлинно были козачіе, онъ, полковникъ, собою надавать, в противность ея императорскаго величества указовъ и гетманскихъ статей, не силенъ, ибо по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ козачіе волности всемилостивѣйше охраняются, по висшепрописаннимъ же гетманскимъ статямъ не полковникамъ, но самому гетману з старшиною кому что надлежить за службы надавать дозволено». То обстоятельство, что универсалъ Жураковскаго былъ подтвержденъ гетманами Скоропадскимъ и Апостоломъ, не подвергшими никакому сомнѣнію право полковника на надачу имѣній, судъ опять-таки благоразумно игнорировалъ, ограничившись по поводу этихъ гетманскихъ универсаловъ лишь утвержденіемъ, что они, какъ выданные позднѣе, не могли подорвать силы болѣе раннихъ крѣпостей монастыря. Наряду съ этимъ генеральный судъ отказался признать и правильность данныхъ при слѣдствіи 1733 г. показаній, согласно которымъ козацкіе подсусѣдки, обладавшіе землей, имѣли въ своемъ владѣніи козачью землю, попавшую въ ихъ руки путемъ наслѣдства, покупки или сдѣланной съ согласія сотника заимки въ общинныхъ («вольныхъ») земляхъ. Въ жалованныхъ грамотахъ на имѣнія, — указывалъ судъ — въ частности, и въ грамотѣ, данной Черниговскому Катедральному монастырю, «особливо то притверждается, что козацкія волности от всякихъ владѣлцовъ суть свободни». «И ежели бъ — продолжалъ судъ свое разсужденіе — помянутіе подсусѣдки подлинно на козачихъ грунтахъ жили, то бы не сотнику работать должни, но по примѣру протчіихъ козаковъ служить козачо и при своихъ волностяхъ остаться, и на таковихъ бы полковнику Жураковскому дать унѣверсала дерзновенія учинить невозможно, волнихъ же мѣстъ в жалованнихъ маетностяхъ быть не слѣдуетъ, ибо все оное жалованное владѣлцу в числѣ принадлежностей, а тѣхъ волнихъ мѣстъ позволять занимать и поселившимися на заня-

тыхъ мѣстахъ владѣть нѣ по чему не должно, ибо поселившіеся на волнихъ мѣстахъ, яко на владѣлческой землѣ, состоять въ числѣ протчіихъ посполитихъ жалованнихъ». Признавъ такимъ образомъ, что всѣ козацкіе подсусѣдки, имѣвшіе землю и отбывавшіе послушенство сотнику Тарасевичу, пользовались монастырской землей, а послушенство сотнику отбывали неправильно, генеральный судъ и приговорилъ всѣхъ такихъ подсусѣдковъ отдать во владѣніе монастыря [1]). Такъ полвѣка спустя послѣ универсала Мазепы, отдавшаго козацкихъ подсусѣдковъ мринской сотни въ подданство Черниговскаго Катедральнаго монастыря, послѣднему удалось-таки утвердить свою власть надъ этими подсусѣдками и долгій споръ изъ-за нихъ между сотниками и владѣльцемъ имѣнія закончился побѣдой этого владѣльца.

Но не одинъ Мазепа отдавалъ козацкихъ подсусѣдковъ въ подданство владѣльцамъ тѣхъ имѣній, въ сосѣдствѣ съ которыми проживали такіе подсусѣдки. Гетманъ Скоропадскій, подтверждая въ 1710 г. по просьбѣ миргородскаго полковника его зятю, Ив. Ломиковскому, с. Лавы, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ, чтобы «мужики, в селѣ Лавахъ мешкаючие, з грунтовъ своихъ козакамъ не продавали, а козаки в ихъ куповать не важились, и, мешкаючи в подсусѣдкахъ, от повинностей посполитихъ себе не охраняли, а хочай которій и продалъ, то имѣетъ (долженъ) всякое подданское послушенство, в подсусѣдкахъ мешкаючи, пану Ломиковскому отдавати» [2]). Въ данномъ случаѣ «послушенствомъ» въ пользу владѣльца имѣнія обязывались такимъ образомъ тѣ изъ козацкихъ подсусѣдковъ, которые были передъ тѣмъ посполитыми этого имѣнія и, переходя въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы, продавали козакамъ свои земли. Иногда же подобное «послушенство» требовалось отъ всѣхъ козацкихъ подсусѣдковъ, перешедшихъ въ эту группу изъ посполитыхъ. Такъ, нѣжинскій полковникъ Толстой въ 1725 г. отдалъ по указу Малороссійской Коллегіи «на урядъ» полковому писарю Леонтію Гроновскому «село Кропивное зо всѣми мужиками и подсусѣдками, которые з мужиковъ, а живутъ в дво-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, бумаги Черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, декретъ генеральнаго войскового суда отъ 28 октября 1748 г.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 26, владѣльческія вѣдомости м. Сосницы, л. 653.

рахъ чина козачого»[1]). Въ другихъ случаяхъ подобныя мѣры властей носили еще болѣе широкій характеръ, захватывая всѣхъ вообще козацкихъ подсусѣдковъ того или иного села. «Тобѣ, атаманови помокелскому, — писалъ въ 1714 г. переяславскій полковникъ Стефанъ Томара въ с. Помокли — приказуемъ, абы приказалъ подсусѣдкамъ такъ козацкимъ, яко и мужицкимъ, абы были во всемъ пречестному господину его милости отцу игумену монастира Свято-Михайловского Переясловского послушними и до всякихъ послушенствъ неспречними, пилно жадаемъ (настойчиво требуемъ), такъ тежъ и которие вновь поприходили и тамъ свои поселенія имѣютъ, чили под козаками, чили такъ живутъ, то абы без отмови (отказа) всякое послушенство отдавали, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ»[2]). Подобнымъ же образомъ гетманъ Скоропадскій, утверждая въ 1709 г. нѣжинскому полковому асаулу Іосифу Тарасовичу полученное имъ отъ Мазепы село Хибаловку, позволилъ Тарасовичу «отъ посполитихъ того села людей и козацкихъ подсусѣдковъ всякія повинности и послушенства отбирати до ласки войсковой». Утверждая въ 1714 г. тому же Тарасовичу, бывшему въ это время уже просто «знатнымъ войсковымъ товарищемъ», данное ему передъ тѣмъ сельцо Британовку, Скоропадскій точно также заявилъ, что «войтъ того сельца Британовки з посполитими людми и подсусѣдками козацкими повинни ему, пану Тарасовичу, яко своему державци, всякія подданскія отдавати послушенства и повиновенія». И гетманъ Апостолъ, подтверждая въ 1730 г. эти села Іосифу Тарасовичу, успѣвшему къ этому времени стать бунчуковымъ товарищемъ, въ свою очередь писалъ въ своемъ подтвердительномъ универсалѣ: «войти тихъ селъ и подсусѣдки козачіе повинни всякое подданическое отдавать послушенство и повиновеніе»[3]).

Въ общемъ однако отдача козацкихъ подсусѣдковъ въ подданство членамъ старшины и владѣльцамъ имѣній была не осо-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 115.

[2]) Изъ бумагъ Михайловскаго монастыря въ библіотекѣ И. В. Лучицкаго.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 151, 150, 151—2. Иногда владѣльцы имѣній пытались подчинить себѣ козацкихъ подсусѣдковъ и безъ всякой надачи со стороны властей. Такъ, козаки с. Западинецъ Петръ Терещенко и Матвѣй Назаренко въ 1736 г. показывали, что «въ 1733 г., какъ достались в подданство села Западнецъ посполитые асаулѣ войсковому генеральному Мануйловичу», староста его сталъ собирать ралецъ съ козацкихъ подсусѣдковъ, но они, Терещенко и Назаренко, воспротивились этому и обратились съ жалобой къ лубенскому полковнику Апостолу, послѣ чего козацкіе подсусѣдки были оставлены въ покоѣ. Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 12, св. 1, № 54.

бенно частымъ явленіемъ и въ большинствѣ случаевъ эти подсусѣдки отбывали то или иное «послушенство» лишь тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ они селились. Но наряду съ такимъ послушенствомъ на козацкихъ подсусѣдкахъ во всякомъ случаѣ лежали еще и «общенародныя» повинности, хотя и въ меньшемъ нѣсколько размѣрѣ, чѣмъ на посполитыхъ. Подсусѣдки владѣльческіе, какъ мы знаемъ, стараніями своихъ владѣльцевъ нерѣдко освобождались отъ отбыванія этихъ повинностей. Но тѣ же самые владѣльцы, которые добивались такого освобожденія для своихъ подсусѣдковъ, ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы оно не коснулось подсусѣдковъ козацкихъ, такъ какъ опасались, что это поведетъ къ чрезмѣрному отягощенію «общенародными повинностями» ихъ посполитыхъ и создастъ для послѣднихъ черезчуръ большой соблазнъ переходить въ подсусѣдки къ козакамъ. Въ виду этого владѣльцы то и дѣло обращались къ войсковымъ властямъ съ просьбами о привлеченіи козацкихъ подсусѣдковъ къ общимъ повинностямъ. Особенно большую энергію въ этомъ направленіи проявляли монастыри, являвшіеся владѣльцами громадныхъ имѣній и всѣми силами старавшіеся удержать въ нихъ ихъ крестьянское населеніе, обложенное разнообразными и въ общемъ далеко не легкими сборами и повинностями въ пользу владѣльцевъ. И эта энергія въ большинствѣ случаевъ не оставалась безрезультатной.

Въ 1691 г. игуменъ золотоношскаго Красногорскаго монастыря обратился къ переяславскому полковнику Ивану Лисенку съ жалобой на золотоношскаго сотника. Послѣдній, по словамъ игумена, отягощалъ монастырскихъ посполитыхъ въ с. Слюжчиной Слободкѣ чрезмѣрными сборами на компанейцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрывалъ отъ такихъ сборовъ людей, не внесенныхъ въ козацкій реестръ, и «подсусѣдковъ не попускалъ козацкихъ помочними бути посполите (сообща) з посполитими людми до отдачи мѣсячного компанцомъ». Полковникъ не одобрилъ такого поведенія сотника. «Если такъ — писалъ Лисенко послѣднему — тилко въ едномъ селѣ держишь под своею обороною килко десять волнихъ, далеко барзей (много больше) и по инихъ селахъ знайдуется». И Лисенко предписалъ сотнику всѣхъ не внесенныхъ въ козацкій реестръ («не реестровихъ забоцневъ») и подсусѣдковъ «под власть посполитую в тяглость оддать» [1]).

---

[1]) Рукопись библіотеки И. В. Лучицкаго, Документы Красногорскаго Золотоношскаго монастыря, № 8.

Въ 1696 г. черниговскій архіепископъ въ свою очередь обратился къ гетману Мазепѣ, жалуясь, что въ мринской сотнѣ «многии таковыи у товариства под ихъ окрытемъ знайдуются подсусѣдки, которыи, свои власныи (собственные) маючи кгрунта, поля, лѣса, сѣножати, ни службы военное не пилнуютъ (не отправляютъ), ани тежъ тяглости громадское з людми посполитыми не отбываютъ, черезъ що людемъ тяглымъ великая в отбуваню тяглостей громадскихъ, а над то (сверхъ того) в прокормленю компанійцовъ, дѣется долегливость». Гетманъ призналъ это «непорядкомъ» и предписалъ, чтобы «всѣ таковые подсусѣдки, которыи, в своихъ любъ в козацкихъ дворахъ мешкаючи, поля свои, лѣсы, сѣножати и иншыи угодя маютъ, от козаковъ не были жадною мѣрою вкриваны (никакимъ способомъ укрываемы), але жебы посполу (но чтобы сообща) з тяглыми людми не тылко в отбываню рабочихъ до громады повинностей, але особливе и в прокормленю компанѣйцовъ належитость свою отбували». «Тые тилко самые (одни) подсусѣдки, — прибавлялъ Мазепа — которые, в дворахъ козацкихъ мешкаючи, на чужые кгрунта, своихъ не маючи, з плугами, серпами, косами для заробку ходятъ, до подданской тяглости належати не маютъ» [1]). И, когда въ томъ же году въ мринской сотнѣ встрѣтилось затрудненіе въ доставкѣ продовольствія компанейцамъ, Мазепа, отправивъ для улаженія этого затрудненія спеціально уполномоченнаго козака, вновь повторилъ свое предписаніе, чтобы «тяглые люде, якіе у козаковъ в подсусѣдкахъ живутъ, а своихъ кгрунтовъ осѣдлихъ не маютъ, од тоей належитости вистатченія (доставленія) были волными», тѣ же, «которіи, любъ (хотя) въ подсусѣдкахъ у козаковъ живутъ, а свои кгрунта особно пашутъ албо (либо) пущаютъ оные иннымъ людемъ себѣ въ прибѣль, абы до тоей повинности без жадное отмови (безъ всякихъ отговорокъ) належали» [2]). Два года спустя нѣжинскій полковникъ Обидовскій, «вѣдаючи о томъ певне (вѣрно), же в сотнѣ мринской большей ста знайдуется козацкихъ подсусѣдковъ, от которыхъ, яко и от иншыхъ в полку нашомъ винайдуючыхся подсусѣдковъ, по указу самого ясневелможного его милости пана гетмана, на компанейцовъ повинно вибиратися мѣсячное по шагу для помочи тяглимъ людемъ», распорядился, чтобы эти подсусѣдки поставляли

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2923.
[2]) Тамъ же, № 1616/2924.

продовольствіе для вновь присланныхъ въ сотню двухъ компанейцевъ, тогда какъ тяглые люди, по распоряженію гетмана, должны были продовольствовать четырехъ [1]).

Такіе же результаты имѣли и аналогичныя жалобы другихъ монастырей. Въ 1701 г. архимандритъ Черниговскаго Елецкаго монастыря жаловался гетману, что въ селахъ этого монастыря многіе изъ его подданныхъ, уклоняясь отъ «кормленія компанейцевъ и иныхъ подданскихъ тяжестей», продали свои хаты и переселились въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы, причемъ продолжаютъ пользоваться своими землями, не отбывая никакихъ повинностей монастырю и не поставляя продовольствія для компанейцевъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ опять-таки распорядился, чтобы подсусѣдки, которые, продавъ свои хаты, живутъ въ козацкихъ, но при этомъ имѣютъ свои земли и пользуются ими, «компанейцовъ кормили и во вшелякихъ подданскихъ повинностяхъ з громадою конечно (непремѣнно) тянули»; «а такіе тилко, — прибавлялъ и на этотъ разъ Мазепа — которые, в козацкихъ хатахъ живучи, жаднихъ (никакихъ) своихъ кгрунтовъ не маютъ, а, тилко на услузѣ господаровъ (хозяевъ) своихъ будучи, самимъ (однимъ) у людей заробкомъ живятся (кормятся), от тихъ подданскихъ тяжаровъ нехай будутъ волны». Къ этому Мазепа присоединилъ еще требованіе, чтобы въ селахъ Елецкаго монастыря «во всѣхъ подданскихъ повинностяхъ зъ громадою тягнули, а особно компанѣйцовъ кормили» и всѣ вообще люди, которые, не состоя въ козацкомъ реестрѣ, не отбывали и не отбываютъ «войсковыхъ услугъ», а, только по имени слывя козаками, пользуются вольностью [2]). Въ слѣдующемъ году съ такою же жалобой обратился къ Мазепѣ игуменъ Новгородсѣверскаго монастыря, указывая, что въ монастырскомъ «селѣ Мѣзинѣ многіе з громаднихъ посполитихъ людей, власныи (собственные) дѣдизніи и отчистіи оставивши свои домовки и кгрунта, поуходили в домы козацкіи, а то заживаютъ себѣ (пользуются) такового способу, ухиляючися от кормленя сердюковъ и от отбуваня иншихъ належитихъ посполитихъ повинностей и тяглостей, а любо (хотя) в домахъ козацкихъ живутъ, еднакъ кгрунтовъ своихъ з посполитими людми заживаютъ».

---

[1]) Тамъ же, № 1616/2928. «Шагъ» = 2 копейкамъ.

[2]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. IV (дополненіе), сс. 43—4. Позднѣе такое же распоряженіе было отдано для всѣхъ имѣній Елецкаго монастыря и гетманомъ Скоропадскимъ, — тамъ же, сс. 45—7.

«Яко теды — писалъ гетманъ, получивъ эту жалобу, — той поступокъ таковыхъ легкомыслныхъ людей перед нами оказался быти неслушнымъ (неправильнымъ) и порядкамъ громадскимъ мѣскимъ (городскимъ) и сѣлскимъ противнымъ, такъ мы, оний имъ ганячи (порицая), пилно и сурово приказуемъ, жебы всѣ подсосѣдки козацкіи, в дворахъ и при дворахъ козацкихъ мешкаючіе, были помочни такъ до кормленія сердюковъ, яко и в отбуваню всѣхъ посполитихъ подачокъ и тяглихъ повинностей, а найбарзѣй (наиболѣе, особенно) тии, которіи мѣютъ кгрунта» [1]). Два года спустя, по жалобѣ кіевскаго митрополита на моровскаго сотника, который, по словамъ митрополита, «подсусѣдковъ, не тылко на кгрунтахъ ихъ катедралныхъ жиючихъ, лечъ (но) и всякие пожитки з оныхъ отбираючихъ», не допускалъ въ «посполитую тяглость, защищаючи оныхъ козацкою волностю», Мазепа заявилъ, что такое поведеніе противно разосланному во всѣ полки гетманскому указу, чтобы «козакъ кождый давный на своей козацкой волности зоставалъ, а посполитый и всякий подсусѣдокъ посполитую тяглость зналъ». Въ виду этого Мазепа «пилно и срокго» (настойчиво и строго) потребовалъ отъ моровскаго сотника, чтобы онъ «жадного (никакого) подсусѣдка, а особливе таковыхъ, яковые на тихъ Софѣйскихъ Катедралныхъ кгрунтахъ мешкаютъ, своею оброною не защищалъ, але (но) всѣхъ в посполитую тяглость отпускалъ» [2]).

Такія же распоряженія не разъ дѣлались и преемникомъ Мазепы на гетманствѣ. Такъ, утвердивъ за войсковымъ товарищемъ Долинскимъ с. Покошичи, Скоропадскій позволилъ Долинскому «въ помощь громадѣ и подсусѣдковъ козачихъ, въ ономъ селцѣ живучихъ, до всякихъ посполитихъ повинностей въ видаваню подводъ, на сердюковъ мѣсячного и иныхъ податей потягати» [3]). Въ другой разъ, утверждая гадяцкому полковому асаулу Штишевскому с. Харьковцы и позволяя отбирать «послушенство» съ тамошнихъ посполитыхъ, Скоропадскій приба-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/2462.

[2]) Тамъ же, № 1616/1897.

[3]) Гетманъ Апостолъ, подтвердивъ въ 1729 г. Покошичи вдовѣ Долинскаго, въ свою очередь позволилъ ей «подсусѣдковъ козачихъ до повинностей посполитихъ и въ отбуванню подводъ и до сустентаціи на консистентовъ въ помощь громадѣ покошицкой потягать». Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 663—4.

влялъ: «а якіе зъ тихъ посполитихъ людей жителѣ, оставивши свои дворы ради ухиленяся (уклоненія) отъ тяглой повинности, до козаковъ въ подсусѣдство на мешкане попереходили, тіе во время валнихъ потребъ (настоятельныхъ нуждъ), яко то въ годованю (прокормленіи) драгунъ и въ видаваню мѣсячного на компанѣйца датку и протчіего, повинни посполитимъ людямъ во всемъ чинити помощь»[1]).

Но и Скоропадскимъ подобныя распоряженія чаще всего отдавались по просьбамъ и жалобамъ монастырей. Такъ, въ 1712 г. Скоропадскій, по просьбѣ кіевскаго митрополита, предписалъ, чтобы «в катедралнихъ маетностяхъ подсусѣдки козацкіе найдуючіеся безъ жадной противности звычайную в помощь тяглимъ людемъ безотмовне повинность отдавали»[2]). Годомъ позже къ Скоропадскому обратился игуменъ Максаковскаго монастыря, жалуясь, что многіе козаки шаповаловской и борзенской сотенъ попринимали къ себѣ въ подсусѣдки монастырскихъ подданныхъ и защищаютъ ихъ отъ сборовъ на компанейцевъ, отъ требованій подводъ и отъ «всякихъ наѣздовъ», благодаря чему остальные монастырскіе подданные дошли до крайняго раззоренія. Гетманъ нашелъ эту жалобу справедливой и предписалъ, чтобы «всякъ з товариства помянутихъ сотенъ, хто подданихъ монастирскихъ в подсусѣдки поприймалъ, уступили, впредь не важилися (отваживались) приймати и от видачи на компанѣйцевъ мѣсячного и од спроможеня на почту коней и од всякой необходимой повинности своихъ подсусѣдковъ не заступали»[3]). Въ 1716 г., подтверждая Выдубицкому монастырю с. Ярославку, Скоропадскій точно также требовалъ, чтобы «подсусѣдки козацкіе, в маетностяхъ монастирскихъ живущіе, имѣли свое прислушание до обители святой и подданнимъ монастирскимъ в даче подводъ и кормленіи драгунъ и в видаче на компанію мѣсячной безъ отреченія чинили помощь[4]). Подобное же распоряженіе сдѣлано было Скоропадскимъ, по просьбѣ Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, и для имѣній этого послѣдняго. «Взглядомъ зась (въ отношеніи же) подсусѣдковъ, найдуючихся под козаками, в селѣ монастырскомъ мешкаючими, — писалъ

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, с. 19.
[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1900.
[3]) Тамъ же, № 1616/641.
[4]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. V, № 218.

11 января 1718 г. гетманъ игумену этого монастыря — же (что) оніи подданимъ монастырскимъ в видаваню мѣсячного датку на компанѣйцовъ, в кормленю драгунъ и в прочіихъ посполитихъ належностяхъ не чинятъ помоществованія, росказалисмо (мы приказали) тутъ словесно пану хоружому войсковому, жебы (чтобы) приреченіи подсусѣдки тихъ повинностей не отрѣкалися и людямъ посполитимъ, подданимъ монастырскимъ, чинили в томъ вспоможеніе» [1]).

Но само по себѣ распространеніе на козацкихъ подсусѣдковъ «общенародныхъ» повинностей далеко еще не гарантировало державцевъ отъ ухода ихъ посполитыхъ въ подсусѣдки къ сосѣднимъ козакамъ. Оно, правда, нѣсколько уменьшало соблазнительность такого перехода, но не устраняло его возможности, а между тѣмъ этотъ переходъ являлся крайне убыточнымъ для державцевъ. И съ конца XVII вѣка отдѣльные державцы все чаще и чаще стали обращаться къ войсковымъ властямъ съ просьбами совершенно воспретить ихъ посполитымъ подобный переходъ. Къ этому времени обособленіе посполитыхъ отъ козаковъ сдѣлало уже извѣстные успѣхи и войсковыя власти не видѣли препятствій къ удовлетворенію такого рода просьбъ. Въ результатѣ послѣднія обыкновенно приводили къ тому, что въ рукахъ просителя оказывался гетманскій универсалъ, болѣе или менѣе рѣшительно воспрещавшій посполитымъ этого просителя переходить въ подсусѣдки къ жившимъ въ сосѣдствѣ съ ними козакамъ.

И эти просьбы опять-таки едва ли не чаще всего предъявлялись монастырями. Игуменъ Омбышскаго монастыря, — писалъ въ 1699 г. гетманъ Мазепа атаману с. Омбыша, — «утисковалъ на васъ з товариствомъ за тое, же (что) вы подданыхъ монастирскихъ, од повинности посполитой ухиляючихся, в сусѣдство себѣ приймуете и заступаете оныхъ». «Зачимъ, — продолжалъ гетманъ, — яко неслушне (неправильно) противно мѣстца святого поступуете, если тое есть, такъ мы, тотъ вашъ поступокъ ганячи (порицая), черезъ сей нашъ листъ пилно и сурово приказуемъ, абысте (чтобы вы) яко тыхъ людей подданыхъ монастирскихъ, которіи уже под вами зостаютъ, не заступали, такъ и инныхъ жаднымъ способомъ до себе в сусѣдство приймовати и заступати

---

[1]) Рукопись библіотеки И. В. Лучицкаго. Документы Красногорскаго Золотоношскаго монастыря, № 85.

оныхъ од тяглостей мужицкихъ не важилися»[1]). Въ слѣдующемъ году съ такимъ же ходатайствомъ обратился къ Мазепѣ черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ. Архіепископъ жаловался именно, что въ его имѣніяхъ, расположенныхъ въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ, въ с. Ушнѣ, сс. Улановѣ, Тулиголовахъ и Обложкахъ, въ с. Быстрикѣ, въ м. Мринѣ и въ принадлежащихъ къ нему селахъ, многіе тяглые люди, уклоняясь отъ послушенства и повинностей монастырю, переходятъ въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы и, живя въ нихъ, продолжаютъ пользоваться своими тяглыми землями, но уже «не хотятъ должного Катедрѣ Черниговской отдавати повиновенія». Въ виду этого Максимовичъ просилъ у Мазепы такого универсала, «за якимъ бы могли быти тыи подданыи, в козацкихъ домахъ живучіи, до первобытного своего привернены послушенства». Мазепа нашелъ эту просьбу правильной и далъ архіепископу универсалъ, въ которомъ предписывалъ, чтобы «во всѣхъ преречоныхъ тыхъ Катедри Черниговской маетностяхъ жаденъ (ни одинъ) з козаковъ не важился подданыхъ катедралныхъ, в домы свои в подсусѣдки приймуючи, от належитыхъ тяглыхъ повинностей оныхъ охороняти, заступати и защищати»[2]). Два года спустя, предписывая, по просьбѣ архимандрита Новгородсѣверскаго монастыря, привлекать въ принадлежавшемъ этому монастырю с. Мѣзинѣ козацкихъ подсусѣдковъ къ отбыванію «общенародныхъ» повинностей, Мазепа точно также присоединилъ къ этому предписанію приказъ, чтобы «впередъ нѣхто з козаковъ не важился у людей посполитыхъ жадныхъ кгрунтовъ куповати и в свою промоцію оныхъ людей приймовати и от даваня обиклихъ повинностей и послушенствъ заступати»; «бо если — прибавлялъ гетманъ, — на кого тое доведется (будетъ доказано), же мѣлъ бы якіи колвекъ кгрунта у тяглихъ людей подданыхъ монастирскихъ куповати хто и продавцовъ оныхъ в свое заступленіе приймовати, таковый не тилко гроши, за кгрунтъ данніи, тратити маетъ (потеряетъ), але и значного от насъ, гетмана, не увойдетъ караня[3]). Въ 1705 г. архимандритъ того же Новгородсѣверскаго монастыря вновь обратился къ Мазепѣ, жа-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1759а. Восемь лѣтъ спустя, въ 1707 г., это распоряженіе было опять повторено Мазепой по просьбѣ намѣстника Омбышскаго монастыря — тамъ же, № 1616/1759в.

[2]) Тамъ же, № 1616/3035.

[3]) Тамъ же, № 1616/2462.

луясь на то, что въ другомъ монастырскомъ имѣніи, с. Ксендзовкѣ, часть посполитыхъ вписалась въ «жолдаки», а «многіе посполитые люди, спродавши свои грунта батуринскимъ обывателямъ, сами в нихъ в подсусѣдкахъ живутъ и тимъ укрываются от посполитой тяглости и монастырского послушенства». И гетманъ опять-таки призналъ, что такими «неслушными поступками тѣхъ легкомысленныхъ и упорныхъ людей» монастырю причиняется «обида», а «людямъ посполитымъ ксендзовскимъ тяжесть», и вернулъ «всѣхъ тихъ подсусѣдковъ, в проданихъ кгрунтахъ мешкаючихъ, и ново повписовавшихся жолдаковъ до первобытной посполитой тяглости и монастирского послушенства», позволивъ каждаго упорствующаго «дозорци монастырскому, тимъ селомъ завѣдуючому, усиловне до громадской сполной тяглости и повинности и монастирского послушенства притягати». При этомъ гетманъ предписывалъ, чтобы впредь никто изъ батуринскихъ козаковъ и свободныхъ посполитыхъ не осмѣливался покупать никакихъ земель у посполитыхъ с. Ксендзовки и «своею протекцѣею оныхъ людей от обыклихъ послушенствъ и повинностей укривати и уволняти». «А еслибы — продолжалъ гетманъ — на кого тое довелося, же мѣлъ бы кгрунта в монастырскихъ подданихъ купити и продавцу под свою оборону взяти, таковый не тылко за кгрунтъ гроши выложеніе тратитиметъ (утратитъ), лечъ и значнимъ от насъ, гетмана, окрытъ будетъ наказаніемъ» [1]).

Подобныя же распоряженія, и подчасъ еще съ бо̀льшей категоричностью, отдавались и смѣнившимъ Мазепу на гетманствѣ Скоропадскимъ. «Яко давное есть войсковое постановленіе, монаршою грамотою утверженное, что вездѣ козаки в мужитство, а мужики в козатство вписыватися не повинни», — писалъ, напримѣръ, Скоропадскій въ 1710 г., подтверждая Каѳедральному Переяславскому, Каневскому и Терехтемировскому монастырямъ ихъ имѣнія, — то «и козаки, в маетностяхъ монастирскихъ мешкаючіе, подданнихъ помянутихъ монастирей жадною мѣрою отъ подданской повинности заступати и до себе онихъ в подсусѣдки пріймовати и груи̑товъ ихъ искуповувати не мѣютъ» [2]). Подтверждая въ томъ же году Нѣжинскому Красноостровскому монастырю сс. Талалаевку и Мыльники, Скоропадскій въ своемъ подтвердительномъ универсалѣ также требовалъ, чтобы «в помяну-

---

[1]) Документы монастырей арх. Черн. Каз. Палаты, № 1616/2475.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукоп. отдѣленіе Моск. Рум. Музея, № 1159, Документы, № 7.

тихъ монастирскихъ маетностяхъ, такъ духовного, яко и свѣцкого войскового чина люде подданихъ мешкаючихъ в подсусѣдки до себе не приймовали и жадною мѣрою (никакимъ образомъ) ихъ от подданской повинности заступати не важилися»[1]). Три года спустя, въ 1713 г., Скоропадскій, какъ мы уже видѣли выше[2]), предписалъ козакамъ борзенской и шаповаловской сотенъ Нѣжинскаго полка, принявшимъ въ свои подсусѣдки посполитыхъ Максаковскаго монастыря, вернуть ихъ въ ихъ первобытное состояніе и впредь не принимать въ подсусѣдки монастырскихъ «подданныхъ». Такое же требованіе поставлено было Скоропадскимъ въ 1716 г. козакамъ кролевецкой и глуховской сотенъ, принимавшимъ въ подсусѣдки посполитыхъ изъ принадлежавшихъ Батуринскому Крупицкому монастырю сс. Спасскаго, Божка, Заболотова и Любитова, и козакамъ с. Павловочки въ Гадяцкомъ полку, къ которымъ переходили въ подсусѣдки тамошніе посполитые, «подданные» Пустынно-Скельскаго монастыря[3]). Иногда же Скоропадскій ставилъ такія требованія при самой надачѣ имѣнія. Такъ, давая въ 1713 г. Кіевскому Софійскому монастырю с. Вовчокъ, гетманъ предписывалъ, чтобы «нихто посполитыхъ людей вовчковскихъ в козацкій компутъ уписовати не дерзалъ и козаки тамошніе подъ оборону свою в подсусѣдки не приймовали»[4]).

Такимъ образомъ къ концу XVII и началу XVIII вѣка явственно обозначилось существенное различіе въ положеніи подсусѣдковъ владѣльцевъ имѣній, иначе говоря, подсусѣдковъ державческихъ, и подсусѣдковъ рядовыхъ козаковъ. Первые къ этому времени, въ сущности, окончательно обратились во владѣльческихъ крестьянъ, отличаясь отъ тяглаго поспольства лишь тѣмъ, что, благодаря своему имущественному положенію и стараніямъ владѣльцевъ, въ гораздо меньшей мѣрѣ участвовали въ отбываніи «общенародныхъ» повинностей, а нерѣдко и совсѣмъ не участвовали въ немъ. Вторые же не только несли на себѣ бремя этихъ повинностей, но порою должны были въ силу распоря-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 105. Это требованіе подтверждено было въ 1729 г. и гетманомъ Апостоломъ, — тамъ же, с. 108.

[2]) См. выше, с. 97.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 123; Рукописи библіотеки И. В. Лучицкаго, Документы Преображенскаго Пустынно-Скельскаго монастыря.

[4]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1901.

женія войсковыхъ властей отбывать еще и «послушенство» отдѣльнымъ членамъ старшины либо державцамъ маетностей. И если случаи этого послѣдняго рода, превращавшіе и козацкихъ подсусѣдковъ во владѣльческихъ «подданныхъ», были все же не особенно часты, то за тѣмъ, чтобы козацкіе подсусѣдки наряду съ посполитыми, хотя и въ нѣсколько меньшемъ противъ нихъ размѣрѣ, отбывали «общенародныя» повинности, войсковыя власти слѣдили очень усердно и настойчиво, тѣмъ болѣе, что ихъ заботы въ этомъ направленіи поддерживались постоянными ходатайствами со стороны державцевъ. Благодаря этому державческіе подсусѣдки оказывались по отношенію къ податнымъ требованіямъ государства въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ подсусѣдки рядовыхъ козаковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, какъ для козаковъ оставалась открытой возможность перехода въ державческіе подсусѣдки, владѣльческимъ посполитымъ войсковыя власти, подъ вліяніемъ просьбъ владѣльцевъ, стали съ конца XVII вѣка воспрещать переходъ въ козацкіе подсусѣдки. И если не державческіе подсусѣдки, то сами державцы оказывались и въ этомъ отношеніи въ привилегированномъ положеніи, такъ какъ, создавая при помощи властей препятствія для ухода своихъ посполитыхъ въ козацкіе подсусѣдки, они одновременно сохраняли возможность привлекать въ свои подсусѣдки козаковъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ рѣшавшихся на выходъ изъ «войскового товариства». Но это привилегированное положеніе, создавшееся для державцевъ, неизбѣжно оказывало серьезное вліяніе на весь многочисленный классъ подсусѣдковъ, постепенно сближая все бо̀льшую часть его съ владѣльческими «подданными». Въ концѣ концовъ такимъ образомъ эволюція этой группы малорусскаго общества пошла тѣмъ же путемъ, какимъ шла эволюція и другихъ его группъ, занявшихъ было въ началѣ самостоятельнаго существованія гетманщины переходное положеніе между козачествомъ и поспольствомъ, и къ началу XVIII столѣтія результаты этой эволюціи намѣтились уже вполнѣ явственно.

IV

Къ концу XVII столѣтія, какъ мы видѣли, свободно совершавшійся передъ тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи переходъ населенія изъ одной общественной группы въ другую сталъ

встрѣчать серьезныя препятствія. Выдѣлившаяся изъ массы населенія группа старшины, успѣвшая къ этому времени сомкнуться въ тѣсно связанный общими интересами классъ державцевъ, охраняя цѣлость своихъ имѣній, усвоила себѣ взглядъ на посполитыхъ, какъ на людей, не имѣющихъ права переходить въ козаки, и, чѣмъ дальше, тѣмъ прочнѣе прививался этотъ взглядъ въ административной и судебной практикѣ гетманщины. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка гетманы и полковники въ рядѣ случаевъ уже категорически запрещали, по просьбамъ отдѣльныхъ державцевъ, владѣльческимъ посполитымъ переходить въ козачество и возвращали въ «подданство» тѣхъ изъ нихъ, которые, не смотря на такія запрещенія, самовольно вписывались и «вмазывались» въ ряды «войскового товариства». Наряду съ этимъ различныя промежуточныя группы населенія, являвшіяся какъ бы переходными ступенями между посполитствомъ и козачествомъ, подъ давленіемъ той же старшины все больше приближались къ посполитымъ и все дальше отходили отъ козачества, доступъ въ которое становился все болѣе затруднительнымъ. Въ частности, посполитымъ власти гетманщины съ конца XVII вѣка стали воспрещать переходъ не только въ козаки, но и въ козацкіе подсусѣдки. На дѣлѣ переходъ посполитыхъ въ ту или другую группу въ это время далеко еще не былъ уничтоженъ и частое повтореніе воспрещавшихъ его распоряженій само по себѣ уже свидѣтельствовало о томъ, что въ жизни онъ продолжалъ существовать. Но власти съ своей стороны всячески старались покончить съ нимъ, все настойчивѣе выставляя требованіе, чтобы «изъ войсковыхъ людей въ посполитую тяглость и изъ посполитыхъ людей въ козацство до войсковыхъ вольностей никто не былъ пріймованъ».

По прямому смыслу этого требованія, между козаками и посполитыми должна была лечь рѣзкая грань, намѣченная еще въ «статьяхъ» Богдана Хмельницкаго, и какъ посполитые не должны были приниматься въ коваки, такъ и козаки, въ свою очередь, не должны были переходить въ посполитые. Въ дѣйствительности однако власти гетманщины далеко не съ одинаковой энергіей проводили въ жизнь различныя части этого требованія. Больше того, — настаивая на недопустимости перехода посполитыхъ въ козачество, эти власти въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сами порою переводили козаковъ въ разрядъ посполитыхъ, отдавая «войсковыхъ товарищей» той или иной мѣстности въ

частную зависимость или, говоря языкомъ того времени, въ «послушенство».

Иногда такая отдача совершалась даже низшими властями. Такъ, въ началѣ XVIII вѣка почепскій сотникъ Рославецъ счелъ возможнымъ отдать «въ подданство» женскому Шуморовскому монастырю 5 дворовъ козаковъ въ с. Шуморовѣ. «Сихъ — говорится объ этихъ козакахъ въ ревизіи 1723 г. — дѣды и отцы козаковали и они сами въ походахъ на службахъ войсковыхъ бували; теды за сотницства покойного Лукяна Рославца мати его, будучи въ Шуморовскомъ монастырѣ игуменіею, по прошенію еи покойной Лукянъ отдалъ онихъ монастиру въ подданство. А теперь они желаютъ по прежнему козаковати» [1]). Случалось, что и полковники отдавали козаковъ въ «послушенство». Сотникъ журавской сотни Прилуцкаго полка Михаилъ Яголницкій разсказывалъ въ 1719 г., что до него на журавскихъ сотниковъ шли села Мокіевка и Кулешовка, а, когда онъ, при полковникѣ Иванѣ Носѣ, вступилъ въ сотничество, тѣ села «отошли на пана державцу». «Теды — продолжалъ Яголницкій — вмѣсто онихъ селъ опредѣлилъ мнѣ небожчикъ (покойникъ) панъ полковникъ пѣшихъ козаковъ, в Антоновцѣ зостаючихъ, якіе и теперъ мѣсячніе гроши на компанѣйца вмѣсто мужиковъ видаютъ, и тіе поволніе (покорны) мнѣ были на всякую потребу мою, и по ономъ опредѣленію кошували мнѣ козаки антоновскіе пѣшіе». Сотникъ же съ своей стороны нашелъ средство еще болѣе закрѣпить за собою это «послушенство» козаковъ. «Другая з тихъ мѣръ — добавлялъ онъ къ своему разсказу — датокъ роковий (годовой) когда вибирается, яко то трембацкое, хоружовское, ралецъ, теды оны, не мѣючи чимъ оддати, мене просятъ, абы я своими грошми заложилъ за нихъ, и я, ихъ прошенію склонившись, своими грошми за ихъ плачу, а они мнѣ, якъ мога, чимъ нѣбудь за тое отбуваютъ свои довги» [2]). Въ свою очередь, случалось, переводилъ козаковъ въ посполитые и гетманъ, иногда даже въ своихъ собственныхъ интересахъ. «В 1709 годѣ, на представление бывшого дозорци переволочанского Василия Зелененкого, — доносилъ

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I, с. 308. Лукьянъ Рославецъ былъ почепскимъ сотникомъ въ 1697 г. и въ 1704—9 гг., — тамъ же, с. 295.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1. Ив. Яр. Носъ былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1708—14 гг., — см. А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 4.

въ 1730 г. въ полковую полтавскую канцелярію кишенскій сотникъ Потоцкій о сс. Лучкахъ и Ханделеевкѣ — гетманъ Скоропадский, од сотнѣ кишинской отобравши обѣ селѣ, в Лучкахъ и Ханделеевцѣ козаковъ и посполитихъ людей надалъ до дворца переволочанского в подданство; да прошлого 1725 году іюля 19 числа на доношение мое з старшиною, поданое в бывшую Малороссийскую Коллегию о самихъ (однихъ) козакахъ, указомъ государынѣ императрици и самодержици всероссийской велено от дворца переволочанского ув обохъ селахъ, Лучкахъ и Ханделеевцѣ, з работизни козаковъ отобрать и отдать по прежнему в сотню кишинскую отбувать монаршую ея императорского величества службу, а посполитіе люде и понынѣ при дворцу переволочанскому в подданствѣ обрѣтаются» [1]).

Привлекая козаковъ въ свое «подданство», Скоропадскій вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалъ порою въ козацкомъ «послушенствѣ» и другимъ лицамъ, въ особенности такимъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло его собственное положеніе. Благодаря этому, въ его гетманство часть малорусскихъ козаковъ попала въ «подданство» къ великорусскимъ сановникамъ, получившимъ от гетмана имѣнія въ Малороссіи, и только позднѣе этимъ козакамъ, да и то не всѣмъ, удалось освободиться отъ такого «подданства». Въ 1726 г. понорницкій сотникъ Тихонъ Никифоровичъ, получивъ изъ генеральной канцеляріи приказъ отправить изъ своей сотни часть козаковъ въ низовый походъ къ крѣпости Св. Креста, другую часть послать на «канальную работу» въ Ладогу, а третью изготовить къ отпору противъ внезапнаго нападенія крымцевъ, отвѣтилъ, что онъ самъ съ частью своихъ сотнянъ отправляется въ низовый походъ, на Ладогу же и къ отпору крымцевъ козаковъ дать не можетъ, «понеже иныхъ козаковъ в сотнѣ своей не имѣетъ, кромѣ з канала недавно пришедшихъ нужныхъ и утружденныхъ». При этомъ Тихоновичъ просилъ возвратить къ сотнѣ козаковъ сс. Понорницы, Вербы и Вишенокъ, захваченныхъ, по его словамъ, въ подданство понорницкимъ приказчикомъ барона Шафирова и вишенскимъ Саввы Рагузинскаго. Генеральная канцелярія снеслась по этому поводу съ Малороссійской Коллегіей и та распорядилась допросить понорницкаго приказчика Брынцова. Послѣдній объяснилъ, что понорницкіе и вербинскіе козаки приняты имъ отъ имѣвшаго ихъ въ своемъ вѣдѣ-

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазарескаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та).

ніи прежняго приказчика, Данила Стеславскаго, и что они платятъ владѣльцу въ годъ 50 р. оброка. Допрошенный же въ свою очередь Стеславскій показалъ, что онъ бралъ съ нихъ такой оброкъ «по отдачѣ оныхъ козаковъ отъ гетмана г. Скоропадского ему, барону Шафирову, до двора его баронского ко услугѣ за то, чтобъ ихъ изъ тѣхъ селъ вонъ не высылалъ, и по присланному письму въ Глуховъ отъ него, барона Шафирова, къ стольнику г. Протасьеву, по которому письму оной стольникъ его, Стеславского, и попурницкихъ атамана Данилу Петрушенка да козака Костентина Мехеденка отъ всѣхъ понурницкихъ и вербинскихъ козаковъ призвалъ къ себѣ и въ то число онымъ козакамъ объявилъ словесно, чтобъ они ему, Стеславскому, въ годъ платили на домъ баронской по 50 рублевъ». Какъ видно изъ этого разсказа, Шафировъ, получивъ отъ Скоропадскаго имѣнія, попытался было выселить проживавшихъ въ нихъ козаковъ, а Скоропадскій съ своей стороны не нашелъ иного средства предотвратить такое выселеніе, какъ отдать и этихъ козаковъ въ «подданство» Шафирову, обложившему ихъ денежнымъ оброкомъ. Нѣчто подобное, повидимому, произошло и въ отданномъ Рагузинскому селѣ Вишенкахъ. Когда въ 1726 г., благодаря заявленію понорницкаго сотника, вся эта исторія выяснилась въ Малороссійской Коллегіи, послѣдняя, основываясь на данной Петромъ ея предсѣдателю инструкціи, позволявшей ему защищать козаковъ отъ насилій старшины даже при отсутствіи жалобъ со стороны пострадавшихъ отъ этихъ насилій, распорядилась возвратить козаковъ названныхъ селъ подъ сотню. При этомъ въ сс. Понорницѣ и Вербѣ такихъ захваченныхъ въ «подданство» козаковъ было болѣе 70 человѣкъ, въ Вишенкахъ — 6 человѣкъ [1]).

Но эти захваты Шафирова и Рагузинскаго были совершенно ничтожны передъ захватами другого сподвижника Петра — кн. Меншикова. Получивъ въ 1709 г. отъ Скоропадскаго богатыя имѣнія — Ямпольскую волость въ Нѣжинскомъ полку и Почепскую въ Стародубовскомъ, Меншиковъ немедленно сталъ добиваться обращенія въ свое «подданство» и всѣхъ козаковъ ямпольской и почепской сотенъ. Слабый и дорожившій протекціей могущественнаго временщика гетманъ съ своей стороны не долго сопротивлялся его желанію. «Всему старшого и меншого войскового чину въ сотнѣ почепской жителствующему товариству ознай-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 1, № 51.

муемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, — писалъ онъ 20 іюня 1710 г. — ижъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ перво чрезъ свой листъ, а теперъ повторне чрезъ генералъ-маіора Ѳедора Шидловского, нарочно для устроенія потребнихъ порядковъ до Почепа одъ его свѣтлости ординованного, прислалъ до мене свое желаніе въ томъ, дабысмо позволили вамъ, козакамъ почепскимъ и всей сотнѣ тамошней, неотлучно зъ посполитими людми, подъ однимъ его княжой свѣтлости владѣтелствомъ и послушаніемъ зоставать. Мы же, знаючи, что между вами, козаками зъ подданными его свѣтлѣйшества мѣста Почепа и околичнихъ тамошнего уезду селъ обивателми, для самой налоги, которую безпрестанно отбыванемъ почты, даючи на всякихъ посилщиковъ уставичне (постоянно) подводи, а надто доволствуючи онихъ кормами и напитками, зъ немалимъ убиткомъ и отягощенемъ сами вы двигаете безъ посполитихъ людей помощи, одъ чого у васъ всегдашняя дѣется незгода здавна, о чомъ до насъ многократне и отъ самихъ васъ доношеніе и прошеніе было, не безъ прикрости и докуки нашой. Того ради порозумѣвшися мы, что и впредъ вамъ въ таковомъ раздвоеніи, не подъ однимъ его свѣтлости владѣніемъ зостаючи, безъ тяжести и озлобленія обийтися трудно, яко поважаемъ у себе велце волю и желаніе его княжой свѣтлости, такъ, оной не отрекаючи, уволняемъ васъ отъ всякой войсковой службы и отъ належитихъ до полку повинностей и услуги, а опредѣляемъ васъ, всю сотню зъ товариствомъ, для вашой же пользи и полегкости, зъ иншими почепскими посполитими жителми, въ единостайную его княжой свѣтлости державу и владѣніе» [1]). Такимъ образомъ козаки всей почепской сотни, якобы въ видахъ ихъ собственнаго облегченія и пользы, были формально отданы гетманомъ въ «подданство» Меншикову. Въ дѣйствительности соображенія о пользѣ козаковъ, конечно, не играли при этой отдачѣ никакой роли, а все дѣло сводилось лишь къ стремленію Скоропадскаго избавиться отъ той «прикрости и докуки», какую доставляли ему настоянія Меншикова. Но послѣдній не удовлетворился привлеченіемъ подъ свою власть почепскихъ козаковъ. Подъ видомъ обмежеванія почепской сотни онъ прихватилъ къ ней сотни бакланскую и мглинскую и значительную часть стародубовской и сталъ добиваться отъ посполитыхъ и козаковъ этихъ сотенъ «кабалы», путемъ которой они отдались

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I. сс, 275—6.

бы навѣки въ его «подданство». Нѣсколько лѣтъ приказчики Меншикова, «поработивши козаковъ аки въ роботу египетскую, всякими налогами и окладными несносными поборами утѣсняли». И лишь послѣ ряда жалобъ самому царю со стороны какъ гетмана, такъ и обиженнаго населенія, Петръ, наконецъ, приказалъ отобрать отъ Меншикова неправильно захваченныя имъ земли и возвратить въ прежнее состояніе обращенныхъ въ посполитыхъ козаковъ. Однако это возвращеніе затянулось надолго и даже послѣ паденія Меншикова и отбора всѣхъ его имѣній въ казну часть порабощенныхъ имъ козаковъ такъ и осталась въ рядахъ посполитыхъ [1]).

Щедро, хотя и не вполнѣ добровольно, надѣляя козаками великорусскихъ сановниковъ, устроившихъ себѣ владѣнія въ Малороссіи, Скоропадскій, случалось, отдавалъ козаковъ въ «послушенство» и своимъ, малорусскимъ державцамъ. Въ 1713 г. генеральный асаулъ Бутовичъ жаловался Скоропадскому на то, что, хотя послѣдній «зъ особливого респекту» и далъ ему «универсалъ на хотивлянскихъ козаковъ и людей чтирохъ посполитыхъ», но черниговскій полковникъ Полуботокъ не допускаетъ ихъ къ послушенству, такъ какъ гетманскій универсалъ выданъ безъ его воли [2]). Гетманъ, такимъ образомъ, отдалъ въ послушенство Бутовичу наряду съ посполитыми и козаковъ сельца Хотивли и только противодѣйствіе мѣстнаго полковника воспрепятствовало осуществленію этого распоряженія [3]). Въ другомъ случаѣ аналогичное распоряженіе было сдѣлано Скоропадскимъ въ еще болѣе широкомъ масштабѣ, — правда, подъ извѣстнымъ воздѣйствіемъ со стороны центральной власти. Такъ какъ — писалъ Скоропадскій 22 іюля 1714 г., обращаясь къ козакамъ, жившимъ

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. мои «Очерки», вып. II, сс. 175-8.

[2]) Полуботокъ — жаловался Бутовичъ — «публѣчне при полчанахъ своихъ, якъ хотя мене укоривши, отказалъ: хоть бы и десять гетманскихъ унѣверсаловъ, не послухаю, виговорuючи надто, будто я нѣякимъсь неправеднимъ образомъ тотъ у вашой велможности на виданіе унѣверсалу упросилемъ респектъ, и, же (такъ какъ) безъ его волѣ тоей панской добивалемъся ласки, за нѣзащо унѣверсалъ почитаетъ быти; и тоей на доводъ завзятости, пославъ старосту своего седневского, въ тридцяти коней, до опредѣленного мнѣ вашимъ рейментарскимъ унѣверсаломъ вышъ мененного селця, даби тамошнихъ козаковъ въ случаючихся мнѣ потребахъ до послуги боронилъ, и хто отъ мене приедетъ, позволивъ кіями бити». А. М. Лазаревскій. Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи. Записки Черниг. Губ. Статист. Комитета, кн. II, сс. 107—8.

[3]) А. М. Лазаревскій считаетъ, что жалоба Бутовича на Полуботка «результатовъ не имѣла» (тамъ же, с. 108). Однако Хотивля осталась во владѣніи Бутовича — см. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 84, 85, 94, 177.

въ монастырскихъ имѣніяхъ на правомъ берегу Днѣпра, — «царскаго величества на томъ состоялася воля, жебы козаки в маетностяхъ монастирскихъ тогобочнихъ не имѣли своего селенія, теди ми, тое монаршое исполняючи повеленіе, нарочно посилаемъ пана Павла Циганчука, знатного товариша войскового, туда въ помененніе маетности тотъ премощнѣйшій его царскаго величества объявити вамъ указъ, по которому абысте всякъ з васъ в сегобочніе рейменту нашего городы, где кому угодно будеть, не ухиляючися за границу, перебиралися на мешкане (жительство), а если и тамъ хто похочетъ мешкати и имѣть свою осѣдлость, то повиненъ будетъ такое, якъ и посполитіе люде, до святихъ обителей отдавати послушенство, приказуемъ» [1]). Такимъ образомъ всѣ козаки, которые не пожелали бы, согласно царскому приказу, переселиться изъ правобережныхъ монастырскихъ имѣній на лѣвый берегъ Днѣпра, обращались распоряженіемъ гетмана въ монастырскихъ посполитыхъ, обязанныхъ отбывать «подданническое послушенство» въ пользу монаховъ.

Въ общемъ однако такіе случаи прямой отдачи козаковъ цѣлыми селеніями во власть державцевъ были все же исключеніемъ. По общему правилу козаки считались свободными людьми, не подлежащими частной зависимости, и сообразно этому гетманскіе и полковничьи универсалы, отдававшіе подъ власть державцевъ то или иное село, обычно содержали въ себѣ оговорку, что это село отдается «кромѣ козаковъ», которые должны оставаться «при своихъ вольностяхъ». Но этой оговоркой, этимъ напоминаніемъ общаго принципа «вольности» козаковъ въ сущности и ограничивалась вся охрана, какую получали козаки со стороны войсковыхъ властей и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія сами не нарушали такой вольности. Державца, во владѣніе котораго поступало то или иное поселеніе, обычно пріобрѣталъ въ немъ, правда, власть лишь надъ посполитыми, а на козаковъ, жившихъ въ томъ же поселеніи, эта власть не распространялась. Однако отдѣльные козаки могли по собственной волѣ покинуть свою группу и перейти подъ власть державцы, въ ряды послушныхъ ему посполитыхъ. И такіе переходы совершались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка такъ же безпрепятственно, какъ безпрепятственно совершались они и въ болѣе раннее время, въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за возстаніемъ Богдана

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), Документы, л. 24 об.

Хмельницкаго. При этомъ мотивы, которыми вызывались подобные переходы, бывали очень разнообразны.

Въ 1695 г. передъ полтавскій полковой и городской урядъ явился игуменъ полтавскаго Воздвиженскаго монастыря. Придя «на судовое мѣсто въ ратушъ», игуменъ «чинилъ оповедь, же (что) Грицко Дзикгармистръ певную (нѣкоторую) сумму грошевую долгу зостаетъ виненъ, где стоячи и Грицко Дзикгармистръ, а сознаючи себе того долгу виннимъ, описовался тими слови: панове, от сего настоящого року (года) вижей положеного януарія 1 дня, поколь живъ буду, повиненемъ (долженъ я) на кождий рокъ отцу игуменови давать по десять таляровъ, а по отцу игумену обители тутейшой же выполняти по обовязку (обязательству), а для певности (вѣрности) прошу васъ, панове, абы тотъ мой описъ принятъ былъ и до книгъ мѣскихъ». И урядъ, «такую оповедь отца игуменову и явное сознане и описъ Грицка Дзикгармистра слишачи», приказалъ записать ихъ въ книги [1]). Такимъ образомъ должникъ монастыря, не найдя возможности уплатить послѣднему свой долгъ, добровольно перешелъ въ положеніе монастырскаго чиншевика. Въ данномъ случаѣ этотъ должникъ былъ, повидимому, свободнымъ посполитымъ — по крайней мѣрѣ, въ его показаніи не упоминается объ его козачествѣ, — но тѣмъ же путемъ переходили въ число владѣльческихъ чиншевиковъ и посполитыхъ и козаки.

Иногда же подобные переходы происходили и на иной почвѣ. «Я, Максимъ Сердюкъ, прозвищемъ Морозенко, — говорится въ одномъ документѣ 1705 г. — чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ, ижъ (что) пристаю в дворъ Ивана мелника карасювского, прозиваемого Гривка, до его дочки бити ему зятемъ, з якимъ моимъ тестемъ таковое, пристаючи, чиню постановленя: лѣтъ цѣлкомъ десять, мешкаючи (живя) в его дворѣ, повиненъ я его мѣти в пошанованю (уваженіи), якъ отца своего, в дѣлехъ всякихъ господарскихъ неоспалимъ быти и во всемъ, яко отцу, быти поволнимъ. Тутъ же потвержаю, же (что) козаковати не мишлю и не буду, самъ себѣ въ томъ запрещаю, же еслибымъ (что если бы я) восхотѣлъ козаковати прежде десяти лѣтъ ведлугъ (согласно) постановленя, мѣетъ власть Иванъ мелникъ, тесть мой, отдаливши отъ всего, якъ гултая, а двора вигнати, а хочъ бимъ (хотя бы я) и по десяти лѣтехъ восхотѣлъ козаковати, заслуживши во всемъ

---

[1]) Протоколы полтавскаго полкового суда, кн. I, л. 261, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та).

ведлугъ постановленя, якъ у дворѣ, такъ и в кгрунтахъ и во всѣхъ господарскихъ речахъ (хозяйственныхъ принадлежностяхъ) третую часть [опрочъ млина, у млинѣ части нѣтъ], и того да буду чуждъ, яко странний пришелецъ, от всего того повиненъ буду удалитися»[1]). Женитьба козака на дочери владѣльческаго посполитаго, если такая женитьба сопровождалась принятiемъ зятя во дворъ и на хозяйство тестя, обычно влекла за собою переходъ этого козака въ посполитые. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Но карасевскiй мельникъ, какъ видно изъ приведеннаго документа, не удовлетворился этимъ: выдавъ свою дочь за козака и принимая послѣдняго въ свой дворъ, онъ потребовалъ отъ зятя рѣшительнаго отказа на будущее время отъ «козакованья», а на случай, еслибы онъ не устоялъ на такомъ отказѣ, выговорилъ себѣ право лишить его и той третьей части хозяйства, которую онъ по уговору долженъ былъ получить отъ тестя по истеченiи десяти лѣтъ совмѣстной жизни. Весьма возможно, что такой договоръ былъ заключенъ не безъ влiянiя со стороны монастыря, подъ властью котораго находился карасевскiй мельникъ. И характерно, что составители этого договора, закрѣплявшаго переходъ козака во владѣльческiе посполитые, очевидно, не усматривали въ своемъ соглашенiи ничего ненормальнаго, ничего такого, что не могло бы быть занесено на бумагу.

Аналогичные договоры заключались между владѣльцами имѣнiй и единичными козаками и при другихъ обстоятельствахъ. Случалось, въ самомъ дѣлѣ, что тотъ или иной козакъ и безъ всякихъ родственныхъ отношенiй съ посполитыми, просто въ силу своихъ хозяйственныхъ соображенiй, садился на «мужицкiй» грунтъ во владѣльческомъ имѣнiи и, отказываясь отъ козачества, принималъ на себя обязательство нести повинности въ пользу державцы. «Не з якого примусу (принужденiя), але своей доброй воли — писалъ въ 1714 г. въ подобномъ обязательствѣ нѣкiй Леско Янченко, житель с. Слободки, — подаю честной госпожи игумении сей мой листъ и при людехъ зацныхъ (честныхъ) самъ на себе, ижъ (что) я на панскомъ власномъ грунти, а не на козацкомъ, живу и повиненъ буду давати повинность панскую, а не козацкую, що то я покладаю самъ на себе вину на госпожу игумению тарелей десять и на пана полковника тарелей десять, ежелибъ не

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кiевск. Центр. Архивъ, № 1616/2532. Документъ этотъ закрѣпленъ двумя свидѣтелями, а на оборотѣ его такая надпись: «Никонъ архимандрита рукою».

моглъ быти монастирскимъ»[1]). Иногда вступавшіе такимъ образомъ въ число владѣльческихъ посполитыхъ козаки выговаривали себѣ при этомъ сидѣніе на чиншѣ и свободу отъ всѣхъ остальныхъ повинностей въ пользу владѣльца. «Я, Демко Кloченко, житель бурумскій, — писалъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ козаковъ кіево-печерскому архимандриту — покорне впадая до стопъ преподобія вашего, жебручи (прося) милостиваго на мя респекту въ той способъ: понеже, не имѣючи жадного кгрунту ку вспартю (никакой земли для поддержанія) прожитія своего, теды нынѣшнего времене в великомъ утеменженю (утѣсненіи) и в неудоволствѣ фортуны убожеской зостаючи под артикуломъ войсковымъ, отнюдь жадной повинности в службѣ своей не могу удовлетворити; подаю мя безъ примушенія доброволне в протекцию обители святой Киевопечерской в вѣчность и прошу преподобія вашего позволити ми купить кгрунту у подданого, тамошнего жителя, по своей силѣ, на которомъ мешкаючи (живя) дабы я по милости ващей на чиншовомъ датку былъ постановленъ и от всякихъ посполитыхъ тяглостей писаніемъ утвердительнымъ преподобия вашего моглъ волнымъ зоставати»[2]). Подобнымъ же образомъ три брата Прочаенка въ с. Калюжинцахъ Полтавскаго полка въ 1716 г. «пришли и поклонилися» владѣльцу этого села, Гаврилу Милорадовичу. «Быти ему, господину Милорадовичу, — писали Прочаенки въ своемъ обязательствѣ — подписуемся в подданство зо всѣмъ домомъ своимъ, якъ и в прежніе часи былъ отецъ нашъ въ подданство паномъ, владѣющимъ Калюжинцами, а уже рокъ тому есть, што мы уписалися на Полтавѣ у шведскую руину козаковати з отцемъ нашимъ, а нынѣ од своей охотности упросили пана своего державцу, штобысмо (чтобы мы) были подданими, якъ и отецъ нашъ былъ подданимъ в Калюжинцахъ, и обѣщалисмося мы, вижей именованніе подданіи, давати на годъ талярей десять и двохъ»[3]).

Случалось и такъ, что козаки переходили въ «подданство», не переселяясь на жительство въ посполитскіе дворы и не садясь на «мужицкой» землѣ, а, наоборотъ, продавая свою землю и свои дворы державцѣ. «Хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, — писали въ 1723 г. два козака с. Дегтярей въ подпискѣ, данной ими

---

[1]) Документы монастырей, арх. Черн. Каз. Палаты, № 1616/1725.
[2]) Тамъ же, № 1616/1808.
[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 877.

прилуцкому полковнику Галагану, — козацко, а не посполито служачи, до сихъ временъ воинскую повинность отбували, однако теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не могучи впредь козацкой службы отбывать, продали мы его милости пану Игнату Ивановичу Галагану дворовое мѣсто, на которомъ хаты наши построены, гдѣ мы оставаясь жить, обязываемся полковнику посполито, а не козацко, служить и всякія повинности отбывать и не повинны уже будемъ въ будущія времена до козацкого чину отзываться» [1]). Подобныя покупки практиковались не однимъ Галаганомъ и продажа козаками своихъ дворовъ, сопровождавшаяся переходомъ продавцовъ изъ козачества въ посспольство, была въ началѣ XVIII вѣка далеко не рѣдкимъ явленіемъ.

Такимъ образомъ въ то время, какъ переходъ посполитыхъ въ козачество съ конца XVII вѣка сталъ встрѣчать для себя все болѣе серьезныя препятствія въ распоряженіяхъ властей, козаки и въ началѣ XVIII столѣтія продолжали свободно переходить въ посспольство. Запутывался-ли козакъ въ долгахъ, становилась ли для него чрезмѣрно тяжелой и несоотвѣтствующей его средствамъ «войсковая служба», оставался ли онъ почему-либо безъ земли и своего хозяйства и искалъ возможности устроиться въ новомъ мѣстѣ, — онъ всегда находилъ по сосѣдству того или иного державцу, готоваго принять его въ число своихъ посполитыхъ, и это обращеніе «войскового товарища» во владѣльческаго «подданнаго» обычно совершалось вполнѣ безпрепятственно, не смотря на повторявшіяся время отъ времени заявленія властей, что «изъ войсковыхъ людей въ посполитую тяглость» никто не долженъ быть принимаемъ. Должностныя лица «Войска», которыя обязаны были слѣдить за осуществленіемъ этихъ заявленій на дѣлѣ, сами принадлежали къ державцамъ и, въ большинствѣ случаевъ, были совершенно незаинтересованы въ такомъ осуществленіи, скорѣе даже были заинтересованы въ обратномъ. Благодаря этому они, въ сущности, почти и не заботились о принятіи сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ къ прекращенію возникавшихъ на почвѣ экономическихъ отношеній добровольныхъ и полудобровольныхъ переходовъ козаковъ въ посполитые. Мало того, — эти должностныя лица уже очень рано стали пользоваться своею властью для перевода козаковъ въ свои посполитые и случаи подобнаго перевода становились тѣмъ чаще, чѣмъ дальше шло время и чѣмъ боль-

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 45.

ше ослаблялась первоначальная зависимость должностныхъ лицъ отъ избиравшаго ихъ населенія.

Такой переводъ производился отдѣльными войсковыми «урядниками» уже въ XVII вѣкѣ и уже тогда въ результатѣ этого перевода порой появлялись посполитые въ такихъ мѣстностяхъ, первоначальное населеніе которыхъ составляли исключительно козаки. «За гетмана Самойловича — разсказывали въ 1730 г. старожилы объ одномъ изъ селъ Нѣжинскаго полка — въ селѣ Будахъ посполитыхъ людей не було; а за того гетмана, якъ ставъ сотникомъ Матвѣй Шендюхъ и прошеніемъ своимъ козаковъ употреблялъ до работизнъ своихъ дворовыхъ, а послѣ, ставши обознымъ полковымъ за гетмана Мазепы и сына своего устроивши сотникомъ дѣвицкимъ, то и въ подданство тихъ собѣ козаковъ привлащалъ; по смерти Шендюха обозного полковникъ нѣжинскій Обидовскій привернулъ себѣ въ подданство оныхъ буднянъ; а по измѣнѣ Мазепиной надано оное село гетманомъ Скоропадскимъ Петру Булавцѣ, писареви судовому енералному»[1]). Какъ видно изъ этого разсказа, населеніе с. Будъ первоначально состояло сплошь изъ козаковъ и было свободно отъ всякой частной зависимости. Затѣмъ однако мѣстный сотникъ захватилъ это козацкое населеніе подъ свою власть, обязавъ его сперва временной, а потомъ и постоянной, работой въ свою пользу, и послѣ того оно перешло на положеніе посполитыхъ, отдаваемыхъ властями въ «послушенство» державцамъ. Подобные захваты происходили и въ другихъ мѣстностяхъ. Только чаще они происходили въ нѣсколько иной формѣ — захватывались въ «подданство» не цѣлыя села сразу, а отдѣльные козацкіе дворы. Въ большинствѣ мѣстечекъ, селъ и деревень лѣвобережной Малороссіи послѣ отдѣленія ея отъ Польши козацкое и посполитское населеніе, какъ мы знаемъ, жили рядомъ, въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. При начавшейся затѣмъ раздачѣ имѣній «державцамъ» это обстоятельство создавало для нихъ нѣкоторыя неудобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же до извѣстной степени облегчило въ дальнѣйшемъ захватъ козаковъ въ «подданство». Получивъ въ свое владѣніе ту или иную маетность, т. е. посполитыхъ того или иного поселенія, державца, особенно, если онъ былъ сколько-нибудь виднымъ «урядникомъ» или вообще вліятельнымъ въ «войскѣ» лицомъ, нерѣдко начиналъ, пользуясь

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 8.

своею властью и вліяніемъ, захватывать въ свое владѣніе и жившихъ въ данномъ поселеніи бокъ-о-бокъ съ посполитыми козаковъ. Иногда такой захватъ, какъ мы видѣли, совершался мирнымъ путемъ — тяготившіеся своей службой или запутавшіеся въ хозяйствѣ козаки добровольно переходили въ число владѣльческихъ посполитыхъ. Иногда же державца, стремясь захватить въ свою власть возможно большее количество сосѣднихъ козаковъ, не останавливался и передъ прямымъ насиліемъ. Въ 1722 г. семь посполитыхъ лежавшаго въ Нѣжинскомъ полку села Локни жаловались, что они стали посполитыми только благодаря насиліямъ, практиковавшимся владѣльцами этого села, кн. Четвертинскими, въ концѣ XVII вѣка. «Ихъ милости князи — писали жалобщики — попривертали отцовъ нашихъ насилно въ мужицство, чинячи немаліи утиски и кіевымъ боемъ принуждаючи, а наши отцы звѣку были козаками». Такое «принужденіе» практиковалось Четвертинскими не только въ Локнѣ. «Уже тому назадъ лѣтъ двадцать, — заявляли въ началѣ 20-хъ годовъ XVIII вѣка нѣсколько жителей с. Дунайца — когда его милость князь Четвертинскій зъ козацтва насъ въ мужики до себе въ подданство привернулъ насилно; а мы зъ дѣдовъ и зъ отцовъ своихъ були козаки и до войска ходили и всякую службу отбували»[1]. Но кн. Четвертинскіе въ данномъ случаѣ вовсе не представляли собою какого-либо рѣзкаго исключенія и такъ же, какъ они, подъ конецъ XVII вѣка дѣйствовали весьма многіе державцы.

Чѣмъ больше имѣній скоплялось въ рукахъ старшины и чѣмъ бо̀льшую силу пріобрѣтала послѣдняя въ жизни страны, тѣмъ болѣе широкій размахъ получали подобныя дѣйствія и тѣмъ меньше препятствій встрѣчали они для себя. Уже Мазепа часто бывалъ безсиленъ остановить произвольныя дѣйствія отдѣльныхъ членовъ старшины. Еще меньше силы для этого имѣлъ его слабый преемникъ, а между тѣмъ къ нему то и дѣло поступали жалобы на насильственный переводъ старшиною козаковъ въ посполитые. Случалось, что на насильственный переводъ во владѣльческіе посполитые жаловались даже видные мѣщане, занимавшіе выборныя должности по городскому самоуправленію. Такъ, «райца» (совѣтникъ) стародубовскаго магистрата Сила Кункевичъ, владѣвшій хуторомъ въ с. Дѣдовѣ, жаловался въ 1710 г. Скоропадскому, что стародубовскій полковой писарь Дублянскій,

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 451, 442.

получивъ отъ гетмана это село, сталъ требовать, чтобы Кункевичъ ему «зъ хутора своего тяглую отдавалъ повинность». Гетману пришлось защитить Кункевича отъ такихъ требованій особымъ универсаломъ [1]). Съ рядовыми козаками старшина при случаѣ поступала еще болѣе рѣшительно. Въ Прилуцкомъ полку, напримѣръ, журавскій сотникъ Якубовичъ захватилъ въ свое подданство всѣхъ козаковъ с. Антоновки и въ ревизіи 1713 г. 63 двора этихъ козаковъ такъ и были отмѣчены словами: «козаки, которіи нѣгди (никогда) не бували у войску и не буваютъ, толко робятъ панщину сотникови своему» [2]). Въ Полтавскомъ полку вдова полковника Искры, получивъ отъ гетмана Скоропадскаго с. Грабиновку, немедленно попыталась захватить въ свое владѣніе и мѣстныхъ козаковъ. «Когда село наше Грабиновка — писали они полтавскому полковнику — приналежна была до ратуша мѣского (городского) полтавского, тогда отбували посполитие люди повинности мѣские, такъ и ми, войсковое товариство, свою повинность войсковую отбували, а теперешнего часу, село наше принявши в подданство посполитихъ людей ея милость панѣ Искриная, и насъ хощетъ под свою область привернути, жебысмо (чтобы мы) куда в посылкахъ от ея милости повинности отбувати повсегда готовими были, до чого ми всѣ сполна не соизволяемъ до ея услуги, толко и повторе вашмости милостивого добродѣя упрошаемъ о ласку и милосердие: рачъ (соизволь), вашмость, милостивый пане, свое панское призрѣние на насъ, убогихъ, показати, а за нами, бѣдними, уложитися до ясне велможного добродѣя его милости пана гетмана, дабы ми при боку вашомъ панскомъ якъ и прежде услуги войсковие отправовали, такъ и теперь могли бы отбувати» [3]). Изъ архивныхъ бумагъ не видно, вызвала ли эта жалоба какія-либо распоряженія со стороны гетмана, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда такія распоряженія имѣли мѣсто, они далеко не всегда приводили къ серьезнымъ результатамъ. «Когда я прежде былъ сотникомъ, — разсказывалъ въ 1724 г. въ своемъ доношеніи въ генеральную канцелярію кролевецкій сотникъ Константинъ Генваровскій — многокротне писалемъ доношеніемъ до покойного ясневелможного пана гетмана, Ивана Иллѣча Скоропадского, что многихъ козаковъ и посполитихъ людей самихъ можнѣйшихъ, болше, нежели

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи, вып. III, с. 548.
[2]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 386.
[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Полт. отд., св. 1, № 3.

полтора ста, енералная старшина и его милость панъ полковникъ лубенскій себѣ в подданство попріймали били, о чомъ и розискувалъ полку господина полковника Скорнякова-Писарева капитанъ Иванъ Аѳанасьевичъ Волжинъ, и за тое я от нихъ немалую понеслъ себѣ конфузію, да и от сотництва одставленъ, где и о пану Ѳеодору Кочубею также доносилемъ, что в селѣ Дубовичахъ болше тридцяти реестровнихъ сотеннихъ козаковъ принялъ себѣ в подданство, и покойній ясневелможній добродѣй панъ гетманъ вислалъ билъ до мене указъ, даби тихъ дубовицкихъ козаковъ под сотню привернулъ, якожъ и привернулъ былъ, повелѣвши монаршую отбувати службу... А когда мене од сотничества одставлено, в тотъ часъ будучи учрежденній сотникомъ Павелъ Огѣенко невѣдомо яковимъ способомъ знову тихъ козаковъ ему, пану Кочубею, в подданство оддалъ, которіе и донынѣ въ него, пана Кочубея, в подданствѣ живутъ» [1]).

Такой же переводъ козаковъ въ посполитые практиковался при Мазепѣ и Скоропадскомъ и въ другихъ мѣстахъ. «Несли — жаловались въ 1722 г. козаки, жившіе въ с. Хижкахъ Нѣжинскаго полка — отцы наши прежде Чигиринщины, и въ самую Чигиринщину (1677 г.), и по Чигиринщинѣ войсковую службу подъ свѣдомомъ всей сотнѣ глуховской... и многихъ дорогъ не минули... И вже Таванской дороги (1695 г.) якъ не пойшли, въ той часъ поверставъ насъ панъ Андрей Лизогубъ въ подданство, хочъ и не хотѣли. А хто оказовался пречнимъ, то въ погребъ укинетъ, а що маемъ худобы, — все пограбитъ; и такъ много лѣтъ терпѣли, и не до кого было жаловатись, все его родичи урядниками были» [2]). Аналогичную жалобу заявили въ 1723 г. нѣкоторые жители лежавшаго въ Черниговскомъ полку села Семаковъ. «Еще за польскаго короля Жигимонта — писали они — село, прозываемое Семаки, обще всѣ шляхта суща служили войску. А потомъ, по испраздненіи пановъ польскихъ, подбившися под державу его царскаго всепресвѣтлѣйшаго величества, были з самимъ монархомъ на потребѣ под Вилнею и по вѣрной своей заслузѣ брали жалование государево. А служили в сотнѣ любецкой, в куренѣ, прозываемомъ Зубашиномъ, за атамана курѣнного Пархома Зубахи по войну Чигиринскую, на что всѣ сознаютъ тоей сотнѣ любецкой старинные обыватели, ижъ (что) слу-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд. № 8394.
[2]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 453.

жили тридцять лѣтъ в едномъ куренѣ Зубашиномъ. Приспѣвшой же войнѣ Чигиринской, по обыклому званію своему козацкому были з Борковскимъ, полковникомъ черниговскимъ, на той баталіи... отбували войсковую козацкую службу, сидячи на отчизныхъ грунтахъ своихъ, жадному (ни одному) чужосторонному парти (части) тамъ не мѣвшу. А потомъ первѣйшимъ початкомъ покойный Леонтій Полуботокъ любо (хотя) былъ и укупился у грунта ихъ, семаковцовъ, однакъ имъ жадныхъ обидъ не чинилъ и в подданство ихъ не приворочалъ, поневажъ (такъ какъ) вѣдалъ совершенно, что семакувцы на своихъ вѣкуистыхъ дѣдизныхъ добрахъ сидѣли и из тыхъ добръ войсковую службу отбували. Потомъ, когда по милости монаршой осилнѣлъ Іяковъ Лизогубъ, будучи полковникомъ черниговскимъ, послалъ до Любеча на староство слугу своего, имянно Илію, который слуга у семакувскаго козака, прозываемого Данича, купилъ частку грунта на свою потребу, а помянутый панъ его Іяковъ Лизогубъ, дочувшися (услышавъ) о той куплѣ, тую частку у слуги своего одойметъ (отнялъ) и не имѣлъ в семакувскіе грунта жадного (никакого) уступу, кромѣ той помянутой у слуги отнятой частки. Едного же времени, призвавши до себе всѣхъ семакувцовъ, заказалъ онымъ, абы его тилко двора смотрѣли, а под сотнею не служили, и оттолѣ, по малу малу подбивши под власть свою, якъ хотѣлъ, уже з ними и поступовалъ, семакувцами. Первѣе поборы бралъ по шостаку з нихъ, а потомъ и по другому, а далѣй рокъ отъ року (годъ отъ году) и по гривнѣ. Змершу же Іякову Лизогубу, насталъ сынъ его Евфимъ Лизогубъ полковникомъ черниговскимъ и сталъ такъ драти семаковцовъ, же (что) першо бралъ по золотому, далѣй по другому, а на остатокъ по полтинѣ, кромѣ панщиною немѣрной тяготы бѣду отъ него терпѣли, а когда и Евфимъ померъ Лизогубъ, насталъ сынъ его Семенъ Лизогубъ над семаковцами паномъ. З под которого подданства, не стерпѣвши толикой бѣды, любо хотѣли они, семаковцы, и вызволитися и знову по старинному, якъ дѣды ихъ и отцы, в сотню любецкую вписатися и войсковую належитость отбувати, но онъ, Семенъ Лизогубъ, довѣдавшися, хотѣлъ до смерти поприбивати, когда бъ по пустыняхъ отъ толикаго его гнѣву не скрылися» [1]).

Эти разсказы, въ параллель къ которымъ легко было бы

[1]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 866; ср. одновременную жалобу другого жителя с. Семаковъ — тамъ же, № 965. «Шостакъ» равнялся 4 копейкамъ, «золотой» — 20 копейкамъ.

привести длинный рядъ другихъ, не уступающихъ имъ въ яркости [1]), могутъ показать, какого рода послѣдствія влекло за собою для казаковъ близкое сосѣдство «осильнѣвшаго» члена старшины или вообще сильнаго державцы. Якубовичъ и Искра, Лизогубы и Кочубеи не составляли рѣзкаго исключенія въ массѣ другихъ малорусскихъ державцевъ конца XVII и начала XVIII вѣковъ и большинство этихъ державцевъ при случаѣ готово было дѣйствовать и на самомъ дѣлѣ дѣйствовало такъ же, какъ только что названныя лица. Стоило болѣе или менѣе сильному державцѣ получить «маетность» въ селѣ, въ числѣ жителей котораго были козаки, или даже просто купить кусокъ земли около такого села, — и онъ немедленно начиналъ захватывать сосѣдей-козаковъ въ свое «подданство», не останавливаясь въ этомъ захватѣ и передъ прямымъ насиліемъ. Съ своей стороны подвергавшіеся такому захвату козаки на первыхъ порахъ, случалось, не особенно энергично и противились ему, такъ какъ первоначально бремя «подданства» обычно ложилось на нихъ не въ черезчуръ тяжелой формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождало ихъ отъ тягостей козацкой службы. Но проходили годы, новые «подданные» становились въ глазахъ владѣльца старыми, съ которыми незачѣмъ было болѣе стѣсняться, повинности ихъ возростали и тогда въ средѣ захваченныхъ въ подданство козаковъ съ новой силой оживало стремленіе вернуться въ козачество, стремленіе, наталкивавшееся на упорное противодѣйствіе державцевъ. Въ результатѣ складывавшихся такимъ образомъ отношеній въ началѣ XVIII вѣка въ лѣвобережной Малороссіи было очень мало такихъ мѣстностей, въ которыхъ не происходилъ бы захватъ державцами козаковъ въ подданство и откуда не раздавались бы болѣе или менѣе горькія жалобы на этотъ захватъ. Порою, когда подобный захватъ производила не сама мѣстная старшина, эти жалобы находили себѣ поддержку и съ ея стороны, такъ какъ сокращеніе числа козаковъ влекло за собою не только затрудненія въ отбываніи козачествомъ его службы, но и уменьшеніе доходовъ старшины, поскольку послѣдніе опирались на сборы съ подчиненнаго ей козачества. Въ свою очередь державцы противопоставляли этимъ жалобамъ на привлеченіе козаковъ

[1]) См. хотя бы жалобу на насилія черниговскаго полковника Вас. Борковскаго — Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 17809. См. также жалобы на насилія Миклашевскаго въ Нѣжинскомъ полку у А. М. Лазаревскаго. Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 458. Въ трехъ томахъ только что названнаго труда приведено много и другихъ такихъ же фактовъ изъ этой эпохи.

въ подданство, шедшимъ то отъ самихъ козаковъ, то отъ мѣстныхъ властей, жалобы на самовольный переходъ посполитыхъ въ козачество. И споры, возникавшіе на почвѣ этихъ встрѣчныхъ жалобъ, доходя до высшей власти края — до гетманскаго правительства, — настойчиво требовали отъ него того или иного рѣшенія.

Это рѣшеніе на протяженіи первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка не всегда было одинаковымъ. Гетманское правительство при разсмотрѣніи восходившихъ на его разбирательство споровъ о козачествѣ не держалось одной мѣрки, одного твердаго и неизмѣннаго принципа. Наоборотъ, оно проявляло въ этихъ спорахъ значительное колебаніе и по одинаковымъ въ существѣ своемъ дѣламъ постановляло подчасъ рѣзко различныя рѣшенія. Иногда оно какъ бы стремилось возстановить и закрѣпить существовавшее до момента возникновенія спора положеніе дѣла, иногда, напротивъ, вносило въ это положеніе существенныя измѣненія. Но въ этихъ колебаніяхъ былъ извѣстный предѣлъ и была вполнѣ опредѣленная тенденція. И уловить эту тенденцію не такъ трудно — стоитъ только присмотрѣться къ нѣсколькимъ конкретнымъ эпизодамъ дѣятельности гетманскаго правительства.

Въ 1714 г. въ с. Церковищахъ Кіевскаго полка возникъ споръ между нѣсколькими десятками мѣстныхъ жителей, желавшихъ быть козаками, и владѣльцемъ этого села, кіевскимъ митрополитомъ, привлекавшимъ ихъ въ ряды своихъ посполитыхъ. Для разсмотрѣнія и рѣшенія этого спора кіевскимъ полковникомъ по приказу гетмана были высланы спеціальные слѣдователи — полковой писарь, полковой хоружій и остерскій сотникъ. Прибывъ въ Церковищи въ сопровожденіи командированнаго съ своей стороны митрополитомъ софійскаго намѣстника, эти слѣдователи вызвали здѣсь къ себѣ всѣхъ претендентовъ на козачество, которыхъ митрополитъ привлекалъ въ посполитые, «вмѣняючи ихъ недостойными зоставати въ реестру козацкомъ», и предложили имъ «о себѣ отвѣтъ дати, якимъ хто именно способомъ доселѣ щитится именемъ козацкимъ, чи хто з дѣда или отца, чили самъ собою и якъ давно, не подлегаючи посполитой тяжести, в козацкомъ зостаетъ причту». Для провѣрки же даваемыхъ показаній слѣдователи пригласили «старинныхъ честныхъ мужей» какъ «отъ части козацкой», такъ и «отъ партіи посполитой». На основаніи показаній этихъ «старинцовъ» и состоялось рѣшеніе спора. Кого они «сознали неотъемлемо зоставати въ компутѣ ко-

зацкомъ», тѣхъ и слѣдователи «уважили купно зъ его милостію отцемъ намѣстникомъ святософійскимъ зъ реестру не вытирати». Наоборотъ, всѣхъ тѣхъ, которые хотя и значились въ козацкихъ реестрахъ, но на дѣлѣ только «щитились именемъ козацкимъ» и «ни посполитой не отбували повинности, анѣ тежъ въ интересахъ войсковыхъ не чинили помоществованія», слѣдователи постановили, «вытерши зъ реестру», отдать подъ власть митрополита и обязали мѣстнаго атамана впредь не имѣть къ нимъ никакого касательства «подъ зарукою талярей ста на урядъ его милости пана полковника кіевского и неотпустнымъ войсковымъ каранемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и церковищскому «городничему» было предписано, чтобъ онъ «до прочихъ товариства и до ихъ дворовъ, такъ же до ихъ подсусѣдковъ, в власныхъ (собственныхъ) ихъ дворахъ и хатахъ мешкаючихъ, жадного не мѣлъ интересу и ниякой противной имъ не чинилъ трудности» [1]).

Два года спустя, въ 1716 г., высланный отъ гетмана войсковой канцеляристъ Костенецкій разбиралъ подобный же споръ въ принадлежавшихъ Батуринскому Крупицкому монастырю селахъ Спасскомъ, Божкѣ и Заболотовѣ. Часть имѣвшихся здѣсь претендентовъ на козацкое званіе Костенецкій призналъ посполитыми, самовольно вписавшимися въ козацкій компутъ, и гетманъ, принявъ во вниманіе, что «през таковий непорядокъ стается посполитого народу уменшене и нема кому навалнихъ общенароднихъ, а барзѣй (особенно) в станцѣахъ и переиздахъ отбувать налоговъ», вернулъ всѣхъ такихъ людей «въ прежнее подданство» Крупицкому монастырю, «пилно и грозно приказуючи имъ, абы всякое з посполитими людми належитое оной же обители отдавали послушенство и повинность». Но наряду съ этимъ гетманъ, опираясь на то же разслѣдованіе Костенецкаго, предписывалъ и монахамъ Крупицкаго монастыря, чтобы они «тымъ козакамъ, якихъ собѣ неслушне (несправедливо) в подданство притягали, такъ теперъ, яко и в потомніе часы жадной не наносили трудности и до нихъ не интересовалися» [2]). Аналогичное рѣшеніе получилъ и разыгравшійся около того же времени подобный споръ между Батуринскимъ Крупицкимъ монастыремъ и жителями принадлежавшаго ему с. Хмѣлева въ Лубенскомъ полку. Отправленный по приказанію гетмана лубенскимъ полковникомъ для раз-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1917.
[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 123.

бора и рѣшенія этого спора роменскій атаманъ, «зревидовавши козацкое товариство» въ Хмѣлевѣ, нашелъ, что «едни отбуваютъ повинность козацкую и праци (работы), а иние, промежъ тими кріючися, нѣ козацкихъ, анѣ посполитихъ». «Винайшлося теди — писалъ атаманъ — на реестрѣ способнихъ и оказалыхъ товариства войскового лѣчбою (числомъ) сто и шестнадцять, а подданихъ монастирскихъ подтораста хатъ безъ чотирохъ жиючихъ, а винайшлося ухиляючихся (уклоняющихся) легкомислнихъ сѣмдесятъ и чтири». Этихъ послѣднихъ роменскій атаманъ «подалъ в державу до тяглихъ людей, яко оные и сами, не отмовляючись, склонилися». На будущее же время между мѣстной козацкой старшиной и монастыремъ заключено было роменскимъ атаманомъ такое соглашеніе: «от сего времени неповиненъ всечестній господинъ отецъ архимандритъ монастира Батуринского насъ, старшини роменской и хмеловской атаманьи з товариствомъ, нѣ в чомъ турбовати (безпокоить), такожъ и ми, старшина роменская и сѣльская хмеловская, тихъ легкомислнихъ, ухиляючихся под козацтво, именемъ врученнихъ имъ в подданство, до реестру козацкого пріймати неповинни» [1]).

Такимъ образомъ, разрѣшая споры о козачествѣ, гетманская власть и ея органы въ началѣ XVIII вѣка исходили, прежде всего, изъ установленнаго ею еще раньше положенія, что посполитые не могутъ самовольно вписываться въ «войсковое товариство». Имѣющими право находиться въ рядахъ козачества признавались, далѣе, лишь тѣ, кто не только числился въ козацкихъ «компутахъ» и «реестрахъ», но и дѣйствительно отбывалъ козацкую службу. Тѣ же претенденты на козачество, которые, будучи занесены въ козацкіе реестры, на дѣлѣ не отбывали ни козацкой службы, ни посполитскихъ повинностей, рѣшеніями гетманской власти лишались права быть козаками и отдавались въ «подданство» державцамъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали. Установленіе такого порядка, несомнѣнно, обезпечивало въ большей мѣрѣ выгоды державцевъ, чѣмъ интересы козачества. Но гетманская власть, случалось, шла въ удовлетвореніи интересовъ державцевъ и дальше.

Въ 1716 г. на разсмотрѣніе гетмана поступилъ споръ между полтавскимъ полковникомъ Иваномъ Чернякомъ, получившимъ передъ тѣмъ въ свое владѣніе м. Нехворощу, и нехворощанскимъ

---

[1]) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 123.

сотникомъ Трофимомъ Самуйловичемъ. Споръ этотъ касался различныхъ отношеній между державцей, какимъ въ данномъ случаѣ являлся полковникъ, и мѣстнымъ сотникомъ, въ томъ числѣ и вопроса о томъ, кто изъ нехворощанъ долженъ оставаться козакомъ и кто владѣльческимъ посполитымъ. Гетманъ отправилъ для разбора и рѣшенія этого дѣла на мѣстѣ генеральнаго асаула Василія Жураковскаго и послѣдній привелъ спорившія стороны къ соглашенію, выработавъ сообща съ ними «постановленіе», точно опредѣлявшее ихъ отношенія на будущее время. Въ частности, этимъ постановленіемъ опредѣлялось и число козаковъ въ Нехворощѣ, причемъ къ 130 козакамъ, имѣвшимся налицо и занесеннымъ въ прежніе реестры, было прибавлено еще 6 человѣкъ, права которыхъ на козачество были признаны генеральнымъ асауломъ. «Пану сотникови нехворощанскому — гласило принятое сторонами и закрѣпленное Жураковскимъ «постановленіе» — до посполитихъ и цеховихъ людей, подданнихъ пана полковника, жадного (никакого) дѣла не имѣть, кромѣ козаковъ», а старостѣ полковника «такожь до козаковъ отнюдь не интересоватись, но знать свое званіе». Этимъ, однако, рѣшеніе спора еще не ограничилось. «Особливе — говорилось дальше въ «постановленіи» Жураковскаго — пану сотникови прихожихъ от сего времени людей в Нехворощу жадною мѣрою в козаки не приймовать и не вписовати, лечъ (но) сто тридцять и шисть числомъ товариства, теперъ от мене по указу рейментарскомъ опредѣленнимъ, якихъ имена вновь в книзѣ компутовой выражены и рукою моею закрѣпленны, контентоваться (довольствоваться) и оними служити. Хто бы тежъ уже на житло до Нехворощи отсель моглъ прибути, тому бути под областю подданскою пана полковника» [1]). Стало быть, всякій новый переселенецъ въ Нехворощу, независимо отъ того, былъ ли онъ раньше козакомъ или посполитымъ, хотѣлъ ли онъ самъ селиться на владѣльческихъ земляхъ или нѣтъ, неизбѣжно долженъ былъ вступать въ число владѣльческихъ посполитыхъ. Такимъ образомъ для владѣльческаго имѣнія сохранялась возможность дальнѣйшаго роста путемъ включенія въ свой составъ новыхъ поселенцевъ, тогда какъ для козацкой общины, сосѣдней съ этимъ имѣніемъ, такая возможность закрывалась. Охраняя интересы сотника, которые могли бы чувствительно пострадать отъ черезчуръ рѣзкаго уменьшенія

---

1) Харьк. Истор. Архивъ, Полт. отд., I, св. 1, № 39.

числа подчиненныхъ ему козаковъ, гетманскій уполномоченный, очевидно, не находилъ нужнымъ охранять интересы вообще козачества и, тѣмъ болѣе, не считалъ возможнымъ ставить ихъ наравнѣ с интересами владѣльца имѣнія [1]).

Но то рѣшеніе, какое было постановлено Жураковскимъ въ Нехворощѣ, въ свою очередь, не представляло собою чего-либо исключительнаго въ практикѣ малорусскихъ властей начала XVIII вѣка. Гетманское правительство этой эпохи, случалось, заходило въ удовлетвореніи интересовъ и аппетитовъ владѣльцевъ и дальше тѣхъ границъ, до которыхъ дошелъ въ своемъ рѣшеніи Жураковскій.

Въ 1719 г. жена сосланнаго въ Архангельскъ войскового товарища Данила Забѣлы обратилась къ гетману Скоропадскому, жалуясь, что посполитые принадлежащаго ея мужу села Реутинецъ вписываются въ козаки и отказываютъ ей въ послушаніи. При этомъ, не ограничиваясь непосредственной жалобой гетману, жена Забѣлы сумѣла запастись покровительствомъ кн. Меншикова, который съ своей стороны просилъ Скоропадскаго обратить вниманіе на ея жалобу. Гетманъ отправилъ въ Реутинцы бунчуковаго товарища Чуйкевича и послѣдній, разслѣдовавъ дѣло на мѣстѣ, пришелъ къ такому заключенію: 13 человѣкъ изъ «нововписныхъ козаковъ», какъ происходящіе изъ поспольства или «добровольно поддавшіеся въ подданство», должны по прежнему «мужиковать», 8 же человѣкъ, какъ происходящіе изъ козаковъ и насильно обращенные въ посполитыхъ, должны остаться козаками. Это заключеніе было представлено Чуйкевичемъ на «рейментарскую цензуру». Но гетманская «цензура» оказалась еще благопріятнѣе для Забѣлы: изъ 8 человѣкъ, за которыми Чуйкевичъ призналъ право быть козаками, Скоропадскій шести предписалъ «мужиковать», для одного потребовалъ дополнительнаго слѣдствія [2]) и только одного согласился безусловно оставить ко-

---

[1]) Съ своей стороны и сотникъ Самуйловичъ въ этомъ дѣлѣ, очевидно, преслѣдовалъ не столько интересы козаковъ, сколько свои собственныя выгоды. По крайней мѣрѣ, уже въ 1719 г. надъ нимъ производился розыскъ по жалобѣ козаковъ на его поборы. Въ частности, козаки жаловались на сборъ Самуйловичемъ «ральца» и поборы за «войсковые лиманы». «Дай намъ, милостивий пане, — писали они полтавскому полковнику — якого начальника з насъ, козаковъ старинниxъ, а сей намъ панъ сотникъ насланний тяжокъ есть и толко себе хощетъ обогатити, а намъ, беднимъ козакамъ, одбуваючи повинности, приходитъ з бѣдою и нищетою, где би з лимановъ помощь повинностямъ нашимъ козацкимъ имѣли, ажъ, якъ бачимъ, панъ сотникъ нашъ под себе подгорнулъ». Полт. отд., I, св. 1, № 39.

[2]) «Михаила Ивановича — говорилось объ этомъ «новописномъ» въ слѣдствіи Чуйкевича — дѣдъ и отецъ былъ козацкой породы, когда засъ померъ отецъ его,

закомъ. «Якъ прежде сего — писалъ по этому поводу гетманъ самому Данилу Забѣлѣ, отвѣчая на его просительное письмо, — подъ вашею державою единое владѣніе ваше било, такъ и теперъ позволяемъ таковихъ карать, хто би мѣлъ противенъ бити, а хто хочетъ козакомъ называтись въ вашемъ селѣ Реутинцяхъ, то, якъ поссесоровѣ, волно вашмости таковихъ отъ своего отдалить да инихъ на то мѣсто посадить. И сей нашъ листъ мощно показать пану сотнику кролевецкому зъ урядомъ, дабы въ твоемъ селѣ отселѣ за козаки нѣкогда не мѣли наименшой претенсіи» [1]).

Родъ Забѣлъ былъ, правда, однимъ изъ видныхъ старшинскихъ родовъ гетманщины. Но что касается Данила Забѣлы, то онъ не занималъ особо замѣтнаго положенія въ рядахъ современной ему старшины и даже не сидѣлъ ни на какомъ «урядѣ», оставаясь просто «знатнымъ войсковымъ товарищемъ». Вдобавокъ въ то время, когда разыгрался только что разсказанный эпизодъ, Данило Забѣла находился въ далекой ссылкѣ. Попалъ онъ въ эту ссылку за доносы на гетмана Скоропадскаго и послѣдній, хотя и не питалъ, повидимому, вражды къ нему, не имѣлъ все же никакихъ причинъ и быть къ нему особенно расположеннымъ. И тѣмъ не менѣе просьбы жены Данила Забѣлы оказалось достаточно для того, чтобы Скоропадскій разрѣшилъ ему удержать въ рядахъ посполитыхъ не только тѣхъ козаковъ, которые раньше добровольно перешли въ его «подданство», а затѣмъ пытались выбиться изъ него, но и тѣхъ, которые были насильно привлечены въ это «подданство». Правда, просьба Забѣлихи была поддержана передъ Скоропадскимъ ходатайствомъ кн. Меншикова, съ которымъ гетману трудно было не считаться. Правда и то, что, отклонивъ эту просьбу, Скоропадскій могъ опасаться навлечь на себя новые доносы со стороны Данила Забѣлы. Эти мотивы, несомнѣнно, сыграли рѣшающую роль въ разсказанномъ эпизодѣ, но подобные же мотивы управляли дѣйствіями Скоропадскаго и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ. Не увѣренный въ прочности своего положенія, жившій подъ постояннымъ стра-

---

Михайловъ, позосталую матку его зъ нимъ взялъ за себе нѣякійсь сердюкъ и, живучи въ Ревутинцяхъ, служилъ войсково ажъ до одержаня во владѣніе села Данилу Забѣлѣ, який хочай силомуцю (насильно) его повернулъ, сердюка, въ подданство, однакъ ему, Михаилу, поневажъ есть козацкой породи, надлежитъ козаковати». «Распросити, — гласила положенная на этомъ слѣдствіи гетманская резолюція — якъ давно поверненъ въ посполство и, если болшъ пятнадцати лѣтъ, нехай мужикуетъ».

[1]) А. М. Лазаревскій. Очерки старой Малороссіи, т. II, сс. 403—5.

хомъ доносовъ, вынужденный имѣть дѣло съ большимъ количествомъ мѣстныхъ администраторовъ, назначенныхъ центральнымъ правительствомъ помимо него и почти совершенно не признававшихъ надъ собою его власти, Скоропадскій менѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ на гетманскомъ урядѣ, способенъ былъ остановить произвольныя дѣйствія старшины по отношенію къ козакамъ. Да онъ въ сущности и не стремился къ этому. Тѣсно связанный всѣми своими интересами, взглядами и симпатіями съ тѣмъ слоемъ старшины, который главную свою задачу видѣлъ въ упроченіи своего матеріальнаго благополучія, онъ самъ, случалось пользовался своею властью для захвата козаковъ въ свое «подданство» и не мѣшалъ совершать такіе же захваты подчиненной ему старшинѣ. Въ такой обстановкѣ жалобы козаковъ, обращенныя къ гетманской власти, не могли дать серьезныхъ результатовъ. Бывало, что эти жалобы вызывали со стороны гетмана распоряженія, направленныя къ охранѣ правъ козаковъ, но сколько-нибудь сильные и вліятельные члены старшины нерѣдко по-просту не считались съ подобными распоряженіями, будучи твердо увѣрены въ полной своей безнаказанности. Чаще же, если дѣло касалось такихъ сильныхъ членовъ старшины, гетманская власть прямо прикрывала ихъ дѣйствія своимъ авторитетомъ, открыто становясь на сторону державцевъ противъ козаковъ.

До поры, до времени эта политика гетманской власти не встрѣчала никакихъ ограниченій со стороны центральнаго правительства. Послѣднее, потерпѣвъ неудачу въ своихъ первоначальныхъ рѣшительныхъ попыткахъ взять разграниченіе козаковъ отъ посполитыхъ въ свои руки, надолго отказалось отъ активнаго вмѣшательства въ эту область малорусской жизни. Жалобы козаковъ на насилія старшины все-таки нерѣдко доходили до Москвы и въ виду ихъ московское правительство въ концѣ XVII и въ первые годы XVIII столѣтія не разъ и не два указывало носителямъ гетманской булавы, что имъ слѣдовало бы принять мѣры противъ такихъ насилій, но этими общими указаніями оно долгое время и довольствовалось, не считая нужнымъ идти дальше и диктовать малорусскимъ властямъ какія-либо вполнѣ опредѣленныя дѣйствія. Однако уже съ момента передачи гетманской булавы въ руки Скоропадскаго это настроеніе центральной власти

стало существенно измѣняться. Съ одной стороны, до нея все чаще доходили жалобы козаковъ, съ другой — эта власть и ея мѣстные агенты начинали все пристальнѣе приглядываться къ ходу малорусскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. «Многократно — писалъ Скоропадскому уже въ самомъ началѣ его гетманства кіевскій губернаторъ кн. Дм. Голицынъ — ко мнѣ приходятъ и докучаютъ изъ разныхъ мѣстъ козаки и доносятъ жалобу, что старшина малороссійская сильно ихъ въ подданство себѣ берутъ, и я многихъ отсылалъ къ вашему превосходительству, дабы о томъ васъ просили, а они, не бывъ у вашего превосходительства, паки ко мнѣ приходятъ съ великимъ воплемъ и о томъ стужаютъ; и хотя то дѣло не мое, однако, что вижу противность въ интересахъ царскаго величества, вашему превосходительству объявляю» [1]). Кн. Голицынъ, сознавая, что привлеченіе старшиною козаковъ въ подданство представляетъ собою «противность интересамъ царскаго величества», могъ все же считать это не своимъ дѣломъ и довольствоваться указаніемъ на него гетману. Но, когда то же сознаніе было усвоено и Петромъ, вопросъ о принятіи имъ тѣхъ или иныхъ мѣръ противъ такого привлеченія сталъ только вопросомъ времени, тѣмъ болѣе, что такія мѣры, казалось, сами собой вплетались въ предпринятую Петромъ послѣ измѣны Мазепы борьбу съ малорусской старшиной.

Указомъ 22 января 1715 г. Петръ установилъ въ Малороссіи новый порядокъ замѣщенія должностей полковой старшины и сотниковъ, предписавъ полковникамъ впредь на каждую такую должность выбирать съ совѣта всей полковой старшины и сотниковъ двухъ или трехъ кандидатовъ и затѣмъ представлять ихъ на утвержденіе гетмана, съ тѣмъ, чтобы послѣдній назначилъ изъ нихъ одного, «кто къ тому уряду годнѣе быть можетъ» и кто вмѣстѣ съ тѣмъ всегда оставался твердымъ «великому государю во всякой вѣрности безпорочно». Установленіе этого порядка Петръ мотивировалъ какъ тѣмъ, что среди наличной старшины, назначенной на уряды полковниками безъ сношенія съ гетманомъ, «есть нѣкоторые и подозрительные въ вѣрности, и недостойные тѣхъ урядовъ, въ чемъ на нихъ есть и доношеніе», такъ и тѣмъ, что въ настоящее время «отъ полковниковъ и отъ тѣхъ учрежденныхъ отъ нихъ старшинъ и сотниковъ чинятся козакамъ и поспо-

---

[1]) См. письмо Голицына отъ 17 октября 1709 г. въ Матеріалахъ для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, с. 14.

литому народу многія тягости въ налогахъ и въ взяткахъ». Сообразно этому, на будущее время гетману предписывалось «смотрѣть прилежно и накрѣпко, дабы отъ полковниковъ и полковой старшины и отъ сотниковъ козакамъ и посполитому народу отнюдь ни въ чемъ никакой тягости и обидъ не было и ни до какихъ взятковъ и налогъ ихъ не допускать»[1]). Въ дѣйствительности, конечно, этотъ новый порядокъ назначенія полковой старшины и сотниковъ могъ только способствовать и безъ того уже быстро шедшему въ жизни процессу отдаленія старшины отъ народныхъ массъ, но ни въ какомъ смыслѣ не могъ уничтожить практиковавшихся ею злоупотребленій. Такъ же мало дѣйствительнымъ въ этомъ смыслѣ оказался и принятый Петромъ порядокъ непосредственнаго назначенія полковниковъ царской властью, причемъ должности полковниковъ постепенно замѣщались великороссами. Малорусская администрація тѣснѣе связывалась этими мѣрами съ центральнымъ правительствомъ, приводилась въ большее подчиненіе ему, но власть ея надъ населеніемъ не уменьшалась, а даже возростала, и соотвѣтственно этому не уменьшались и злоупотребленія этой власти.

Черезъ нѣкоторое время и самъ Петръ засвидѣтельствовалъ это. Создавая въ 1722 г. Малороссійскую Коллегію, которая должна была контролировать дѣятельность гетмана и старшины, онъ въ качествѣ одного изъ мотивовъ къ введенію такого контроля указывалъ жалобы населенія. «Полковники — излагалъ царь въ своемъ указѣ эти жалобы — полковъ своихъ какъ казакамъ, такъ и посполитымъ чинятъ тягости неправыми судами изъ великихъ накладовъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ и накиданьемъ для продажи своихъ какъ питейныхъ, такъ и съѣстныхъ припасовъ, къ тому же многими работы въ строеніи домовъ, хуторовъ, мельничныхъ плотинъ, и тѣмъ принуждаютъ казаковъ изъ казацкой службы идти къ себѣ въ подданство»[2]). На будущее время Коллегіи, составленной изъ шести штабъ-офицеровъ расположенныхъ въ Малороссіи гарнизоновъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова, поручалось, въ числѣ прочихъ ея дѣлъ, ограждать козаковъ и посполитыхъ отъ подобныхъ притѣсненій. «Ежели — говорилось въ четвертомъ пунктѣ данной Вельяминову инструкціи — усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники казаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать

[1]) Источники малороссійской исторіи, ч. II, сс. 275—6.
[2]) П. С. З., VI, № 3988.

станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ, казаковъ, и челобитья не будетъ, и оное съ совѣта господина гетмана пристойнымъ образомъ отвращать и посполитству въ томъ помогать по истинѣ»[1]). Для Коллегіи намѣчалась, такимъ образомъ, роль защитницы населенія отъ притѣсненій старшины, притомъ защитницы чрезвычайно дѣятельной, готовой вступаться за обиженныхъ даже безъ просьбъ и жалобъ съ ихъ стороны.

Приступивъ къ практическому осуществленію своей задачи, Коллегія и ея предсѣдатель скоро однако почувствовали всю трудность этой задачи и крайнюю недостаточность преподанныхъ имъ инструкцій. Учрежденіе Малороссійской Коллегіи вызвало большія надежды среди народныхъ массъ и Коллегія вскорѣ была засыпана жалобами козаковъ и посполитыхъ на насилія державцевъ и старшины, въ частности на насильственное обращеніе козаковъ въ «подданство». Но разобраться въ этихъ жалобахъ Коллегіи не всегда было легко. Она попыталась опираться въ такомъ разборѣ на старые козацкіе реестры, но такихъ реестровъ часто не оказывалось въ наличности и въ этихъ случаяхъ Коллегіи не оставалось ничего иного, какъ посылать офицеровъ для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ путемъ разспроса старожиловъ. У нея не было однако увѣренности въ правильности такого способа рѣшенія исковъ о козачествѣ, и въ мартѣ 1723 г. Вельяминовъ обратился къ Петру съ просьбой разрѣшить это недоумѣніе[2]). Отвѣтъ на эту просьбу былъ данъ Петромъ въ указѣ 16 апрѣля 1723 г., предписавшемъ Малороссійской Коллегіи на случай поступленія къ ней челобитій о возвращеніи въ козачество вытребовать отъ наказного гетмана Полуботка и генеральной старшины «съ прежнихъ давнихъ и съ нынѣшнихъ реестровъ списки» и «съ тѣми реестрами справливаться, и которыхъ дѣды и отцы и сами челобитчики въ казацкой службѣ прежде были написаны, тѣхъ по ихъ челобитью писать въ казаки по прежнему; а буде преж-

---

[1]) Тамъ же, № 4010.

[2]) См. А. Ефименко, Южная Русь, Спб. 1905 г., т. II, сс. 139—140. Свою точку зрѣнія на иски о козачествѣ и способы ихъ рѣшенія Коллегія вырабатывала, несомнѣнно, при нѣкоторомъ содѣйствіи со стороны малорусскихъ учрежденій, «3 авгуcта 1722 — говорится въ дневникѣ гетманской канцеляріи — панове писаръ и асаулъ генералные были у кн. Трубецкого, где, въ присутствіи бригадира, мели разговоръ о малороссійскихъ людяхъ, зъ козацтва въ мужицтво переворочаючихся, що абы впредь не чинилося, совѣтъ таковый учинили, дабы тихъ только козаковъ зъ мужицтва, а мужиковъ зъ козацства не выписовати, з дѣда и отца чи то козакуют, чили мужикуютъ, а прочіихъ всіхъ по учиненію ревѣзіи каждого до своего приворочать рангу». Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи. «Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. XII, ч. III, с. 93.

нихъ давныхъ реестровъ не сыщется, о такихъ свидѣтельствовать малороссійскими жителями и, ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ казацкой службѣ были, тѣхъ потому жъ писать въ казаки» [1]).

Отвѣчая на вопросъ Вельяминова, Петръ далъ такимъ образомъ общее правило для рѣшенія споровъ о правахъ тѣхъ или иныхъ лицъ на козачество. И правило это было вполнѣ ясно и опредѣленно: если лица, находившіяся въ «подданствѣ», но желавшія выбиться изъ него, раньше сами отбывали козацкую службу или же происходили отъ отцовъ либо дѣдовъ, отбывавшихъ ее, и могли доказать это справкой съ козацкими реестрами или свидѣтельскими показаніями, то они должны были перечисляться въ козаки. Само по себѣ это правило не было новостью для Малороссіи. И гетманскіе уполномоченные, какъ мы видѣли, нерѣдко рѣшали споры о козачествѣ на основаніи справокъ съ козацкими компутами и показаній старожиловъ о прошломъ самихъ претендентовъ на козацкое званіе и ихъ предковъ. Въ свою очередь такимъ же путемъ нерѣдко рѣшались подобные споры и въ генеральномъ войсковомъ судѣ, какъ до изданія указа 16 апрѣля 1723 г., такъ и непосредственно послѣ его изданія. «Сава Розминскій, староста Полуботковъ, в селѣ Полуботкахъ будучий, — излагалось, напримѣръ, одно такое дѣло въ «реестрѣ дѣламъ судовымъ» генеральнаго суда за октябрь 1723 года — з тещею своею скаржился (жаловался) на Семена Лизогуба о заграбленню 4 воловъ и 3 коней и о приверненню его з тещею в подданство». «Если найдутся — гласила приведенная тамъ же резолюція суда — в козацкихъ реестрахъ челобитчиковъ антецессори або сами они, то козаковатимутъ (будутъ козаковать), если же нѣтъ в реестрахъ, то мужиковати мусятъ (должны)» [2]). Но въ генеральномъ судѣ примѣнялись и другіе способы рѣшенія подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ «реестрѣ дѣлъ челобитческихъ, въ судѣ генеральномъ вершенныхъ» въ 1724 г., между прочимъ, значится «справа (дѣло) Ивана Курниша з сотникомъ Пѣроцкимъ о кгрунта, чи посполитого тіе кгрунта, чи козацкіе». «Довелося (было доказано), — гласила приведенная въ «реестрѣ» резолюція суда — что тіи кгрунта посполитого, и потому велено челобитчику подданство отвѣтчику чинить, что тимъ кгрунтомъ владѣетъ» [3]).

[1]) П. С. З., VII, № 4196.

[2]) Архивъ Черниговскаго Окружнаго Суда, старыя дѣла, Дѣла Гражданскія № 5, лл. 106 об.—107, № 44.

[3]) Тамъ же, л. 117, № 30.

Въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, генеральный судъ рѣшилъ дѣло по другому признаку и приговорилъ Ивана Курныша оставаться посполитымъ не потому, что его и его предковъ не нашлось въ козацкихъ реестрахъ, а потому, что онъ владѣлъ посполитской землей. Точно также и рѣшенія гетманскихъ уполномоченныхъ по искамъ о козачествѣ не всегда основывались только на козацкихъ реестрахъ и на свидѣтельствахъ старожиловъ о томъ, были ли раньше претенденты на козачество или ихъ предки козаками. И гетманскіе уполномоченные, и самъ гетманъ часто вносили, какъ мы видѣли, въ рѣшеніе такихъ исковъ дополнительныя соображенія, оставляя, напримѣръ, бывшихъ раньше козаками людей въ «подданствѣ» на томъ основаніи, что они перешли въ него въ свое время добровольно, или на томъ, что захватъ ихъ въ «подданные» совершился уже сравнительно давно.

Указъ 16 апрѣля 1723 г. устранялъ всѣ такія дополнительныя соображенія, и въ этомъ и заключалось то новое, что онъ пытался внести въ малорусскую жизнь. По взгляду центральнаго правительства, выраженному въ этомъ указѣ, козакъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть правомѣрно перечисленъ въ посполитые и утерять свое право оставаться въ рядахъ козаковъ, такъ какъ съ осуществленіемъ имъ этого права былъ тѣсно связанъ интересъ государства, терпѣвшаго серьезный ущербъ при переходѣ обязанныхъ службой государству козаковъ въ разрядъ владѣльческихъ крестьянъ. Поэтому всякій такъ или иначе попавшій въ «подданство» козакъ, независимо отъ того, перешелъ ли онъ въ подданство добровольно или былъ захваченъ въ него насильно, несъ ли онъ передъ тѣмъ козацкую службу самъ или ее отбывалъ только его отецъ либо даже дѣдъ, могъ и долженъ былъ быть возвращенъ въ козачество. Указъ 16 апрѣля 1723 г. говорилъ, правда, о такомъ возвращеніи по просьбамъ самихъ попавшихъ въ подданство козаковъ, но Малороссійской Коллегіи, какъ мы знаемъ, еще раньше дано было предписаніе защищать козаковъ отъ всякихъ притѣсненій и въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ самихъ козаковъ не будетъ челобитья о такой защитѣ, и это предписаніе въ представленіи правительства, несомнѣнно, сохраняло свою силу и для случаевъ, предусмотрѣнныхъ указомъ 1723 г. Этотъ указъ имѣлъ, такимъ образомъ, значеніе общей мѣры, направленной къ выведенію изъ поспольства всѣхъ захваченныхъ въ него козаковъ и въ связи съ произведенной въ Малороссіи по предпи-

санію Петра въ томъ же 1723 году ревизіей козаковъ и посполитыхъ долженъ былъ, казалось, создать строгое разграниченіе этихъ двухъ группъ населенія.

Съ своей стороны Малороссійская Коллегія именно такъ и поняла возложенную на нее указомъ 16 апрѣля 1723 г. задачу и дѣятельно принялась за ея выполненіе, энергично выводя изъ посполъства козаковъ, обнаруженныхъ въ немъ ревизорами, и не менѣе энергично разслѣдуя поступавшія къ ней жалобы отъ захваченныхъ державцами въ подданство людей. Такъ, въ 1723 г. семь жителей с. Локни въ Нѣжинскомъ полку, безуспѣшно обращавшихся передъ тѣмъ къ наказному гетману Полуботку, пожаловались въ Коллегію, что ихъ отцы захвачены въ посполитые кн. Четвертинскимъ изъ козаковъ. Коллегія отправила отъ себя офицера разслѣдовать эту жалобу и по слѣдствію оказалось, что «оныхъ челобитчиковъ дѣды и отцы, а иные и сами челобитчики служили въ глуховской сотнѣ козацкую службу и въ походахъ бывали, а владѣльцы опредѣлили ихъ къ себѣ въ подданство изъ той козацкой службы, а иныхъ взяли и неволею». Тогда Коллегія постановила челобитчикамъ «быть по прежнему въ козацкой службѣ и написать ихъ въ равенствѣ съ ихъ братьею въ козацкомъ спискѣ, а отъ того подданства выключить и отъ владѣнія кн. Четвертинскому отказать» [1]). Въ 1724 г. трое жителей с. Борокъ Гадяцкаго полка въ свою очередь подали жалобу въ Коллегію на капитана Еропкина, переведшаго ихъ изъ козаковъ въ свои посполитые. Въ результатѣ произведеннаго слѣдствія справкою въ компутахъ и свидѣтельскими показаніями козачество жалобщиковъ было подтверждено и Коллегія распорядилась освободить ихъ отъ «подданства» и включить въ число козаковъ [2]). Тогда же на Еропкина поступила и другая жалоба. Три жителя с. Красной Луки жаловались Коллегіи, что они издавна, съ дѣдовъ и отцовъ, были козаками, но затѣмъ ихъ захватилъ въ свое подданство бывшій гадяцкій полковникъ Михаилъ Бороховичъ, послѣ его смерти они оста-

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 451—2. Съ передачей этого эпизода у Лазаревскаго связано одно недоразумѣніе. Такъ какъ Коллегія въ своемъ рѣшеніи сослалась на именной указъ 1723 г., то Лазаревскій предположилъ, будто она имѣла въ виду спеціальный указъ по дѣлу локнянцевъ, которое она якобы представляла на разрѣшеніе императора. Въ дѣйствительности этого, конечно, не было и Коллегія, какъ ясно видно изъ приведеннаго Лазаревскимъ текста ея «промеморіи» въ генеральную канцелярію, ссылалась на общій указъ 16 апрѣля 1723 г.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр., оп. 3, св. 2, № 54.

лись во владѣніи его вдовы, а когда ея внучка вышла за капитана Еропкина, послѣднiй въ свою очередь завладѣлъ ими и угнетаетъ ихъ поборами. «Отъ праздника Петра и Павла сего 724 году и нынѣ ежеденно работаемъ, — писали жалобщики въ прошеніи, поданномъ ими въ октябрѣ 1724 г., — отъ чего пришли въ великое разореніе и въ бѣдность». Допрошенные свидѣтели показали, что частью сами жалобщики, частью ихъ дѣды и отцы раньше были, дѣйствительно, козаками и что въ настоящее время жалобщики либо живутъ на козацкомъ «грунтѣ», либо пашутъ козацкія поля. Послѣ этого Малороссійская Коллегія постановила включить жалобщиковъ въ козаки, а капитану Еропкину объявить, чтобы онъ до нихъ болѣе не интересовался [1]).

Такія рѣшенія Коллегіи и распространившійся слухъ объ указѣ 16 апрѣля 1723 г. вызвали среди населенія владѣльческихъ имѣній большое движеніе и какъ въ Малороссійскую Коллегію, такъ и въ генеральную канцелярію стали все въ большемъ количествѣ поступать просьбы о возвращеніи въ козачество. «В прошломъ часѣ, якъ походъ билъ под Чигиринъ, якъ оній и взятъ, — писалъ въ 1724 г. житель с. Ювковцовъ Прилуцкаго полка Петро Евтушенко — тогда отецъ мой покойный... козацкую службу отбывалъ и в походе томъ билъ, а после походу ради убожества своего оставилъ билъ козацство и отбувалъ посполитую повинность, а я тогда еще малъ билъ и не дor остъ. А теперъ, доросши лѣтъ и одружившися (женившись), прошу вашего императорского величества, дабы ваше самодержавство повелѣли на мѣстце отца моего мене в компотъ войсковій уписати и козацкую службу отбувати по прежнему» [2]). «В прошлихъ годахъ — писали одновременно тотъ же Петро Евтушенко и другой житель того же села, Андрей Ивановичъ, въ генеральную войсковую канцелярію — были наши отци в розниxъ походахъ и тамъ смертію пострадали, а послѣ отцовъ и ми козаковали, а, же (такъ какъ) оставшись послѣ отцовъ малими и ради убожества нашего оставивши козацство, отбували подданскую повинность, теперъ зась, дойшовши севершенниxъ лѣтъ и одружившись, просимъ енералной войсковой канцеляріи, да повелитъ оная енералная канцелярія намъ, по свѣдителству старинниxъ людей розискавши, войсковую отправовать службу».

---

[1]) Тамъ же, № 55.

[2]) Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 2260. На этомъ прошеніи даты нѣтъ, но она опредѣляется изъ доношенія прилуцкаго полковника Галагана въ генеральную канцелярію, тамъ же, № 2259.

И въ оправданіе своей просьбы просители ссылались на указъ 16 апрѣля 1723 г. [1]). «Зачувши мы — писали около того же времени въ генеральную канцелярію 12 жителей с. Гурбинецъ въ Прилуцкомъ полку — указъ императорскаго пресветлѣйшаго величества таковий, же чий дѣдъ или отецъ албо хто и самъ козаковалъ, и теперъ волно въ компутъ козацкій тому вписоватись, зачимъ и мы, будучи козацкіе сини и хотячи императорскому величеству служити такъ, яко и отци наши у войску козацкомъ служили, просимъ таковой у енералной войсковой канцеляріи милости, жебы насъ в компутъ козацкий было вписано, понеже и свѣдителей козаковъ тихъ маемъ, которіе у войску императорскому величеству з отцами нашими служили» [2]). Аналогичная просьба поступила тогда же къ прилуцкому полковнику отъ жителя с. Голубовки Антона Ленца. «Небожчикъ (покойникъ) Иванъ Яремовичъ Носъ, за прислуги свои принявши г. Голубовку в подданство, — писалъ Ленецъ — отца моего в мужицтво едно прошеніемъ, а другое нуждою после Чигиринского походу повернулъ». И Ленецъ просилъ, чтобы онъ «по милости панской принятъ билъ в компотъ войсковий, а з мужицкого ига визволеній»[3]). Въ свою очередь и нѣкоторые другіе жители с. Голубовки жаловались, что ихъ отцовъ въ свое время переписали въ мужики, «едно страхаючи дорогами войсковими, а другое и нуждою», и заявляли желаніе вернуться въ козачество [4]).

Частью по такимъ просьбамъ, частью по собственной инціативѣ Малороссійская Коллегія въ первое же время послѣ изданія указа 16 апрѣля 1723 г., дѣйствительно, возвратила въ козачество не мало людей, передъ тѣмъ переведенныхъ было изъ козаковъ въ посполитые. Но эта дѣятельность Коллегіи проходила не безъ серьезныхъ препятствій. Малорусскіе державцы вовсе не склонны были равнодушно смотрѣть на уменьшеніе находившейся въ ихъ распоряженіи рабочей силы путемъ изъятія изъ-подъ ихъ власти людей, когда-то, подчасъ уже довольно давно, принадлежавшихъ къ козачеству, но затѣмъ признавшихъ надъ собою частную зависимость, и старшина, воплошавшая въ себѣ интересы державческаго класса, всячески старалась затруднить дѣйствія Коллегіи. Поставленный послѣ смерти Скоропадскаго наказнымъ гетманомъ Полуботокъ вступилъ на почвѣ отстаиванія интересовъ держав-

---

[1]) Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 2261.
[2]) Тамъ же, № 2262.
[3]) Тамъ же, № 2268.
[4]) Тамъ же, № 2265; ср. также №№ 2260, 2263—2264, 2266—2268.

цевъ въ прямую борьбу съ предсѣдателемъ Малороссійской Коллегіи Вельяминовымъ и, случалось, оказывалъ даже открытое противодѣйствіе его распоряженіямъ о возвратѣ тѣхъ или иныхъ лицъ изъ подданства державцевъ въ козачество, явно давая понять, что считаетъ всѣ такія распоряженія имѣющими лишь временную силу. Такъ, въ 1723 г. въ Малороссійскую Коллегію поступила отъ жителей находившагося во владѣніи Андрея Лизогуба села Погребковъ жалоба на насильственный захватъ ихъ владѣльцемъ въ подданство и Коллегія, разобравъ эту жалобу, постановила изъ 57 жалобщиковъ 20 человѣкъ возвратить въ козачество. Тогда Лизогубъ обратился къ Полуботку, прося, по крайней мѣрѣ, сохранить за нимъ земли вписанныхъ въ козачество семей и предотвратить дальнѣйшій уходъ его посполитыхъ въ козаки. Полуботокъ счелъ вполнѣ возможнымъ удовлетворить обѣ эти просьбы и далъ Лизогубу «открытый листъ до самозванного атамана погребского съ товариствомъ, въ козачество стремящихся, и до война тамошняго съ посполитыми, чтобы жители погребскіе, особенно тѣ, что изъ мужиковъ въ козаки тѣснятся и на время указомъ коллегіи въ козаки вписаны, не смѣли до дальнѣйшаго распоряженія продавать грунтовъ своихъ въ чужія руки безъ разрѣшенія державцы, да чтобы и вообще погребскіе подданные, не засматриваясь на тѣхъ самозванныхъ козаковъ, отдавали пану Лизогубу во всемъ послушенство и чтобы никто, сверхъ указомъ коллегійскимъ отъ подданства увольненныхъ, въ козаки тѣсниться не смѣлъ; а кто бы не хотѣлъ пану Лизогубу повиноваться, тѣхъ присылать въ Глуховъ, забивши въ колодки, для наказанія и жестокаго штрафа»[1]). Такимъ образомъ вписывавшіеся Коллегіей въ козачество люди въ глазахъ наказного гетмана были «самозванными козаками» и самые указы Коллегіи онъ полагалъ возможнымъ признать только на время.

Полуботокъ сломилъ себѣ голову въ этой борьбѣ съ Вельяминовымъ, за которымъ стоялъ самъ Петръ. Но ни устраненіе Полуботка и съ нимъ виднѣйшихъ полковниковъ и членовъ генеральной старшины, ни предпринятая затѣмъ Петромъ массовая смѣна старшины, коснувшаяся даже ряда сотниковъ, не уничтожили и не

---

[1]) Несмотря на этотъ «листъ», жители Погребковъ, даже не вписанные въ козачество, продолжали отказываться отъ послушанія Лизогубу, и тогда онъ обратился къ Полуботку съ новой просьбой — «онихъ бунтовщиковъ, безъ всякой поблажки, таковимъ наказаніемъ смирити — сердюковъ сорокъ человѣка на станцѣю на нихъ зослати». А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 444—5.

ослабили того упорнаго и глухого сопротивленія, какое оказывали малорусскіе державцы и старшина дѣйствіямъ Малороссійской Коллегіи, направленнымъ къ проведенію въ жизнь указа 16 апрѣля 1723 г. Державцы попросту не выполняли соотвѣтствующихъ распоряженій войсковыхъ властей и силою удерживали въ своемъ подданствѣ выписанныхъ послѣдними изъ него людей. Прилуцкій полковникъ Галаганъ въ 1724 г. сообщалъ, напримѣръ, правителямъ генеральной канцеляріи, что онъ велѣлъ двухъ жителей с. Голубовки, Дениса Колочка и Корнѣя Горбаня, «до компуту войскового приняти, а державца помянутого села Голубовки Федоръ Любашевскій, забороняючи имъ козацко служити и притягаючи по прежнему до посполства, казалъ у его, Дениса, пограбити три корови, а у Корнѣя пару воловъ и до тихъ часъ оніе у себе держить и не хочетъ, хочай многократне ему, Любашевскому, приказувалемъ, того быдла (скота) мененному Денису и Корнѣю возвращати». «Прошу — заканчивалъ Галаганъ свое сообщеніе — вашмостей панства о извѣстіе, якъ з нимъ, державцею голубувскимъ, поневажъ мене не слухаетъ, за таковую его продерзость поступити». Генеральная канцелярія, отвѣчая на этотъ вопросъ, ограничилась тѣмъ, что предоставила Галагану вытребовать у Любашевскаго забранный имъ скотъ, «а за продерзость по правамъ войсковымъ наказать» [1]).

Наказать сколько-нибудь вліятельнаго державцу войсковымъ властямъ было, однако, не такъ легко, а у державцевъ были въ рукахъ и болѣе сильныя средства воздѣйствія на выписываемыхъ изъ подданства людей, чѣмъ заарестованіе ихъ имущества. Въ 1726 г. наказной стародубовскій полковникъ Семенъ Галецкій доносилъ генеральной канцеляріи, что житель с. Староселья почепской сотни Яковъ Колотиленко согласно указу 1723 г. и даннымъ ревизіи этого же года былъ зачисленъ въ козаки и въ 1724 г. посылалъ своего племянника въ низовый походъ, а теперь, «управители почепскіе унука его взяли и в колодку забили, такъ же и братовъ двоюроднихъ... взяли и повезли въ Почепъ, которіе и теперъ в турмѣ сѣдятъ, невѣдомо, для чого». Галецкій просилъ по этому поводу резолюціи, такъ какъ «почепскіе правители до правленія полкового не належатъ», и генеральная канцелярія приговорила послать къ нимъ «листъ зъ тимъ докладомъ», чтобъ они освободили родныхъ Колотиленка, такъ какъ по ревизіи 1723 г

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 3258.

онъ дѣйствительно значится въ козакахъ [1]). Почепскіе «правители» опирались на силу стоявшаго за ними владѣльца Почепа, кн. Меншикова, но и коренные малорусскіе державцы вели себя подчасъ не менѣе рѣшительно. Въ 1723 г. канцеляристъ генеральной канцеляріи Филиппъ Борзаковскій принесъ въ нее жалобу, что житель принадлежащаго ему с. Некрасова въ Нѣжинскомъ полку Трофимъ Бурый, самовольно отправивъ сына въ Терковскій походъ, теперь и самъ отказывается «мужиковать». Генеральная канцелярія по этой жалобѣ предписала Бурому оставаться въ «подданствѣ», но онъ, повидимому, обратился въ Малороссійскую Коллегію и въ томъ же 1724 г. ему былъ данъ изъ генеральной канцеляріи такой указъ: «любо (хотя) Трохиму Бурому, жителю некрасовскому, передъ симъ зъ оной канцеляріи было наказано, абы онъ въ посполитой найдовался тяглости и зъ грунту своего державцѣ своему прислуговалъ, однакъ, понеже онъ въ козацкомъ обрѣтается званіи и козацкую отбуваетъ службу, обѣщаясь вѣрно и тщатливе его императорскому величеству служити назавше (всегда), того ради, заховуючи его, Трохима Бурого, въ званіи козацкомъ, предлагаемъ пилно, абы державца некрасовскій до него и до грунту его впредь не интересовался и до тяглости мужичой онъ и нихто иншій его не потягалъ». Но прошло послѣ этого указа три года и жена Бураго жаловалась: «оный Борзаковскій, не смотрячи на тотъ указъ, многія и великія обиды и разореніе мнѣ чинитъ, а сего 1727 г. въ ставу моемъ рыбу выловилъ, съ сѣножатей сѣно побралъ и гаи порубалъ, и еще мужа моего, взявши, зачинивъ (заперъ) у комнатѣ и чрезъ чотырѣ днѣ, аби привернуть себѣ у подданство, нудилъ, а сего августа 6 дня билъ нещадно ремѣнными лѣнцами (ремнями) и прибилъ до полусмерти, что уже дѣвери мои на носилахъ у дворъ, мало що живого, принесли» [2]).

Въ свою очередь и сами войсковыя власти въ такихъ случаяхъ нерѣдко обнаруживали стремленіе стать скорѣе на сторону державцы, чѣмъ выбивавшагося изъ его подданства посполитаго, и тогда для послѣдняго къ насиліямъ державцы присоединялось еще наказаніе, налагаемое властью. «В давнихъ годахъ, — жаловался въ 1726 г. генеральной канцеляріи житель с. Семокъ въ Стародубовскомъ полку Григорій Горбачъ на владѣльца этого села Андрея Зубрицкаго, — (Зубрицкій) завладѣвши тое село

---

[1]) Тамъ же, № 875.
[2]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 476—7.

Семки въ область свою, а по якимъ крипостямъ, того не вѣдаю, сталъ по малу козаковъ в подданство приворочать, где и мене тамъ своею властю с козацтва в мужики подгорнулъ, и я служилъ ему от шведской руини даже до 723 года и протчии за мною, а иннии и до сего часу зостаютъ в мужитствѣ под нимъ». Во время ревизіи 1723 года Зубрицкій всѣхъ такихъ посполитыхъ, поверстанныхъ имъ изъ козаковъ, «втаивъ и въ компутъ не вписовавъ». Однако въ слѣдующемъ году Горбачъ вписался-таки въ козаки [1]). «И оній Андрей Зубрицкій — продолжалъ онъ свою жалобу — от 724 года не притягалъ мене въ жаднии (ни въ какія) подданства своего работизни и подачки до сего 726 года. А теперь въ семъ году, не вѣдаю, по якому указу и по крипостямъ, мене сталъ в подданство притягати и позвалъ судомъ до полковой канцеляріи стародубовской, что тамъ въ Стародуби спершу турмою карано, жеби служивъ мужицко, чрезъ двое сутокъ, а напотимъ также чрезъ дванадцать сутокъ держано в канцеляріи неисходно, принуждаючи, жеби я пана прохалъ о приняття в подданство» [2]). Въ томъ же году два жителя с. Бѣлоцерковки въ Лубенскомъ полку жаловались въ генеральную канцелярію на бунчуковаго товарища Стефана Тарнавскаго. По словамъ жалобщиковъ, они были козаками, участвовали въ Чигиринскихъ походахъ, «были у великомъ войску, якъ гетмана взято, у Кіевѣ», ходили и въ другіе походы. «А якъ — продолжали они свой разсказъ — Леонтий Свѣчка сталъ полковникомъ лубенскимъ, и тогда походовъ мало до войска било и онъ по его волѣ велѣлъ намъ чиншъ денежную давать и бралъ от насъ роковъ (годовъ) чотири. Когда же уже Тарновскій село Бѣлоцерковку себѣ в подданство понялъ, то уже не бралъ денежной чинши, но усиловалъ насъ ему панщину дѣлать и подданними насъ себѣ сдѣлалъ». Потомъ, — разсказывали далѣе жалобщики — когда въ Лубенскомъ полку возвращались по царскому указу въ козачество захваченные въ подданство козаки, возвращены были въ козаче-

---

[1]) Въ этомъ году, по словамъ Горбача, въ Семки пріѣзжалъ для разслѣдованія земельнаго спора капитанъ Епишковъ и, между прочимъ, спрашивалъ свидѣтелей, въ число которыхъ Зубрицкимъ былъ записанъ въ качествѣ мѣстнаго козака и Горбачъ, старинные ли они козаки. «Ми — разсказывалъ Горбачъ — пред капитаномъ сказали, же з дѣда и прадѣда козаки, и тогда намъ капитанъ смертною казнию ручилъ, ежели бъ ми мужицко служили. Я въ тую пору, боячи на себе смерти, пошедши до Андрея Зубрицкого, отклонился; въ насъ не неволя, оний, мовлячи, сказалъ, иди до Стародуба и впишись в компутъ козацкій... и я, пошедши до Кокошкина полковника, вписался».

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 8027.

ство и они. Однако староста Тарнавскаго, не защищая ихъ отъ походовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ гонять и на панщину. Правители генеральной канцеляріи, разсмотрѣвъ эту жалобу и найдя жалобщиковъ по справкѣ не въ козацкомъ компутѣ, а между посполитыми, рѣшили оставить ихъ въ подданствѣ Тарнавскаго. «А за тое, — прибавлено было въ рѣшеніи — что неслушне турбуютъ и самоволне в козацтво втираются, учинено имъ наказаніе» [1]).

Строго карая неправильно, по ея мнѣнію, выбивавшихся въ козачество посполитыхъ, старшина, тѣсно связанная въ данномъ случаѣ общностью интересовъ со всѣми державцами, нерѣдко противодѣйствовала выходу изъ «подданства» и такихъ лицъ, которыя имѣли всѣ права быть возвращенными въ ряды козаковъ. И это дружное противодѣйствіе державцевъ и старшины представляло собою серьезную помѣху полному проведенію въ малорусскую жизнь указа 16 апрѣля 1723 г. Но, пожалуй, еще болѣе значенія въ этомъ смыслѣ имѣла перемѣна, происшедшая въ Петровскую эпоху въ положеніи самихъ козаковъ. Петровское правительство недаромъ было озабочено службою козачества и забота эта у него носила далеко не теоретическій характеръ. Если до Петра московское правительство пользовалось козацкими полками только для военной службы на границахъ самой Малороссіи и въ походахъ на Польшу и Крымъ, то Петръ сталъ посылать эти полки и въ Ингрію, и къ Каспійскому морю и началъ требовать отъ нихъ не только военной службы, но и различныхъ работъ. Козаки при немъ строили крѣпость въ Кіевѣ, козаки же были привлечены и къ рытью Ладожскаго канала. Эти далекіе походы и изнурительныя работы влекли за собою тяжелыя жертвы. Начальствовавшій надъ отправленными на Ладожскій каналъ козаками полковникъ Чернякъ доносилъ въ 1722 г. сенату, что изъ участвовавшихъ въ предыдущемъ году въ работахъ на каналѣ козаковъ «развѣ третья часть къ дому повернулась» [2]). И это не было преувеличеніемъ. По свѣдѣніямъ, представленнымъ сотниками Гадяцкаго полка, изъ 2.564 козаковъ, отправленныхъ въ 1721—22 гг. изъ этого полка на ладожскія работы, 745 человѣкъ, т. е. 29% не вернулось домой за смертью, болѣзнями и безвѣстной пропажей [3]). На ряду съ человѣческими

[1]) Тамъ же, № 10542.
[2]) «Кіевская Старина», 1884 г., № 5, сс. 120—1.
[3]) Тамъ же, № 10, сс. 357—61.

жизнями эти походы и работы требовали и тяжелыхъ матеріальныхъ жертвъ, подъ бременемъ которыхъ нерѣдко рушилось козацкое хозяйство. Сопровождаемая такими жертвами служба нерѣдко становилась непосильной для населенія и не одна семья, разоренная этой службой, старалась укрыться отъ нея въ частную зависимость, не одинъ козакъ, раньше попавшій въ такую зависимость, останавливался передъ возвратомъ въ ряды «войскового товариства». Тяжесть повинностей, возложенныхъ правительствомъ на козаковъ, въ значительной мѣрѣ парализовала мѣры, принимавшіяся тѣмъ же правительствомъ для усиленія состава козачества, и, наоборотъ, стремленіе державцевъ удержать въ своемъ подданствѣ однажды захваченныхъ въ него людей подчасъ находило себѣ поддержку въ стремленіи козаковъ избавиться отъ чрезмѣрной тяжести государственной службы.

При наличности такихъ условій задача, которую поставило было себѣ Петровское правительство, осталась въ концѣ концовъ неразрѣшенной. Петровское законодательство нѣсколько облегчило попавшимъ въ «подданство» козакамъ выходъ изъ него, но наряду съ этимъ Петру не удалось ни вывести всѣхъ такихъ козаковъ обратно въ ряды козачества, ни создать строгое разграниченіе между козаками и посполитыми. Вопросъ о такомъ разграниченіи Петровская эпоха оставила въ наслѣдство позднѣйшему времени.

V

Малороссійская Коллегія, какъ мы видѣли, не смогла установить въ малорусской жизни такое строгое разграниченіе козачества и посполъства, какое стремился ввести Петръ. Не смогла она и вывести изъ козачества всѣхъ такъ или иначе попавшихъ въ него козаковъ, какъ это предполагалось Петровскимъ указомъ 16 апрѣля 1723 г. Какъ ни больно давала чувствовать себя подчасъ малорусскимъ державцамъ тяжелая рука Петра, они встрѣтили этотъ указъ упорнымъ сопротивленіемъ, въ значительной мѣрѣ ослабившимъ его силу. Тѣмъ не менѣе названный указъ продолжалъ существовать и примѣняться на практикѣ и имперское правительство не отказалось отъ него и отъ воплощеннаго въ немъ принципа и послѣ смерти Петра. Не отказалось оно отъ этого принципа и тогда, когда, отступая отъ крутыхъ мѣръ Петровской политики, рѣшило уничтожить Малорос-

сійскую Коллегію и возстановить въ Малороссіи гетманское управленіе.

Прошелъ годъ со времени поставленія въ гетманы Данила Апостола — и центральное правительство нашло нужнымъ торжественно напомнить о своей вѣрности этому принципу. Именной императорскій указъ 10 іюля 1728 г. объявлялъ всѣмъ «вѣрнымъ подданнымъ малороссійскаго народа, духовнаго и мірского чина, и особливо рядовымъ казакамъ и поспольству», что до свѣдѣнія государя дошли обиды, причиняемыя козакамъ и посполитымъ генеральной войсковой канцеляріей и отдѣльными членами старшины, въ частности — гадяцкимъ полковникомъ Милорадовичемъ. «И такъ, усматривая мы, великій государь, — говорилось далѣе въ указѣ, — въ томъ нашимъ малороссійскаго народа подданнымъ, казакамъ и поспольству, такъ великіе налоги и тягости и милосердуя о тѣхъ нашихъ подданныхъ, о казакахъ и о посполитомъ народѣ, отечески повелѣваемъ и накрѣпко симъ нашимъ указомъ запрещаемъ, дабы съ сего нашего указа въ Малой Россіи полковники, старшина генеральная и полковая и сотники и прочіе всѣ рядовымъ казакамъ и поспольству налогъ, обидъ и тягостей отнюдь не чинили, а именно: при судахъ съ нихъ, казаковъ и поспольства, накладовъ и взятковъ на себя и ни на кого отнюдь не брали, и никакого питья и прочаго своего и ничьего на нихъ не накидывали, и денегъ за оное не правили и не вымогали, и ни на какія свои приватныя работы ихъ не наряжали и не посылали, и сверхъ того, что указами повелѣно, ничего не брали, и никакихъ обидъ, тягостей, и разоренія народу не чинили, а особливо у казаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго не отнимали и тѣмъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали и до разоренія не приводили. А ежели кто, презрѣвъ сей нашъ указъ, дерзнетъ сіе чинить, и о томъ позволяется на такого ослушника и презирателя нашихъ указовъ бить челомъ намъ, великому государю, въ Москвѣ въ нашей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ Малой Россіи въ генеральномъ судѣ, за что по разсмотрѣнію нашъ, императорскаго величества, указъ учиненъ будетъ и обидимымъ показана будетъ справедливость» [1]).

Настаивая такимъ образомъ на своемъ намѣреніи охранять козаковъ отъ притѣсненій старшины и, въ частности, отъ привле-

---

[1]) П. С. З., № 5305.

ченія въ подданство, центральное правительство вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалось и отъ спеціальнаго контроля надъ старшиною въ цѣляхъ прекращенія такихъ притѣсненій. Малороссійская Коллегія съ возстановленіемъ гетманства была, правда, уничтожена. Но за то въ 1728 г. былъ преобразованъ генеральный судъ: въ немъ велѣно было присутствовать «изъ великороссійскихъ тремъ персонамъ, да изъ малороссійскихъ тремъ же персонамъ, которымъ великороссійскимъ разсматривать дѣла обще съ ихъ малороссійскими судьями, и рѣшить тѣмъ великороссійскимъ и малороссійскимъ судьямъ по ихъ малороссійскимъ правамъ», наблюдая въ то же время за низшими судами и штрафуя ихъ въ случаѣ обнаруженія въ нихъ неправильныхъ рѣшеній, постановленныхъ «изъ взятковъ или для какого похлѣбства». И, проводя эту реформу, центральное правительство мотивировало ее тѣмъ, что «напередъ сего на тотъ генеральный судъ отъ малороссійскаго народа многія жалобы и его императорскому величеству челобитья бывали въ неправыхъ ихъ судахъ, а паче, что чинятся тѣ суды съ великими наклады и взятки и отъ того бѣдные казаки и посполитство и съ правдою обвинены бываютъ» [1]).

Съ своей стороны мѣстная администрація продолжала примѣнять указъ 16 апрѣля 1723 г. и порою принимала даже довольно рѣшительныя мѣры противъ сопротивлявшихся ему державцевъ. Такъ, въ 1727 г. менскій сотникъ Сахновскій сообщилъ генеральной войсковой канцеляріи, что бунчуковый товарищъ Полуницкій захватилъ въ с. Домышлинѣ въ свое «подданство» нѣсколько козаковъ. Генеральная канцелярія, найдя по справкѣ съ ревизіями, что указанныя Сахновскимъ лица дѣйствительно были козаками, распорядилась отобрать ихъ у Полуницкаго и возвратить въ козачество. Полуницкій не сталъ прямо противиться этому распоряженію, но, когда объявившіе его въ Домышлинѣ посланные уѣхали, призвалъ къ себѣ назначеннаго ими въ атаманы Василія Ананченка и велѣлъ «нещадно, сколько хотѣлъ», бить его «двойчатками конопляными». Когда же вслѣдъ затѣмъ по жалобѣ Ананченка для его осмотра пріѣхали въ Домышлинъ городовой атаманъ и сотенный асаулъ, Полуницкій, приказавъ своимъ людямъ привести ихъ къ себѣ, выговаривалъ имъ, зачѣмъ они на его маетность наѣзжаютъ и «людямъ возмущеніе чинятъ», грозился бить ихъ обухами и бранилъ передъ ними

---

[1]) П. С. З., № 5324.

сотника Сахновскаго и его отца, полкового обозного. Это не прошло Полуницкому даромъ. Извѣстившись объ его поступкахъ, генеральная канцелярія предписала доставить его въ Глуховъ къ отвѣту и вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать изъ-подъ его владѣнія с. Домышлинъ. Послѣднее скоро, впрочемъ, было возвращено Полуницкому по его просьбѣ, но наказанія онъ все-таки не избѣгъ: послѣ разбора его дѣла состоялось рѣшеніе «держать его, Полуницкаго, на арматѣ» и доправить на немъ «навязки» 40 копъ въ пользу Ананченка за побои и вдвое больше въ пользу Сахновскихъ за безчестье [1]). Въ томъ же 1727 году нѣкій Василь Звонкевичъ, «завѣдовца сотни бѣлоуской», пожаловался гетману Апостолу на чернеца Венедикта Чернявскаго, который отнялъ у него земли и «заграбилъ» его лошадей, «привлащаючи его до подданской повинности». По розыску, произведенному черниговскимъ полковникомъ, оказалось, что еще прадѣдъ Звонкевича «былъ козакомъ и во время войны татарской убитъ и дѣдъ его Филиппъ въ тое жъ время взятъ татарами въ полонъ и былъ въ полонѣ шесть лѣтъ, а онъ, Звонкевичъ, живетъ нынѣ на дѣдовскомъ и отеческомъ грунтѣ и на купленнихъ имъ, Звонкевичемъ, грунтахъ козацкихъ». Въ виду этого гетманъ выдалъ Звонкевичу особый универсалъ, въ которомъ предписывалъ, чтобы «нихто з духовнихъ и мирскихъ владѣлцовъ до подданства Звонкевича, яко по прадѣду и дѣду козака, не привлекалъ, такожъ и до грунтовъ его не интересовался» и чтобы «чернецъ Венедиктъ, що заграбилъ у него, возвратилъ и во всемъ погодилъ бы». Гетманъ написалъ объ этомъ и черниговскому епископу и требовалъ, чтобы полковая и сотенная старшина на будущее время, «вѣдаючи о семъ нашемъ опредѣленіи, его, Звонкевича, отъ обидъ и нападковъ заступали и не допускали бъ оного никому привлекать въ подданство» [2]).

Но если такимъ образомъ мѣстныя малорусскія власти и послѣ уничтоженія Малорусской Коллегіи порою освобождали изъ «подданства» захваченныхъ въ него козаковъ и иной разъ даже наказывали державцевъ, противившихся такому освобожденію, то отъ этого, конечно, было еще очень далеко до освобожденія

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 10299. Держаніе «на арматѣ», т. е. прикованнымъ къ пушкѣ, было однимъ изъ обычныхъ наказаній для козаковъ и козацкой старшины, равносильнымъ аресту. «Навязкой» именовался денежный штрафъ, уплачивавшійся, согласно Литовскому Статуту, въ пользу потерпѣвшаго оскорбленіе или насиліе. «Копа» равнялась 50 копейкамъ.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 3.

всѣхъ переведенныхъ въ посполитые козаковъ, какое предполагалось указомъ 16 апрѣля 1723 г. Мало того, — именно «урядники», пользовавшіеся широкой властью надъ населеніемъ, чаще всего и были повинны въ подобномъ переводѣ козаковъ въ посполитые. И случалось даже такъ, что тѣ самые «урядники», которые жаловались на захватъ державцами козаковъ въ «подданство», въ свою очередь вызывали подобныя же жалобы на себя со стороны козаковъ. Прилуцкій полковникъ Галаганъ, напримѣръ, жаловался генеральной войсковой канцеляріи, что державцы, не смотря на его запрещеніе, удерживаютъ въ своемъ «подданствѣ» захваченныхъ въ него козаковъ. Но одновременно на того же Галагана шли многочисленныя жалобы, что онъ и самъ захватываетъ козаковъ въ свое «подданство», пользуясь для этого всѣми видами воздѣйствія, какіе только предоставляла ему его власть полковника. Менскій сотникъ Сахновскій, какъ мы только-что видѣли, въ 1727 г. содѣйствовалъ освобожденію козаковъ с. Домышлина, повернутыхъ было въ посполитые владѣльцемъ этого села Полуницкимъ. А въ 1728 г. нѣсколько жителей другого села менской сотни, Величковки, обратились въ генеральную канцелярію съ жалобой на отца сотника Сахновскаго, наказного полкового обознаго. Когда нынѣшній обозный — разсказывали жалобщики — былъ еще менскимъ сотникомъ, онъ насильственно повернулъ ихъ изъ козаковъ въ посполитые, воспользовавшись для этого различными поводами. Меня — повѣствовалъ, напр., одинъ изъ жалобщиковъ, Михаилъ Давиденко, — Сахновскій сталъ посылать въ походъ, когда я былъ боленъ; «за якою болезнію якъ сталъ я от него от походу отпрашиваться, оній обозній приказалъ мнѣ его слухать», и такимъ путемъ обратилъ его въ свои посполитые. И опросъ свидѣтелей, равно какъ справки съ козацкими компутами, вполнѣ подтвердили справедливость этихъ жалобъ [1]).

Бывало и такъ, что тѣ или иные «урядники», не переводя

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 5, св. 1, № 24. Тотъ способъ верстанія посполитыхъ изъ козаковъ, о какомъ свидѣтельствовалъ Давиденко, примѣнялся и многими другими «урядниками». Совершенно аналогичное показаніе дали, напр., козаки бѣлоуской сотни, Павелъ Силка съ товарищи, о «старомъ» (генеральномъ обозномъ) Борковскомъ въ челобитной, поданной ими 3 марта 1741 г. въ генеральную войсковую канцелярію на бунчуковаго товарища Андрея Борковскаго: «еще мы сами памятуемъ, какъ козаковъ обозний енералний Бурковский в мужицство подвернулъ такимъ образомъ, что когда кто в походъ какой-нибудь не виступилъ, того онъ в подданство подвернулъ». Тамъ же, оп. 5, № 86.

формально козаковъ въ посполитые, на дѣлѣ приравнивали ихъ къ послѣднимъ, возлагая на нихъ такія работы, которыя не были свойственны козакамъ. «Я, Петро Хоменко, з дѣда и отца козакъ, — жаловался въ 1728 г. одинъ изъ козаковъ г. Гадяча миргородскимъ полковому судьѣ и писарю, производившимъ по порученію гетмана и состоявшаго при немъ резидентомъ Наумова слѣдствіе о насиліяхъ гадяцкаго полковника Милорадовича, — а нынѣ на старость былъ в теразнѣйшого (теперешняго) господина полковника гадяцкого в дворѣ на тижневой (недѣльной) сторожи, чого за прежнихъ полковниковъ не бывало, и, будучи в дворѣ, грубу (печь) топилъ, дрова рубавъ, конѣ наповавъ и подчищавъ, воду цебромъ (ведромъ) носячи, корови наповавъ, конюшому его панскому чоботи чистивъ и, що нѣ заставляли, мусѣвъ (долженъ былъ) робити». Кромѣ Хоменка, такія же жалобы подали еще 24 гадяцкихъ козака. И всѣ они въ заключеніе своихъ жалобъ просили, чтобы они «подлугъ (согласно) монаршихъ грамотъ и ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана унѣверсаловъ отъ такихъ издревле в Украинѣ небывалихъ работизнъ были свободни и при прежнихъ своихъ козацкихъ волностяхъ захованн»[1]).

Выбиться изъ такого «подданства» у «урядниковъ» при той власти, какою располагали послѣдніе, козакамъ въ большинствѣ случаевъ было очень трудно. Будучи по отцу козаками и придя въ с. Жабчиги, — разсказывали въ 1729 г. два брата Дрозденки въ поданной гетману челобитной — мы «купили себѣ козацкіе плецы для житя и хотѣли козацкую службу служить такъ, якъ и отецъ нашъ, но, понеже тое село было за разными панами полковниками черниговскими въ подданствѣ и нельзя было такъ сильной власти противиться [ибо не токмо намъ не возможно было, але въ нѣкоторыхъ маетностяхъ и зажилые старые козаки подвернены были иные въ подданство, а другіе въ боярскую службу], того ради мусѣли усиловне отбувать подданскую повинность... Когда же бывшій сотникъ седневскій Петро Войцеховичъ взялъ за себе дочерь покойного п. Полуботка, полковника черниговского, въ жену, оный Полуботокъ, имѣючи тогда зуполную власть, отдалъ ему, Войцеховичу, зятеви своему, помянутое полковое село Жабчичи въ приданыхъ; и за онымъ будучи мы въ подданствѣ, не только могли по прежнему въ козацкомъ

---

[1]) Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 384.

званіи быть, але и другихъ того села всѣхъ козаковъ, которые уставично козацкую службу прежде его владѣнія служили, подвернулъ до своего двора въ приватное боярское послушенство, якіе больше десяти рокъ (лѣтъ) при его Войцеховичевомъ дворѣ, а не при сотнѣ, служили». Въ 1723 г. оба Дрозденка, какъ и всѣ остальные козаки въ Жабчичахъ, были возвращены въ козачество, но въ 1729 г. вдова Войцеховича стала вновь привлекать ихъ въ свое «подданство» и они, не найдя себѣ защиты у полковой старшины, обратились за помощью «отъ затѣяннаго насилія» къ гетману [1]).

Но точно также не легко было выбиться изъ «подданства» и всякаго вообще сильнаго державцы. Какъ мало иной разъ помогалъ населенію въ этихъ случаяхъ Петровскій указъ 1723 г., можетъ показать характерная исторія, разыгравшаяся въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія въ расположенныхъ на территоріи Стародубовскаго и Нѣжинскаго полковъ имѣніяхъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря. Часть проживавшаго въ этихъ имѣніяхъ населенія еще при Самойловичѣ вписалась въ козаки и нѣкоторое время отбывала козацкую службу. Однако въ гетманство Мазепы монастырь вновь повернулъ этихъ козаковъ въ посполитство. Послѣ того, по ихъ жалобѣ, «гетманъ Скоропадскій опредѣлилъ въ 1711 г. козаковъ сколько - десять (нѣсколько десятковъ) въ селахъ чернечихъ, а именно въ Олтарѣ, В'овнѣ, Глазовѣ, Жиховѣ, которыхъ дѣды, отцы и сами они служили козацко». Но и это «опредѣленіе» продержалось не долго: «когда оніе козаки пришли съ походу полтавского, теди черн цѣ новгородскіи въ подданство ихъ себѣ насильно привернули» [2]). Съ учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи населеніе монастырскихъ селъ обратилось къ ней съ жалобами и Коллегія, руководясь указомъ 16 апрѣля 1723 г., часть этого населенія оставила въ посполитыхъ, а часть перевела въ козаки. Однако монастырь не оставилъ этихъ «нововписныхъ» козаковъ въ покоѣ. Когда же послѣдніе пожаловались на переносимыя ими отъ монаховъ обиды въ генеральную канцелярію и та вызвала въ 1724 г. монастырскаго «городничаго», іеромонаха Венедикта, къ отвѣту, монастырь не пустилъ его въ Глуховъ, прося не вмѣнить ему это «въ явную противность» и ссылаясь на то, что у него съ «нововписными» козаками состоялось уже соглашеніе. «Чолобитя ихъ (ко-

---

[1]) Сулимовскій Архивъ, К. 1884, сс. 275—7.
[2]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I, сс. 224, 227.

заковъ) — писалъ правителямъ генеральной канцеляріи черниговскій епископъ Иродіонъ — вашмосцѣ панство не извольте ставить в дѣло, кгдижъ (такъ какъ) я и самъ извѣстенъ, что по тому помѣркованю (соглашенію) нашомъ жадной (никакой) имъ, жиховцамъ, ни от кого з нашихъ не было обиды. Намъ надлежитъ до вмм. панства на ихъ, нововписнихъ козаковъ, подданнихъ нашихъ, челобитствовати, что они, осѣвши на кгрунтѣ нашемъ церковномъ мужиками, теперь покозачилися над указъ императорского величества, в которомъ доложено быть тимъ в козацкой службѣ, которихъ дѣди и отци прежде сего служили в козакахъ и были в походахъ, а владѣлци взяли ихъ поневолѣ в свое подданство, а ихъ, нововписныхъ козаковъ, ни отцы, ни дѣды, ни они сами не служили никогда в козакахъ и нигде ихъ в компутѣ козацкомъ не машъ, но в мужицкомъ компутѣ отци и дѣди ихъ от того времени, якъ они самоволне без принужденія тамъ въ селѣ Жиховѣ в кгрунтѣ монастырскомъ на слободѣ стали жити, а ежели которого з тихъ нововписнихъ козаковъ отецъ или дѣдъ или онъ самъ где на сторонѣ козаковалъ, то кгрунту нашего церковного по тому они себѣ в награжденіе привлащати (присвоивать) указу не имѣютъ и, если и теперъ хотятъ козаковати, в ихъ волѣ сіе буди, но з кгрунту церковного нашего должни уступити, а починать что над указъ императорского величества яко они, нововписніе козаки, не повинни, такъ и вмм. панство сили и волѣ имъ в томъ не изволте давати и нашихъ же подчиненнихъ на насъ вооружати» [1]). Такимъ образомъ Спасскій монастырь, не рѣшаясь открыто сопротивляться распоряженію Коллегіи, все же не оставлялъ своихъ притязаній на «нововписныхъ» козаковъ, трактовалъ ихъ, какъ своихъ «подчиненныхъ», и отрицалъ за ними, разъ они хотѣли оставаться въ козачествѣ, всякое право на тѣ земли, которыя они передъ этимъ обрабатывали и съ которыхъ кормились. Съ своей стороны вписанные въ козачество жители монастырскихъ селъ, естественно, не могли помириться съ такимъ пониманіемъ ихъ положенія и въ результатѣ между ними и монастыремъ продолжалась упорная борьба.

Съ возстановленіемъ гетманства «нововписные» козаки обратились съ жалобами на Спасскій монастырь къ получившему гетманскую булаву Апостолу. Жалобы эти были поддержаны и

---

[1]) Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 938.

мѣстной сотенной старшиной и Апостолъ далъ послѣдней предписаніе защищать живущихъ въ монастырскихъ селахъ козаковъ отъ притѣсненій со стороны монаховъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Спасскій монастырь — какъ писалъ позднѣе его архимандритъ Нилъ гетману — пришла вѣсть, что ямпольскій сотникъ Оболенскій, «ездячи в волости Димитровской уезду Новгородского по селамъ монастырскимъ, а презентуючи ея императорского величества указъ и рейментарскій унѣверсалъ, вписуетъ подданнихъ монастирскихъ до своей сотнѣ в компутъ козацкій». Тогда монахи отправили двухъ посланцовъ, чтобы они «увѣдомились совершенно, от кого онъ, сотникъ, таковую власть, же (что), не объявя въ обитель, подданихъ монастирскихъ, хотящихъ и не хотящихъ, а иныхъ и в дому не прилучившихся, в козаки, а войтовъ атаманами пописалъ, в тихъ селахъ, где з начала оныхъ селъ не бывало козаковъ, гдижъ (такъ какъ) то на грунтахъ грамотнихъ монастирскихъ слободи садились, а любо (хоть) во времена различніе всенародныхъ возмущеній и отзывалися самоволніе ребеллѣзанти (бунтовщики), еднакъ рейментарская власть заразъ таковыхъ, иныхъ с походу, а иныхъ по походѣ привращала з наказаніемъ до повинности подданической». «Тые посланци монастирскіе, — продолжалъ свой разсказъ архимандритъ — не постигши сотника в волости Димитровской, объездили по ряду села монастирскіе, утверждаючи людей, абы непохибно в подданствѣ содержались. Потомъ и отецъ намѣстникъ, іеромонахъ Герасимъ, поехалъ в тую же волость, намѣреваючи всѣ села объехать, возмущеніе разсмотрѣть и, яко преждные посланники, народъ возмущенній у подданствѣ утверждать». Но, когда отправившійся съ такими намѣреніями намѣстникъ доѣхалъ до села Жихова, его постигла полная неудача. «Тые жиховцѣ, подданые монастирскіе, еще не видѣвши въ селѣ отца намѣстника и жадного (ни одного) слова, злого или доброго, от него не слышавши, а уже пріуготовани будучи до забойства», начали съ того, что «посланному по войта и по громаду паробку лобъ разбили». Когда же послѣ этого намѣстникъ велѣлъ взять и связать двоихъ изъ нихъ и собирался увезти ихъ съ собою, «отнимаючи прочимъ силу и дерзновеніе до далшого бунту и забойства», то «все множество противниковъ, забѣгши отца намѣстника на гребелцѣ противъ церкви з друччемъ и списами (кольями и копьями) начали его и бывшихъ при немъ бить нещадно и прибили бы его на томъ же мѣстѣ в смерть, еслибы не будка (возокъ) крѣпкая за-

щитила и конѣ пронесли». Но и быстрота лошадей не спасла намѣстника отъ жиховцевъ. «Въ другомъ мѣстѣ на селѣ жъ другіе переняли такіе жъ бунтовщики и били его, отца намѣстника, утѣкаючого. Потомъ, порѣзавши на коняхъ будки писаревой шоры и на тихъ же коней впавши, гнали вслѣдъ за отцемъ намѣстникомъ и на полъпути ко дворцу димитровскому постигши, коней тяжкимъ боемъ в морди загамовавши (удержавъ), разбойническому своему намѣренію, розбивши колясу, чинили задосить (доставили удовлетвореніе) и, мало не до смерти, якъ снопъ молотя, прибивши, завернули з собою в село». Отсюда намѣстника отправили «при множествѣ з цепами и направецъ з косами овыхъ разбойниковъ до Янполя к сотнику», а послѣдній препроводилъ его подъ конвоемъ въ Глуховъ. Сообщая обо всемъ этомъ гетману, архимандритъ просилъ его — «по святой справедливости разсмотрѣвши, з напрасного возмутителя сотника сатисфакцію дати, бунтовщиковъ же подданихъ за побой своей власти достойно наказавши, маетности монастирскія в преждней тишинѣ и возмущенное подданство в непрекословномъ ку обители святой послушенствѣ всеповажнымъ унѣверсаломъ рейментарскимъ утверди по примѣру антецессоровъ ясневелможности вашея». Съ своей стороны «нововписные» козаки также жаловались гетману, изображая при этомъ событія въ совершенно иномъ освѣщеніи. «Черцѣ новгородскіе — писали они — якъ прежде за козацство наше смертнимъ боемъ бивали, от якого иніе и померли, и со всѣми нашими пожитками разорували, такъ и теперь вишъпомянутіе черцѣ, дочувшися (услышавъ), что, якъ дѣди и отци наши в разныхъ походахъ службу козачую его имп. в-ву отбували, и мы похотѣли такожъ ея имп. в-ву служить, напали ночю, иныхъ повязавши козаковъ били без пощады, отпровадили в монастиръ новгородскій в турму, а быдло, конѣ, товаръ рогатий, овци, свинѣ со всѣмъ нащадкомъ (приплодомъ) до монастира своего отобрали». И в заключеніе козаки, въ свою очередь, просили «милостивого разсмотрѣнія, дабы черцѣ болшъ насъ не мучили и наши пожитки вспять намъ повернули».

Гетманъ однако сталъ на сторону монастыря, настойчиво указывавшаго, что среди людей, отказывающихъ ему въ послушаніи и именующихъ себя козаками, имѣется не мало такихъ, которыхъ и Малороссійская Коллегія признала посполитыми. «Его преподобіе отецъ Нилъ, архимандритъ обители Свято-Спасской Новгородской, з братіею — писалъ Апостолъ въ универсалѣ, вы-

данномъ имъ Спасскому монастырю 9 іюля 1730 г. и обращенномъ къ старшинѣ Нѣжинскаго и Стародубовскаго полковъ, — прекладалъ намъ, что въ маетностяхъ, до оного монастира надлежащихъ, а именно сотнѣ новгородской в селахъ Вовнѣ, Глазовѣ, Олтарѣ, Жиховѣ, Пигаровцѣ, Горбовѣ, Горкахъ, Дегтярувцѣ, Кудласовцѣ, да воронѣжской сотнѣ в селѣ Собичевѣ многіе подданіе, власніе (настоящіе) мужики и на державскихъ кгрунтахъ мешкаючіе (живущіе), завзявши пред себе самоволство и легкомислность, не хотятъ подданического отбувать послушенства и в козаки тиснутся». В виду этого Апостолъ нашелъ нужнымъ подтвердить, что приговоренные Коллегіей къ оставленію въ поспольствѣ «подданные» Спасскаго монастыря не имѣютъ права вписываться въ козачество и требовалъ, чтобы «онихъ подданныхъ нѣхто не смѣлъ и не важился (отваживался) от той обители отривать и оны б отдавали той подданическое послушенство и повиновеніе». Не ограничиваясь этимъ, Апостолъ принялъ рѣшительные мѣры къ усмиренію тѣхъ селъ, въ которыхъ недовольство властью проявилось въ особенно рѣзкой формѣ и, повидимому, даже смѣстилъ ямпольскаго сотника Оболонскаго, вызвавшаго своими распоряженіями о вписываніи монастырскихъ посполитыхъ въ козаки сильное негодованіе со стороны монастыря. «От многа времени — писалъ гетману 22 іюля 1730 г. архимандритъ Нилъ — обитель Всемилостиваго Спаса Новгородская, имѣючи ясневелможность вашу преизящнѣйшаго патрона, нижайшими, паче же непрестанними благодареніи прославляетъ высокое имя ваше рейментарское; нынѣ же укрощеніе возмущенныхъ бывшимъ сотникомъ янполскимъ подданыхъ монастирскихъ и привернение тихъ чрез ординованного (посланнаго) отъ боку ясневелможносты вашей пана сотника новгородского по прежнему до послушенства когда во умъ пріемлемъ, достойнаго благодаренія отнюдь изобрѣсти не можемъ». Тѣмъ не менѣе монахи еще не считали себя вполнѣ удовлетворенными. «З единого толко сотника янполского Михаила Оболонского — писалъ архимандритъ — правной (законной) сатисфакціи всесмиренно просимъ, которій тогда, возмутивши народъ, грозно приказовалъ бити до смерти, хто бы в село явился з монастира, не токмо з меншихъ, но и намѣстника де и архимандрита бійте заровно, якожъ и собылось на отцу Михайловичу намѣснику». «И затимъ (вслѣдствіе этого) донынѣ дворовъ нѣсколко жиховскихъ осталось непокорныхъ, — прибавлялъ архимандритъ. — А взяти ихъ и представити суду ясне-

велможности вашея нельзя, понеже, вооруженни косами, кріютъся днемъ в пущи, а в ночи, пришедши в село, возмущаютъ смирившихся людей, и весма небезпечно (небезопасно), впредь до подобного забойства и разоренія будетъ, донелѣже слышатимутъ (пока они будутъ слышать) дерзновеніе имуща пред лицемъ велможносты вашея предводителя своего сотника янполского, з которого о сатисфакцію правную стократне усугубляемъ богомолческое прошеніе». Изъ находившихся въ моемъ распоряженіи архивныхъ бумагъ не видно, было ли удовлетворено гетманомъ и это «богомольческое прошеніе» монаховъ Спасскаго монастыря, но во всякомъ случаѣ большую часть «нововписныхъ» козаковъ въ своихъ имѣніяхъ они успѣли при помощи Апостола возвратить обратно в свое «подданство»[1]).

Не менѣе увѣренно обращались въ подобныхъ случаяхъ къ помощи Апостола и другіе монастыри. «В прошломъ 1728 г. в мѣсяцѣ декабрѣ — писала въ 1729 г. черниговскому епископу Иродіону Жураковскому игуменья женскаго Пятницкаго монастыря въ Черниговѣ — сотникъ бѣлоускій Василій Корсаковъ, по маетностяхъ монастирскихъ ездячи, не вѣдать почему, многихъ подданнихъ монастирскихъ в онихъ маетностяхъ, в козаки определяючи, повписовалъ в реестръ самихъ можнѣйшихъ (зажиточныхъ), числомъ до 35 человѣкъ, и приказалъ тимъ всѣмъ подданнимъ, ижъбы (чтобы) они якъ обикновенной осенщины на монастиръ не отдавали, такъ и на консистентовъ не давали з другими подданними монастирскими, но вистатчали (доставляли) бъ что надлежитъ с козаками». Монастырь — разсказывала игуменья — пожаловался въ полковую канцелярію и по этой жалобѣ сотникъ «сысканъ былъ в канцелярію, и такій его самоволній поступокъ з оной канцеляріи зганено (не одобрили) и былъ приказъ ему, чтобъ онъ жадними мѣрами (никакимъ способомъ) до подданнихъ не интересовался и обѣды нашему монастиревѣ не затѣвалъ; но онъ, сотникъ, и потому своего не укротивши самоволства, подданнихъ монастирскихъ в козаки собою приволѣкать не оставляетъ, от якого сотничого самоволства между всѣми подданними монастирскими чинится немалая смута и помѣшателство». И игуменья просила епископа «вложиться до ясневелмож-

---

[1]) Рум. Музей, Архивъ Маркевича, №№ 1729 и 264; Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/250; Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 242. См. также А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I, с. 229, прим. 384, и П. Кулишъ. Обзоръ украинской словесности. «Основа». 1861 г., № 1, сс. 179—80.

ного его милости пана гетмана, жебы (чтобы) в такой претяжкой от оного сотника монастиру Дѣвичому Чернѣговскому дѣючойся обидѣ учиненна была з него справедливость и чтобъ впредь онъ, сотникъ, до подданнихъ монастирскихъ не интересовался»[1]).

Не уступали монастырямъ въ охранѣ своихъ маетностей и въ способахъ воздѣйствія на ихъ населеніе и свѣтскіе державцы. Такъ, напримѣръ, въ 1732 г. житель дер. Хомутовки въ Стародубовскомъ полку, Василь Прикотъ, жаловался вмѣстѣ съ своими братьями Апостолу, что хотя по ихъ просьбѣ и состоялся гетманскій указъ о включеніи ихъ въ козачество и освобожденіе изъ «подданства» Василія Лисаневича, но указъ этотъ ничего не перемѣнилъ въ ихъ судьбѣ. «По этому указу мы — писалъ Прикотъ — не получили от пана полковника жадной (никакой) резолюціи, любъ еще Лѣсаневичъ, наихавши ночною порою, совсѣмъ домъ разорилъ, матокъ нашихъ якъ в татарскій полонъ позабиралъ, а брату моему меншему болѣе ста кіевъ далъ, а мене, зискавши передъ обозного полкового стародубовского, принуждаючи купно з Лисаневичемъ в мужичество, билъ немилостиво, чтобъ не служить козачества, толко насилствомъ приганяютъ въ мужичество»[2]). Но такія жалобы гетману далеко не всегда давали результаты. Въ томъ же 1732 г. козаки с. Антоновки въ Прилуцкомъ полку принесли гетману жалобу на державцу этого села Ивана Свѣчку. «Не минаючи меншого суду, якъ сотенного, такъ полкового, — писали они — ускаржалися (жаловались) ми на пана Ивана Свѣчку, товариша бунчукового, которій намъ, жалобливымъ, обиду дѣлаетъ немалую, подвертая насъ в подданство себѣ, и статки (скотъ) позабиралъ, не слушая якъ сотенного приговору, такъ и полкового, хотя и писано до него, чтобъ насъ не занималъ и не подверталъ под себе вмѣсто подданнихъ, и онъ тому противнимъ является и началъ ганить (бранить), никого противъ себе не ставя». Получивъ эту жалобу, Апостолъ приказалъ прилуцкому полковнику распорядиться, чтобы Свѣчка не привлекалъ антоновскихъ козаковъ въ свое подданство и возвратилъ имъ заграбленный у нихъ скотъ. Однако Свѣчка не послушался и черезъ нѣкоторое время Апостолъ повторилъ свой приказъ, поручивъ приведеніе его въ исполненіе генеральному хоружему Горленку. Но и на этотъ разъ Свѣчка не послушался и Горленко обратился къ Апостолу, прося «резолюціи, якъ би съ нимъ, Свѣчкою,

[1]) Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 1775.
[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 876.

поступить». «Затѣмъ — отвѣтилъ гетманъ — предлагаемъ в. милости: понеже п. Свѣчка неслушне (несправедливо) тѣхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и, статки у нихъ неналежне позабиравши, не возвращаетъ и надъ указъ нашъ ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли, вмть, отъ себе кого исправного, абы столко жъ, сколко би моглъ стоить заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него, Свѣчки, и тотъ грабежъ поотдавай, вмть, напрасно отъ него пограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ (не должны) оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ (собственныхъ) и что позабиралъ не возвратитъ». Но и это, казалось бы, достаточно энергичное распоряженіе гетмана не имѣло успѣха. Прошло еще семь мѣсяцевъ — и жоравскій сотникъ доносилъ прилуцкому полковнику, что Свѣчка по прежнему остается «противенъ»: «не слушаетъ якъ вашого панского указу, такъ моего обстоеванння, еще бранитъ и козакамъ статку не вертаетъ» [1]).

Наряду съ такимъ захватомъ державцами козаковъ въ посполььство отдѣльные члены старшины въ своихъ личныхъ интересахъ допускали, правда, порою и переводъ посполитыхъ въ козачество. Въ 1732 г. гетманъ получилъ донесеніе, что прилуцкій полковникъ Игнатъ Галаганъ, «мимо тамошней полковой старшины» и вопреки ея протестамъ, «природныхъ мужиковъ, которыхъ отцы и дѣды посполитую отбывали тяглость и сами они въ мужицкомъ пребывали званіи, кого похощетъ, вписываетъ въ козацкій компутъ, имѣя себѣ совѣтника своего полкового писаря, который въ дворѣ его, полковника, край конюшни, полковою канцеляріею правитъ, такъ, что старшина тамошняя никогда ни о чемъ не вѣдаетъ». Апостолъ отправилъ для разслѣдованія этихъ обвиненій въ Прилуцкій полкъ генеральнаго хоружаго Горленка и произведенное Горленкомъ слѣдствіе, дѣйствительно, обнаружило многочисленные случаи взятокъ при пріемѣ «нововписныхъ» козаковъ, выяснивъ притомъ, что такія взятки брались не только полковникомъ и полковымъ писаремъ, но и нѣкоторыми другими членами мѣстной старшины. Выясненіе этихъ случаевъ далось, правда, генеральному хоружему не безъ труда. «Когда — сообщалъ онъ гетману, описывая ходъ своего слѣдствія, — тихъ новоуписнихъ спрашивалъ, за уписное платили ли они кому или по дружбѣ якой онимъ не велено быть посполитими, то значала, поколь еще

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 3258; А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 387.

о томъ не провѣдала старшина, якая взимала датокъ, то почали были сказовати, а другимъ якъ заказано, то перестали являти, повѣдаючи, будто за ласку ихъ попринимано, чому весма и вѣрить не можно». Во всякомъ случаѣ Горленку удалось установить, что болѣе ста человѣкъ посполитыхъ были приняты въ козаки Галаганомъ и другими членами старшины за деньги, и Апостолъ распорядился, чтобы виновная старшина внесла взятыя ею суммы въ генеральную канцелярію въ двойномъ размѣрѣ для возврата ихъ тѣмъ, отъ кого онѣ были взяты [1]). Врядъ-ли это распоряженіе гетмана было выполнено въ дѣйствительности, но оно имѣло значеніе своего рода острастки и во всякомъ случаѣ заключало въ себѣ рѣшительное порицаніе дѣйствій Галагана и его ближайшихъ помощниковъ.

Поскольку дѣло шло о пріемѣ въ козаки «природныхъ мужиковъ», посполитыхъ «съ отца и дѣда», такое порицаніе было согласовано и съ установившейся уже съ конца XVII вѣка практикой малорусской администраціи, и съ указомъ 16 апрѣля 1723 г., и въ этой своей части гетманская резолюція была вполнѣ подготовлена слѣдствіемъ Горленка, какъ вполнѣ подготовлено было этимъ слѣдствіемъ и рѣшеніе гетмана возвратить такихъ «природныхъ мужиковъ», принятыхъ въ ряды прилуцкаго козачества, въ посполитство. Но, производя свое слѣдствіе, Горленко столкнулся и съ болѣе сложными фактами, поставившими его въ немалое

---

[1]) Въ бумагахъ, относящихся къ этому дѣлу, сохранились и нѣкоторые «реестры» взятокъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, представленный Горленку посполитымъ Манджолой, добивавшимся козачества, но по рѣшенію гетмана присужденнымъ оставаться въ посполитствѣ: «Реестръ мнѣ, Ивану Манджолѣ, сколко витратилъ денегъ, уписуючися в козацство: Напродъ пану полковниковѣ положилъ рублей 4. — Якъ принято у значки, далъ пану полковниковѣ рублей 3. — Пану сотниковѣ полковому перве, якъ уписовался ж в козацство, далъ денегъ рубля 1. — Другимъ разомъ, якъ поехалъ в Глуховъ, далъ рубля 1. — Писару сотницкому далъ золотихъ 2. — Пану писару полковому, якъ принято мене в козацство, далъ рубля, а якъ принято под значокъ, далъ рубля ж, и того 2 р. — Подписковѣ полковому далъ полъ таляра. — Итого моей утрати 11 рублей и 70 копѣекъ». Или вотъ еще «реестръ», составленный уже въ генеральной канцеляріи: «В войсковой енералной канцеляріи з слѣдствія, от пана хоружого енералного в оную канцелярію енералную присланного, о нововписавшихся козакахъ виписано, хто именно и что з онихъ козаковъ сотниковѣ полковому п. Петру Носенку, вписуючись в козаки, давалъ денегъ, о томъ ниже явствуетъ: Иванъ Манджола далъ два рублѣ. — Василь Сидоренко таляра. — Федоръ Татаринъ таляра. — Павелъ Ондрущенко чтири золотихъ. — Иванъ Харченко девять золотихъ. — Яковъ Приступа рубля. — Савка Швецъ чотири золотихъ. — Федоръ Клименко таляра. — Семенъ Дубогаенко копу. — Антонъ Ярмакъ сѣмь золотихъ. — Максимъ Губаненко чтири золотихъ. — Иванъ Ситниченко золотий. — Моисѣй Омелченко полталяра. — Итого всего 11 рублей 40 копѣекъ». Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 3258. Ср. А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 44—5.

затрудненіе. «По указу ясневелможности вашой, пана моего милостивого и добродѣя, — писалъ онъ гетману 25 апрѣля 1732 г. — слѣдствіе в полку Прилуцкомъ о новоуписнихъ козакахъ дѣлаю, а понеже между оними новоуписними многіе такіе являются, что з инихъ полковъ, яко то з Чернѣговского, Нѣжинского и протчіихъ, такожде и из сего полку Прилуцкого з инниxъ сотенъ въ другія сотнѣ в села державскіе и протчіе позаходили давно, ухиляючись (уклоняясь) от службы войсковой, и, тамъ живучи по лѣтъ двадцять и болше своею волею посполито, поселившись на владѣлческихъ земляхъ, поля себѣ около тихъ селъ порос-пахували, сѣножати позанимали и протчіе понаживали кгрунта, а теперъ з тихъ кгрунтовъ не хотятъ посполито отбувати, но тиснутся в козацство, между которими есть и такие, что з тихъ полковъ, где козаковали, на картахъ привозятъ свѣдителства о своемъ прежномъ тамъ будучомъ козацствѣ; а в полку Прилуцкомъ въ инихъ сотняхъ инихъ дѣди и отци, то дядки онимъ и инніе кревніе (родные) в старихъ полку Прилуцкого компутахъ стоять козаками; и потому оніе новоуписніе, на помянутыхъ кгрунтахъ живучи, хотятъ быти козаками жъ, а ихъ з козацства в посполство нихто силно не повернулъ, но, якъ вишше виражено, своею волею стали они посполитими и до сего часу все посполито отбували. И такимъ, — спрашивалъ Горленко — на показаннихъ владѣльческихъ земляхъ живучи, мощно ли быть козаками или отправлять ихъ на ихъ козачіе кгрунта, гдѣ они прежде козаковали? З которими новоуписними козаками якъ мнѣ поступить, прошу всепокорственно отъ ясневелможности вашей рейментарского наставленія» [1]).

Смутившій Горленко вопросъ, дѣйствительно, не такъ легко поддавался разрѣшенію. Въ первое время самостоятельнаго существованія гетманщины при наличности вполнѣ свободнаго перехода козаковъ въ посполитые и обратно такого вопроса просто не могло возникнуть, такъ какъ тогда посполитый, какъ и козакъ, считалъ землю, на которой онъ сидѣлъ, если только она не была землей общинной, своей собственностью и это право собственности на землю признавалось за нимъ и властями. Поэтому тогда ни козакъ, переходившій въ посполитые, ни посполитый, вступавшій въ козаки, не утрачивали правъ на свою землю и она не являлась препятствіемъ для такихъ переходовъ

---

[1]) Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 2266.

изъ одной группы населенія въ другую. Позже, съ концомъ XVII вѣка, когда выросли и окрѣпли права владѣльцевъ имѣній, это положеніе существенно измѣнилось и малорусскія власти, какъ мы знаемъ, стали отрицать за перешедшими въ посполъство козаками право вернуться въ козачество, если они сидѣли на посполитскихъ или владѣльческихъ земляхъ. Петровскій указъ 16 апрѣля 1723 г. вернулъ тѣмъ посполитымъ, которые могли доказать, что раньше они сами либо ихъ отцы или дѣды отбывали козацкую службу, право возврата въ козачество, но этотъ указъ совершенно не касался вопроса о земляхъ, на которыхъ сидѣли получившіе такое право посполитые. Между тѣмъ данный вопросъ въ новыхъ условіяхъ малорусской жизни успѣлъ пріобрѣсти весьма серьезное значеніе. Населеніе гетманщины въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ не оставалось неподвижнымъ. Немалая часть его передвигалась съ мѣста на мѣсто въ поискахъ большей свободы и большаго земельнаго простора и изъ сѣверныхъ, сравнительно густо заселенныхъ полковъ шла непрерывная волна переселенцевъ въ менѣе заселенные южные полки. При этомъ нерѣдко такіе переселенцы переходили и въ другую группу населенія и человѣкъ, который на прежнемъ мѣстѣ своего жительства былъ козакомъ, на новомъ, куда онъ являлся безъ достаточныхъ средствъ для немедленнаго обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ, становился «подданнымъ» того или другого владѣльца. Нерѣдко случалось и такъ, что козакъ вступалъ въ подобное «подданство», не выходя изъ своего села, но все же переходя на посполитскую или на владѣльческую землю. Въ силу указа 1723 г. всѣ такіе «подданные», равно какъ ихъ ближайшіе потомки, пріобрѣтали право возбуждать иски о своемъ козачествѣ и эти иски должны были разрѣшаться въ ихъ пользу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ лицами и учрежденіями, разсматривавшими такіе иски, неизбѣжно долженъ былъ вставать и вопросъ, поднятый Горленкомъ, — вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ такіе возвращающіеся въ козачество посполитые были связаны съ тѣми землями, на которыхъ они сидѣли, и должны ли были эти земли оставаться за ними или за владѣльцемъ имѣнія.

Вопросъ этотъ возникалъ, конечно, не только въ Прилуцкомъ полку и за разрѣшеніемъ его обращался къ гетману не одинъ Горленко. Въ томъ самомъ 1732 г., когда послѣдній производилъ свое слѣдствіе въ Прилуцкомъ полку, къ гетману поступило нѣсколько жалобъ на березанскаго сотника Переяславскаго полка,

Якова Корнѣенка. Бунчуковые товарищи Федоръ Марковичъ и Иванъ Себастіановичъ жаловались на обращеніе имъ въ с. Ветовѣ «козаковъ и другого званія людей, на волной войсковой землѣ поселившихся, себѣ въ подданство», войсковой товарищъ Петръ Думитрашко Райча — на «завладѣніе имъ въ томъ же селѣ Ветовомъ многими кгрунтами и поселенними людми его Райчиними». Съ своей стороны Корнѣенко, отвѣчая на эти жалобы, утверждалъ, что люди, о которыхъ говорятъ жалобщики, живутъ на купленныхъ имъ земляхъ, и въ доказательство ссылался на имѣющіяся у него купчія. Для провѣрки жалобъ произведено было слѣдствіе, а затѣмъ гетманъ назначилъ въ началѣ 1733 г. для разбора дѣла особую коммиссію изъ трехъ лицъ — Славуя Требинскаго, бориспольскаго сотника Стефана Афендика и войскового канцеляриста Федора Войны. Гетманскій «указъ» предписывалъ этой коммиссіи разсмотрѣть споръ Корнѣенка съ его обвинителями на мѣстѣ и давалъ ей такую инструкцію: «когда явится по купчимъ, на которихъ сотникъ березанскій Корнѣенко утверждается, что онъ, сотникъ, неслушне (несправедливо) козаками и другого званія людми завладѣлъ и оніе на своихъ власнихъ (собственныхъ) кгрунтахъ, а не на его, сотничихъ, живутъ, то бъ ихъ паки в компутъ козацкій принять и ихъ в томъ козачествѣ и утвердить, а другого званія людей, куда надлежитъ, привернуть». Согласно этому указу назначенныя въ коммиссію лица съѣхались въ с. Ветовѣ и, разсмотрѣвъ здѣсь дѣло, донесли гетману, что они «крайнимъ окончаніемъ, кому быть козакомъ, а кому посполитымъ и подъ кимъ, исправили». «А именно, — излагали они свое рѣшеніе — которіе з дѣда и отца козаки и на козацкомъ своемъ кгрунтѣ живутъ, а инніе и захожіе, да на отбѣзкомъ козачомъ же кгрунтѣ живутъ [1]), тимъ быть козаками, а которіе на державскомъ грунтѣ живутъ, хотяй и козаки, не токмо посполитіе, тимъ быть в подданствѣ под державцею села Ветова, под войсковимъ товаришемъ Петромъ Думитрашкомъ Райчею». Эту общую формулу члены коммиссіи развернули затѣмъ и въ болѣе пространномъ и вмѣстѣ болѣе точномъ видѣ. Перечисливъ признанныхъ ими за козаковъ лицъ, жившихъ на своихъ собственныхъ или на «отбѣзкихъ» козацкихъ

---

[1]) «Отбѣзкимъ грунтомъ» называлась земля, оставшаяся, за уходомъ (убѣгомъ) ея владѣльца, безъ хозяина. Обычно такія «отбѣзкія» земли поступали въ распоряженіе общины, которая могла посадить на нихъ новыхъ поселенцевъ. См. мои «Очерки», вып. 1, сс. 196—199.

земляхъ, они продолжали: «и тимъ, козакамъ и на козачомъ грунтѣ живучимъ, быть козаками и козачую повинность с протчіими козаками отбувать, а не ему, сотнику. А... козакамъ, которіе на грунтѣ Думитрашковомъ, по совѣстному свѣдителству старинниxъ и неподозрителниxъ людей, живутъ, отбувать за тотъ грунтъ подданическую повинность Думитрашковѣ [мнится намъ] надлежитъ... А ежели они, козаки, на грунтѣ Думитрашковомъ живучіе, похотятъ быть волними отъ повинности владѣлческой, то бъ имъ, козакамъ, [по мнѣнію нашому] з грунтовъ Думитрашковихъ уступить» [1]).

Генеральный хоружій Горленко, какъ мы видѣли, просилъ гетмана разрѣшить вопросъ, могутъ ли находящіеся въ «подданствѣ» люди, имѣющіе право возвратиться въ козачество, но сидящіе на посполитскихъ земляхъ, выходя въ козаки, сохранить за собою эти земли или же они должны оставить ихъ въ пользу владѣльца имѣнія. Члены коммиссіи, разбиравшей дѣло Корнѣенка, поставили тотъ же вопросъ иначе и предлагали гетману утвердить ихъ мнѣніе, согласно которому попавшіе въ «подданство» козаки, сидящіе на посполитскихъ земляхъ, должны были и впредь оставаться владѣльческими посполитыми, а, если ужь непремѣнно хотѣли выйти опять въ козаки, то обязывались, по крайней мѣрѣ, уступить владѣльцу имѣнія свои земли. Въ концѣ концовъ этотъ вопросъ такъ и не получилъ при Апостолѣ какого-либо вполнѣ опредѣленнаго и однообразнаго рѣшенія, но уже самая постановка его въ указанныхъ формахъ чрезвычайно характерно обрисовывала то положеніе, которое заняли малорусскія власти по отношенію къ посполитымъ и козакамъ въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за Петровской эпохой, въ частности — въ годы гетманства Апостола.

За «природными» посполитыми эти власти въ данное время рѣшительно отрицали право перехода въ козачество и принимали мѣры противъ такого перехода, когда онъ все-таки совершался на практикѣ. Отрицали онѣ, въ согласіи съ указомъ 16 апрѣля 1723 г., и возможность перехода козаковъ въ посполитые, но въ этомъ случаѣ онѣ встрѣчались съ упорнымъ сопротивленіемъ массы державцевъ и уходъ козаковъ въ «подданство» оставался широко распространеннымъ явленіемъ. Генеральная канцелярія и гетманская власть пытались, правда, по просьбамъ

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Березанской сотни, т. I, № 97.

и жалобамъ такихъ захваченныхъ въ «подданство» козаковъ возвращать ихъ обратно въ козачество, но далеко не всегда успѣвали преодолѣть противодѣйствіе державцевъ и, наоборотъ, нерѣдко послѣдніе, тѣсно связанные въ этомъ вопросѣ общимъ интересомъ съ главною массою старшины, склоняли на свою сторону и высшую власть страны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло касалось попавшихъ въ «подданство» козаковъ, сидѣвшихъ на посполитскихъ или на владѣльческихъ земляхъ, старшина, защищая интересъ державцевъ, даже открыто старалась направить эту власть на путь рѣшеній, шедшихъ прямо вразрѣзъ съ указомъ 16 апрѣля 1723 г. и направленныхъ къ оставленію такихъ козаковъ въ числѣ владѣльческихъ «подданныхъ».

Такого рода стараній не оборвало и новое уничтоженіе гетманства, послѣдовавшее за смертью Апостола и сопровождавшееся передачей управленія Малороссіей «правленію гетманскаго уряда» — особой, вновь созданной коллегіи, состоявшей изъ трехъ малороссовъ и трехъ великороссовъ и находившейся подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховского. Главная роль и при этомъ новомъ способѣ управленія оставалась за старшиною и, пользуясь этимъ, она при всякомъ удобномъ случаѣ старалась отстаивать интересы владѣльческаго класса, добиваясь для державцевъ возможности переводить козаковъ въ посполитые.

Вступивъ въ управленіе Малороссіей, кн. Шаховской обратилъ, между прочимъ, вниманіе на быстро развивавшуюся скуплю земель козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, грозившую серьезнымъ ущербомъ государственнымъ интересамъ. Въ виду этого онъ въ началѣ іюня 1734 г. созвалъ особое совѣщаніе, состоявшее изъ «малороссійской генеральной старшины, полковниковъ, полковой старшины и прочихъ малороссійскихъ полковъ чиновниковъ», и предложилъ ему обсудить вопросъ о такой скуплѣ. Члены совѣщанія исполнили порученіе и «по общему совѣту до высокаго разсмотрѣнія, далшой воли и опредѣленія его высококняжескаго сіятельства приложили мнѣніе, дабы тѣ, которые, съ козаковъ или посполитыхъ, грунта свои кому спродадутъ и на тѣхъ грунтахъ сами будутъ жить, всякія по пропорціи имѣній своихъ посполитыя отбували повинности противъ владѣльческихъ, а которые, продавъ свои грунта, съ оныхъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстѣ осядутъ и тѣми грунтами владѣть

будутъ, то такіе бы отбували по пропорціи своихъ имѣній повинности, якія отбуваютъ другіе владѣльческіе подданные, а если тотъ грунтъ впустѣ будетъ, съ него къ вышпоказаннымъ повинностямъ ничего бъ не взимано, только бъ въ селахъ владѣльческихъ такъ козачого, якъ и посполитого, званія людей съ посторонниxъ никто не дерзалъ безъ вѣдома владѣльцевъ посполитыхъ покупать грунтовъ, понеже отъ того владѣльцамъ чинилась бы обида, да и право малороссійское того не позволяетъ; а которые владѣльцы покупали или покупаютъ себѣ въ Малой Россіи села и деревни, тѣхъ селъ и деревень обыватели должны противъ протчіихъ владѣльческихъ селъ обывателей такъ довольствовать консистентовъ, яко и другія общенародныя отбувать повинности»[1]). Шаховской 10 іюня утвердилъ это мнѣніе и вслѣдъ затѣмъ оно было, по его распоряженію, разослано по всѣмъ полкамъ съ указами генеральной войсковой канцеляріи, предписывавшими «чинить исполненіе» по этому мнѣнію впредь до будущаго императорскаго указа[2]). Послѣдній не заставилъ себя ждать. 8 августа 1734 г. состоялся указъ имп. Анны на имя кн. Шаховского и въ десятомъ пунктѣ этого указа содержалось постановленіе, вполнѣ подтверждавшее принятое уже въ Малороссіи постановленіе. «Въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ маетностяхъ — говорилось здѣсь — ежели козакъ свой грунтъ продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ всякій по пропорціи имѣній своихъ посполитыя повинности отдавать и чинить долженъ, а которые подданные, продавъ свои грунта, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть будутъ, тѣ такожде отдаютъ по пропорціи своихъ имѣній повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданные»[3]).

Нельзя сказать, чтобы редакція этого указа, какъ и редакція легшаго въ его основу мнѣнія малорусской старшины, отличалась большой ясностью. Но во всякомъ случаѣ не трудно видѣть, что совѣщаніе старшины измѣнило смыслъ поставленнаго на его обсужденіе вопроса. Вмѣсто того, чтобы обсудить вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію скупли земель козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, оно занялось въ сущности другимъ во-

---

[1]) Рукописный сборникъ Якова Марковича, хранящійся въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевскаго ун-та), с. 423—4.

[2]) См. указъ генеральной войсковой канцеляріи отъ 30 іюня 1734 г. стародубовскому полковнику Дурову — Рум. Музей, Архивъ Маркевича, № 3222.

[3]) П. С. З., IX, № 6614.

просомъ — о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія должны вытекать изъ покупки козацкихъ и посполитскихъ земель для покупщиковъ въ видѣ принятія ими на себя лежавшихъ раньше на этихъ земляхъ повинностей, причемъ и этотъ вопросъ обсудило, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія владѣльческихъ интересовъ. Выставленное совѣщаніемъ и подтвержденное сперва кн. Шаховскимъ, а затѣмъ и имп. Анной, положеніе, что продавшій свою землю и оставшійся жить на ней козакъ долженъ отбывать «посполитыя повинности», можно было, правда, понять такъ, что здѣсь рѣчь шла лишь объ «общенародныхъ повинностяхъ» въ пользу казны. Но можно было понять это положеніе и такимъ образомъ, что такой козакъ обязывался повинностями по отношенію къ владѣльцу и признавался посполитымъ. На практикѣ въ Малороссіи оно и было понято и проводилось старшиной въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ утвержденномъ кн. Шаховскимъ мнѣніи старшинскаго совѣщанія, ни въ воспроизводившемъ это мнѣніе указѣ императрицы не было никакихъ оговорокъ, которыя охраняли бы свободу такихъ козаковъ. Въ такомъ пониманіи указъ 8 августа 1734 г. явился для старшины тѣмъ пріобрѣтеніемъ, котораго она не успѣла добиться при Апостолѣ, — мѣрой, частично отмѣнявшей указъ 16 апрѣля 1723 г.

Прошло нѣсколько лѣтъ — и само центральное правительство спохватилось и нашло нужнымъ заявить, что прежнія указанія на счетъ недопущенія перехода козаковъ въ «подданство» владѣльцевъ сохраняютъ свою силу. Въ 1738 г. въ Кабинетъ министровъ поступила челобитная козаковъ глуховской сотни Сергѣенковъ, жаловавшихся на захватъ козацкихъ земель и самихъ козаковъ генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ, подскарбіемъ Марковичемъ и другими видными членами старшины. Разсмотрѣвъ эту челобитную, Кабинетъ министровъ особой резолюціей распорядился черезъ сенатъ «въ малороссійскую генеральную войсковую канцелярію послать указъ и велѣть во всей Малой Россіи публиковать, чтобъ о такихъ козакахъ, буде у кого есть въ подданствѣ, объявляли немедленно и ихъ въ подданствѣ у себя, въ противность ея и. в-ва указовъ и ихъ привилегій, отнюдь не держали, и по объявленіи опредѣлять оныхъ по прежнему въ козацкую службу; буде жь тѣ владѣльцы объявлять ихъ не будутъ, то бъ оные казаки являлись въ томъ (генеральномъ) судѣ собою, которыхъ по тому жь опредѣлять на

службу» [1]). Полгода спустя, Кабинетъ министровъ получилъ отъ управлявшаго въ это время Малороссіей ген. Румянцева свѣдѣнія, что, благодаря тягостямъ, налагавшимся на козаковъ войной съ Турціей, немалая часть ихъ, уклоняясь отъ службы, продаетъ свои земли и уходитъ въ «подданство» къ владѣльцамъ имѣній, а послѣдніе принимаютъ козаковъ въ свое владѣніе, ссылаясь на указъ 8 августа 1734 г. Тогда, 8 января 1739 г., послѣдовалъ именной указъ изъ Кабинета на имя Румянцева, разъяснявшій неправильность такихъ дѣйствій. «По состоявшемуся нашему указу, по донесенію кн. Шаховскаго, 8 августа 1734 г. между прочимъ по десятому пункту хотя казакамъ о продажѣ ихъ собственныхъ грунтовъ и позволено, — говорилось здѣсь — однакожъ не для того, чтобъ оныхъ казаковъ владѣльцы, которые грунты ихъ чрезъ покупку за себя укрѣпятъ, и ихъ во владѣніи своемъ, яко крестьянъ, имѣть могли, и не о такихъ казакахъ, кои по силѣ нашего именного указа въ выборные написаны, чтобъ подъ такое нужное время продажу чинили не для укрывательства отъ службы, но для лучшаго ихъ казацкаго къ службѣ нашей исправленія такая продажа имъ позволенная. Но когда вы усмотрѣли, что владѣльцы такихъ казаковъ, которые имъ грунтъ продали, яко своихъ собственныхъ крестьянъ во владѣніи за собою имѣть желаютъ, — того ради всѣмъ малороссійскимъ казакамъ, до окончанія нынѣшней войны и будущаго о томъ нашего всемилостивѣйшаго соизволенія, продавать и подъ другими видами по тамошнему обыкновенію за другихъ укрѣплять запретить и со всѣхъ казацкихъ грунтовъ, какъ проданныхъ владѣльцамъ, такъ и за казаками оставшихся, велѣть казацкую службу отправлять тѣмъ, кто на такихъ грунтахъ нынѣ живутъ и ими пользуются» [2]). Наконецъ, еще черезъ полтора года, 2 іюня 1741 г., состоялся сенатскій приговоръ, которымъ, въ виду обнаружившихся въ большомъ количествѣ случаевъ захвата козаковъ въ «подданство», предписывалось «всѣхъ казаковъ, коихъ владѣльцы у себя въ протекціи и въ подданствѣ, такожъ въ господаряхъ и въ куренцахъ и въ подсосѣдкахъ держатъ и всякими съ нихъ доходами и работою довольствуются и отъ службы и общенародныхъ повинностей защищаютъ, изъ подданства отнять и изъ куренщиковъ выключить и написать по преж-

---

[1]) П. С. З, X, № 7528.
[2]) Тамъ же, X, № 7723.

нему въ казаки подъ сотни и велѣть имъ казацкую службу служить и общенародныя тягости отправлять съ прочею своею братьею казаками, а тѣмъ владѣльцамъ ничѣмъ до нихъ не интересоваться и впредь какъ ихъ, такъ и другихъ казаковъ и ихъ дѣтей, въ подданство къ себѣ не привлекать»[1]).

Въ дѣйствительности же во всѣ эти годы продолжался уходъ козаковъ въ «подданство» и по прежнему они уходили въ такое «подданство» какъ добровольно, гонимые тяжестью своей службы, далеко не всегда соотвѣтствовавшей ихъ хозяйственнымъ средствамъ, такъ и въ результатѣ прямыхъ насилій со стороны владѣльцевъ. Нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ помогутъ намъ нагляднѣе представить себѣ, какъ совершался такой переходъ.

Бывали случаи, когда онъ являлся результатомъ добровольнаго соглашенія между козакомъ и владѣльческимъ посполитымъ, мѣнявшимися другъ съ другомъ своими землями и своимъ соціальнымъ положеніемъ. Такъ, въ 1734 г. генеральный судъ обнаружилъ, что глуховскій комендантъ Делатуръ «имѣетъ во владѣніи своемъ грунта Пружейка козака», и имѣетъ «по причинѣ той, что тотъ Пружейко съ посполитымъ Пацюкомъ замѣнялся на мужицтво». Судъ, впрочемъ, отвергъ законность такой мѣны и призналъ, что названныя земли «не слѣдуютъ во владѣльческое владѣніе, ибо тотъ мужикъ на козацтво, а козакъ на мужицтво мѣняться не силни были»[2]). Но и сами по себѣ, независимо отъ отношенія властей, случаи подобной мѣны, естественно, не могли быть частыми. Неизмѣримо чаще козаки просто уходили во владѣльческое подданство, продавая при этомъ владѣльцу свою землю, если она была у нихъ, и оставаясь послѣ того жить на ней же или селясь на владѣльческой землѣ. Въ 1736 г. козакъ с. Тиницы въ Нѣжинскомъ полку, Василь Колодченко, сообща съ своей матерью и братомъ, «будучи въ крайней нуждѣ убожества и не могучи болѣе прожити оной ради нужды незносной», продалъ Батуринскому монастырю за 6 р. свой «пляцъ» (усадебное мѣсто) съ огородомъ. «И поки — прибавлялъ онъ въ своей купчей — на томъ грунтѣ нашомъ, отъ насъ добровольно проданномъ, жити будемъ, повинни ми монастирскую повинность з дворовими людми монастирскими без всякой змаги (спора) и противности

---

[1]) Рукописный сборникъ Якова Марковича въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та), с. 248.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 8, кн. 38, л. 220-об.

отбувати»[1]). Въ 1737 г. козачка с. Будищъ, въ Черниговскомъ полку, Наталія Максимиха, вмѣстѣ со своими двумя сыновьями, продала Рыхловскому монастырю за 150 золотыхъ (30 р.) и 2 четверти хлѣба принадлежавшую ей четвертую часть мельницы въ с. Будищахъ, «да къ тому млинку хата, дворикъ и огородъ». Продала все это Максимиха, какъ она объясняла, «не имѣючи чимъ оного на всякъ часъ спомогти, якъ мелниковѣ, греблю угатити и всякие потреби до млина, на мене спадаючие, спорядити». «Докладаемъ тежъ — прибавляла она въ своей купчей — и тое, же (что) при продажи части четвертой млина его милость отецъ игуменъ Рихловскій з братиею поручили мнѣ з синами дворикъ поповскій, в которомъ должна я з дѣтми моими жити и повинность подданическую з людми будискими отбувати, а ежелибъ дѣти мои или внучата, не похотѣвши жить въ подданствѣ, и пожелали бъ по прежнему в козацствѣ зоставать, то двора того поповского чужди и не повинни въ оний интересоватися»[2]). Такого рода продажи козаками своихъ дворовъ и земель, сопровождавшіяся уходомъ самихъ козаковъ въ «подданство», особенно участились въ годы русско-турецкой войны, потребовавшей отъ козаковъ большихъ матеріальныхъ жертвъ. Въ с. Куренѣ бахмацкой сотни Нѣжинскаго полка, какъ доносилъ мѣстный сотникъ ген. Румянцеву, за 1736—38 гг. «спродалось или такъ поддалось» разнымъ владѣльцамъ 62 козака[3]). И такой массовый уходъ козаковъ отъ налагавшихся на нихъ войной тяжестей въ «подданство» къ державцамъ происходилъ, конечно, не въ одномъ только Куренѣ[4]).

Разъ попавши въ такое «подданство», козаки, не смотря на охранявшіе ихъ свободу указы, не такъ легко могли найти выходъ изъ него. «Василь Борковскій — сообщали въ 1747 г. старшина и куренные атаманы городницкой сотни Черниговскаго полка — в битность свою полковникомъ чернѣговскимъ подвернулъ козаковъ в подданство з дворами и грунтами в селѣ Пекуровцѣ под

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1500.

[2]) Тамъ же, № 1616/1614.

[3]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 178—9.

[4]) Въ одномъ изъ судебныхъ дѣлъ 1746 г. сохранилось, впрочемъ, извѣстіе и об ъобратномъ явленіи во время Миниховскихъ походовъ — о стремленіи посполитыхъ, въ виду тяжести падавшихъ на нихъ повинностей, переходить въ козаки. «Когда началась с турками баталѣя, — говорится здѣсь — то уже всякъ мужикъ пожелалъ бить козакомъ за налогъ тяжелый». Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздн. присутственныхъ мѣстъ, Дѣла Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 9, кн. 41, л. 208.

часъ баталѣи под Чигриномъ, с которихъ козаковъ Харко Ѳедосенко в 1736 г. намѣренъ былъ челомъ бить о своемъ козачествѣ, то оного Борковского сынъ умершой, бунчуковий товаришъ Андрей Борковскій, извѣстившись о томъ, взявъ его, Федосенка, билъ немилосердно, отъ которого бою онъ того жъ году и умре, а Зѣнко Дудка когда тожъ о своемъ козачествѣ намѣревалъ искать, то онъ, Борковскій, взявъ оного Дудку, и билъ тожъ немилосердно и держалъ въ оковахъ близь полгода и ограбивъ движимое его имѣние, и при томъ содержавшойся в него курѣнной походной козацкой казанъ (котелъ) в дванадцять фунтовъ отнялъ, почему и вишеписанніе протчіе козаки, видя таковой имъ побой и увѣтче, опасни будучи, о своемъ козачествѣ не челобитствовали» [1]).

Удерживая путемъ такихъ мѣръ козаковъ въ своемъ «подданствѣ», державцы нерѣдко примѣняли не менѣе крутыя мѣры и къ тѣмъ козакамъ, которыхъ еще только собирались «подвернуть» подъ свою власть. «Въ прошломъ 737 году — жаловалась козачка кропивянской сотни Переяславскаго полка Марія Рожковна — прславши сотникъ Дараганъ въ домъ мой въ Чорнобаи ноччю козака, приказалъ привесть пѣшую въ Кропивну и велѣлъ содерживать по невинности моей подъ карауломъ чрезъ десять дней, понуждая мене къ продажѣ себѣ грунту и хати, и хотя я того въ продажу ему, сотнику, пускать не желала, точию оной сотникъ, муча мене подъ карауломъ, усиловно и не хотящой велѣлъ взять денегъ единого рубля, прописанную хату съ грунтомъ принялъ въ свое владѣніе». Послѣ того, по словамъ Рожковны, Дараганъ сталъ ее «неволить себѣ въ подданство», когда же она отказалась и перешла въ подсусѣдки къ своему племяннику въ томъ же селѣ Чорнобаяхъ, то «по единому своему посягателству и злобѣ оной сотникъ Дараганъ велѣлъ вигнать безъ всякой причины прочь съ Чорнобаевъ» и ей, «съ бывшими тогда своими младолѣтними дѣтми», пришлось «въ самое непостоянное холодное время» переселяться въ м. Крапивную [2]).

Такъ рѣшительно привлекалъ козаковъ въ свое «подданство» не одинъ только Дараганъ. Житель с. Мотовиловки въ Кіевскомъ полку, Дмитрій Бажанъ, разсказывалъ въ 1740 г., что отецъ его былъ козакъ, а самъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ «перешелъ въ с. Мотовиловку и явился бывшему тогда атаману Давиду Мат-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 17809.
[2]) Кіевск. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія, дѣла о поземельныхъ спорахъ.

вѣенку и просился съ женою своею на время прожить у свойственника своего, мотовиловского козака, у которого онъ, Димитрій, и жилъ съ полгода, а потомъ купилъ себѣ у мотовиловского козака Ѳеодора Коржа дворъ, на которомъ строеніе было только одна изба, и по покупкѣ того двора означенной атаманъ Матвѣенко причислилъ его, Дмитрія, въ козаки... Былъ онъ, Дмитрій, козакомъ съ годъ, а потомъ въ 734 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ взятъ онъ, Дмитрій, изъ оного села Мотовиловки подъ арештомъ въ Кіевъ въ Братской монастырь, гдѣ онъ тѣлесно и наказанъ и приказано ему отъ того монастыря, чтобъ онъ былъ не въ козацкой командѣ, но въ подданствѣ того монастыря, почему онъ, Дмитрій, съ того 734 по 738 годъ... и былъ въ подданствѣ». Аналогичныя показанія о причинахъ, по которымъ они попали въ «подданство» Кіево-Братскаго монастыря, дали тогда же и нѣкоторые другіе жители Мотовиловки [1]).

Мѣстная администрація въ большинствѣ случаевъ была слишкомъ тѣсно связана съ державцами для того, чтобы сколько-нибудь энергично противодѣйствовать такимъ мѣрамъ ихъ по отношенію къ козакамъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она рѣшалась на подобное противодѣйствіе, она нерѣдко оказывалась черезчуръ слабой для того, чтобы ея вмѣшательство могло дать серьезные результаты. Державца, если только онъ обладалъ какой-нибудь силой и вліяніемъ, часто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на всѣ предписанія этой администраціи и упорно продолжалъ привлекать козаковъ въ свое «подданство», не останавливаясь передъ мѣрами самаго грубаго насилія. Такъ велъ себя, напримѣръ, въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ XVIII вѣка въ с. Ничипоровкѣ Переяславскаго полка бунчуковый товарищъ Андрей Думитрашко. Въ 1742 г. переяславская полковая канцелярія прислала въ сотенное яготинское правленіе трехъ козаковъ с. Ничипоровки, «которые были подались бунчуковому товаришу Андрею Думитрашку въ подданство», и предписала ихъ «публично наказать, дабы они службу козачую ревностно и повинности противъ другихъ того жь ничипоровского куреня рядовыхъ козаковъ отправляли и въ подданство владѣльцомъ не защищались», а, наказавъ, «ежели они, козаки, противъ выборныхъ козаковъ имѣютъ ружья и лошади, выслать въ походъ». Но уже черезъ три мѣсяца послѣ этого ничипоровскій атаманъ доносилъ сотенному

[1]) Ст. дѣла изъ архива К. Г. П., дѣла объ имуществахъ церквей и монастырей, дѣло Кіево-Братскаго монастыря съ козаками с. Мотовиловки въ 1740—42 гг.

правленію, что Думитрашко, «набѣгши гвалтовне въ с. Ничипоровку», учинилъ въ немъ рядъ насилій надъ козаками. Сперва онъ требовалъ къ себѣ атамана, когда же тотъ не явился на зовъ, «оной Думитрашко зъ великой своей ярости призвалъ къ себе въ свой шинкъ Петра Сороку старого, которому отъ роду имѣется лѣтъ болѣе, какъ осмъдесять, и, призвавши его, началъ допрашивать: какъ ты желаешь жить и въ какомъ званіи, чили въ моемъ подданствѣ или въ козачомъ? То оной Сорока отказалъ: я де до окончанія житія своего и зъ своими дѣтми готовъ служить государынѣ, понеже и отецъ мой былъ козакъ, такожъ и я долженъ, здавна то въ козацкомъ званіи былъ, такожъ и нынѣ желаю быть козакомъ. То оной Думитрашко приказалъ оного Сороку взять и положить, да на головѣ и на ногахъ казалъ сѣсти и держать его, а самъ собою плетью билъ нещадно. Потимъ велѣлъ его поднять и почалъ повторе пытать: гдѣ хощешь жить, и оной Сорока отказалъ: воля твоя, что хощешь, надо мною дѣлай, токмо жь я здавна козакъ и нынѣча козакъ. То оной Думитрашко повторе его, Сороку, велѣлъ положить, да двома плетми до полусмерти бить, отъ которого побою живъ ли чи будетъ». Къ своему донесенію атаманъ приложилъ и «обдукцію» (актъ осмотра) Сороки, въ которой говорилось, что онъ «збитъ плетьми синь увесь, зъ которого побою, Богъ вѣсть, живъ ли будетъ». Съ своей стороны сотенное правленіе, препровождая это донесеніе и «обдукцію» въ полковую канцелярію, прибавляло: «оной Думитрашко, не будучи тѣмъ доволенъ, наѣхавши въ м. Яготинъ въ сотенное правленіе гвалтовне, всѣхъ сотенную старшину въ сотенномъ правленіи ругалъ матерно, какъ ему было угодно, и сказовалъ, дабы зъ сотенного правленія къ онымъ козакамъ, коихъ велѣно не допускать въ подданство ему, Думитрашку, никакого дѣла не имѣли и въ козачую службу не привлекали, сказуючи то, что ежели де оныхъ зъ сотенного правленія будутъ между козаки привлекать, то кого колвекъ зъ старшины прибью до полусмерти, въ чемъ мы опасны зостаемъ». Полковая канцелярія въ свою очередь сообщила о дѣйствіяхъ Думитрашка генеральной канцеляріи, а послѣдняя предписала разобрать это дѣло генеральному суду. Но на Думитрашка это мало подѣйствовало и черезъ нѣкоторое время ничипоровскіе козаки опять жаловались на его насилія. Думитрашко — писали они, на этотъ разъ уже въ генеральную канцелярію, — «насиліемъ въ подданство привлекаетъ природныхъ козаковъ и службы в. и. в-ву отправовать не допущаетъ и

чрезъ его, Думитрашка, атамана въ селѣ удержать невозможно». Всѣхъ вообще неповинующихся ему козаковъ — заявляли далѣе жалобщики — Думитрашко похваляется бить до полусмерти и эти угрозы свои онъ порою приводитъ въ исполненіе: встрѣтилъ онъ козака Ященка и «безъ всякой его, Ященка, вины началъ бить по щекамъ, за волосы по землѣ волочилъ, а потомъ, положивши, держать велѣлъ своимъ служителямъ и билъ дубиною самъ, трижды отдыхаючи, безъ пощадѣнія, сколько было ему угодно, отъ которого бою онъ, Ященко, мало живъ остался». При жалобѣ козаки представили и «обдукцію» въ которой говорилось, что при осмотрѣ Ященка на немъ «явились знаки таковы: щока лѣвая чорна, аки сажа; нижше пояса на крижахъ тѣло все чорное-жь»[1]). И Андрей Думитрашко не представлялъ собою рѣдкаго исключенія. Наоборотъ, такъ же, какъ онъ, вели себя по отношенію къ козакамъ и многіе другіе державцы этого времени.

Дѣйствительная жизнь, такимъ образомъ, шла путемъ, довольно далекимъ отъ того, какой намѣчался для нея указами центральнаго правительства. Въ то время, какъ эти указы старались создать строгое разграниченіе козаковъ отъ посполитыхъ, запрещали старшинѣ и всѣмъ вообще державцамъ принимать козаковъ въ свое подданство и поручали той же старшинѣ всѣхъ попавшихъ уже въ такое подданство козаковъ возвратить обратно въ козачество, въ дѣйствительности выходъ такихъ козаковъ изъ посполъства оставался весьма затрудненнымъ, державцы продолжали всякими способами привлекать козаковъ въ число своихъ посполитыхъ, а старшина играла въ этомъ процессѣ роль, часто прямо противоположную той, какая указывалась ей правительствомъ. Это послѣднее обстоятельство подчасъ вліяло и на самое законодательство и во всякомъ случаѣ въ немалой степени опредѣляло собою характеръ того примѣненія, какое получали издававшіеся правительствомъ законы въ жизни населенія. «Высочайшими указами — писали десять сотниковъ Черниговскаго полка въ прошеніи, поданномъ ими въ 1744 г. имп. Елизаветѣ, — велѣно владѣльцамъ объявлять козаковъ, у нихъ въ подданствѣ имѣющихся, а коихъ бы владѣльцы не объявили, то велѣно самимъ козакамъ себе объявлять. Владѣльцы же не токмо не являютъ сами козаковъ при сочиненіи ревизіи дворового числа, но еще, ежели кто самъ себе объявить ревизорамъ козакомъ, тако-

[1]) Ст. дѣла изъ арх. К. Г. П., дѣла о поземельныхъ спорахъ.

выхъ козаковъ при тѣхъ же ревизорахъ бьютъ нещадно, устрашая, чтобъ себе козаками не являли, но были бъ въ подданствѣ. А канцеляріи таковыхъ же козаковъ, забивъ въ колодки, велять привозить въ канцелярію подъ карауломъ и принуждаютъ ихъ дать подписки, чтобъ владѣльцамъ были поддаными, а за протчіими козаками, кои бьють челомъ о козачествѣ, съ канцелярій посылаютъ нарочныхъ по инструкціямъ бить ихъ за то кіями, коихъ и бьють». «Которые козаки — заявляли авторы того же прошенія — егда о своемъ козачествѣ и чтобъ въ томъ званіи по присяжной своей должности в. и. в-ву отбувать службу бить челомъ учнутъ, то канцеляріи не токмо владѣльцамъ оныхъ бить нещадно плетьми, кіями и батожьемъ допущаютъ, но иные владѣльцы въ самихъ канцеляріяхъ таковыхъ о козачествѣ своемъ челобитчиковъ бьютъ нещадно, а правители канцелярій, по занесеннымъ отъ таковыхъ челобитчиковъ жалобамъ, о бою ихъ не токмо молчатъ и гдѣ надлежитъ по командѣ не доносятъ, но и сами явно въ томъ владѣльцамъ потакають и паче угнетать, и въ домахъ и по полямъ ловить козаковъ, и держать на цѣпяхъ, да и женъ ихъ, козаковъ, и дѣтей насильно въ домы владѣльческіе брать и въ утѣсненіи ихъ содержать допускають». Тѣ же «правители канцелярій» — утверждали авторы прошенія — «допустили такъ, что иныхъ козаковъ за то, что они о своихъ грунтахъ били челомъ, и до смерти поприбивали владѣльческіе старосты, кои козаки отъ того бою и померли, о чемъ правящіе въ канцеляріяхъ ни протестовъ, ни челобитныхъ не принимаютъ на едину козацкую обиду и разореніе. И въ таковыхъ они жь, козаки, за грунта свои искахъ нигдѣ ни въ единой канцеляріи не получили себѣ никогда правильной сатисфакціи, но ежели не гвалтомъ и боемъ отъ иску отогнаны, то волокитою отстранены или непринятіемъ челобитныхъ отъ иску своего вовся отдалены. А временемъ по тяжестномъ стужаніи хотя и пріймутъ отъ кого челобитную, то, ни въ протоколъ не записавъ, волочать поти, пока бѣдный козакъ, стуживъ волокитою и разореніемъ, отстанетъ отъ иску. А напротивъ того по всѣмъ владѣльческимъ на козаковъ челобитнымъ скорое разсмотрѣніе и рѣшеніе по хотѣніямъ, ихъ, владѣльцовъ, дѣлается» [1]).

Такимъ образомъ и въ годы, послѣдовавшіе за гетманствомъ

---

[1]) См. напечатанное мною «Прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1754 г.», «Кіевск. Старина», 1894 г., № 4, приложеніе, и отд. оттискъ, К. 1894, сс. 16, 10—11, 14.

Апостола, годы, въ которые центральное правительство послѣ нѣкоторыхъ, сравнительно недолгихъ, колебаній вновь вернулось на путь попытокъ сохранить козачество исключительно для государственной службы и закрыть козакамъ возможность перехода въ посполитые, эти попытки не имѣли полнаго успѣха. Онѣ по прежнему наталкивались, съ одной стороны, на экономическую необезпеченность немалой части козачества, порождавшую въ его средѣ стремленіе къ укрывательству отъ тягостей государственной службы путемъ ухода въ частную зависимость, съ другой — на упорное противодѣйствіе державцевъ, всячески старавшихся привлекать козаковъ въ свое «подданство» и опиравшихся въ этихъ стараніяхъ не только на свою экономическую мощь, но и на ту власть, какая была сосредоточена въ рукахъ старшины, — власть, очень слабую, когда она имѣла дѣло съ державцами, но достаточно сильную по отношенію къ низшимъ классамъ населенія, въ значительной мѣрѣ уже утратившимъ въ эту эпоху возможность вліянія на нее. Въ этихъ условіяхъ указы центральнаго правительства, воспрещавшіе переходъ козаковъ въ «подданство» къ владѣльцамъ не могли найти себѣ полнаго осуществленія и на дѣлѣ такой переходъ продолжалъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ.

Восшествіе на русскій тронъ Елизаветы Петровны, близость которой къ А. Г. Разумовскому была хорошо извѣстна въ Малороссіи, породило въ средѣ малорусской старшины надежды на возможность добиться и полной отмѣны такихъ указовъ. Въ 1742 г. спеціально снаряженная депутація «отъ малороссійскаго края», состоявшая изъ лубенскаго полковника Петра Апостола и бунчуковыхъ товарищей Якова Маркевича, Андрея Горленка и Григорія Лизогуба, представила новой императрицѣ челобитную о нуждахъ малороссійскаго народа и однимъ изъ пунктовъ этой челобитной была просьба о пріостановкѣ дѣйствія указа 16 апрѣля 1723 г.

Въ силу этого указа — мотивировала старшина свою просьбу — «многіе челобитчики чрезъ всѣ мимошедшіе годы въ козачую службу и написаны и службу в. и. в-ва въ прошедшія разныя военныя дѣйствія отправовали, а другіе, промолча все то время, въ которое самонужнѣйше потребна была козачая служба, и

послѣ неоднократной публикаціи оного всемилостивѣйшаго его и. в-ва указа, какъ были походы персидскіе, польскіе, крымскіе, турецкіе, отъ оныхъ отбиваясь, нарочно укрывались между посполитыми, да нынѣ уже, челобитьями своими показуя, якобы они козаки, не токмо немалое затрудненіе такъ нижнимъ, яко и генеральнымъ войсковой и судовой канцеляріямъ, но и самому высокоправительствующему сенату напрасныя стужанія чинятъ, а объ оныхъ козачествѣ ни компутами старинными, ни вѣрнымъ свидѣтельствомъ старожиловъ сыскать доказательства невозможно». «Того ради — продолжали авторы челобитной — не повелѣно-ль будетъ о такихъ напрасныхъ челобитчикахъ особливый в. и. в-ва указъ учинить, понеже такіе челобитчики отъ 723 году донынѣ довольное время имѣли бить челомъ о козачествѣ и доказывать оного, какъ то другіе множайшіе били челомъ и за доказаніемъ своего козачества и приняты въ козачую службу, а буде таковыхъ челобитчиковъ и впредь безсрочно увольнять отъ крестьянской ихъ повинности, а принимать въ козачую службу, то съ того можетъ слѣдовать не только партикулярная обида помѣщиковъ ихъ, зъ которыхъ нѣкоторымъ уже въ заслуженныхъ ими маетностяхъ никого съ подданныхъ, кромѣ единаго имени, не осталось для того, что почти всѣ подданные въ козаки записаны, но и всего посполитого народа, ибо, какія приключались и нынѣ приключаются общенародныя тягости, противъ козаковъ болшою частію одними посполитого народа людми отправляемыя, какъ, напримѣръ, сустентація (содержаніе) полковъ армейскихъ и компанейскихъ, поставка подводъ и другіе наряды, съ тѣхъ тягостей такіе люде выключаются, яко принятые дѣйствительно въ козачое званіе и между козаками уже считающіеся, и тако за ежечаснымъ умаленіемъ оныхъ съ посполитого званія въ козачое неумаляемыя тягости остальные посполитого званія люде принуждены зъ сугубымъ своимъ отягощеніемъ нести и чрезъ то приходить въ крайнюю скудость и обнищаніе» [1]).

Подавая императрицѣ эту челобитную, малорусская старшина въ сущности продолжала попытки, въ нѣсколько иной формѣ начатыя еще до воцаренія Елизаветы. Такъ, генеральный судъ еще въ концѣ 1740 г. нашелъ нужнымъ обсудить вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ по отысканію козачества. Занявшись этимъ обсужденіемъ, члены генеральнаго суда указывали, что такія дѣла

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 21251.

производятся въ сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ «съ великимъ непорядкомъ и не на основаніи указовъ» и, поступая по аппелляціи въ генеральный судъ, «премногое оному суду за тѣми непорядками, покамѣсть по силѣ указовъ прійдутъ въ исправленіе настоящее, приносять затрудненіе». Помимо того, въ полкахъ «прежде изслѣдованія по отзыву о козачествѣ челобитчиковъ отрѣшаютъ отъ повинностей посполитыхъ и между тѣмъ въ общенародныхъ тягостяхъ другіе подданные владѣльческіе, въ томъ же селѣ живущіе, за неимѣніемъ настоящого противъ прежнего дворового числа по расположенію, пока состоится вновь ревизія, излишнія отбываютъ повинности и чрезъ то въ крайнее приходять разореніе». Наконецъ, члены суда обратили вниманіе и на неодинаковую практику, установившуюся по отношенію къ обязанностямъ ищущихъ козачества передъ владѣльцами: «нѣкоторымъ повелѣно до рѣшенія дѣла быть въ подданствѣ, а нѣкоторыхъ въ посполитыя повинности не потреблять, и какъ впредь въ таковыхъ дѣлахъ съ челобитчиками суду генеральному поступать, разсудить не можно». Въ виду всего этого члены генеральнаго суда «согласно приговорили» обратиться съ «доношеніемъ» къ управлявшему генеральной канцеляріей генералу Кейту, «не повелѣно-ль будетъ во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ зъ оной генеральной канцеляріи указами публиковать», чтобы всякій, ищущій козачества по указу 16 апрѣля 1723 г., «являлся и билъ челомъ въ судѣ генеральномъ, въ которомъ какъ слѣдствія, такъ и рѣшенія на основаніи и. в-ва указовъ происходить будуть безъ помѣшательства, а чтобъ полковники, старшины полковые и сотники въ таковыя дѣла, яко имъ неподлежащія, ни подъ какимъ видомъ не вступали». «А особливо, — продолжали члены суда — по мнѣнію генеральнаго суда, тѣхъ, которые бьють челомъ о козачествѣ, до рѣшенія дѣла отъ посполитыхъ повинностей не надлежало бъ увольнять и поступать бы съ таковыми челобитчиками равномѣрно, дабы чрезъ то другіе подданные по расположеніямъ противъ ихъ не могли поносить излишнихъ тягостей». Этимъ однако не ограничились пожеланія генеральнаго суда. «Для прекращенія же впредь — прибавлялъ онъ — неспокойныхъ и неправильныхъ о томъ козачествѣ челобитчиковъ, отъ чего въ протчихъ настоящихъ государевыхъ паче дѣлахъ чинится въ канцеляріи суда войскового генерального остановка, подлежало бъ положить срокъ, а именно отъ 1741 г. до 1742 г., и о томъ публиковать неоднократно въ малороссійскихъ полкахъ указами, что ежели кто

имѣть будетъ подлинныя о козачествѣ доказательства, то бы билъ челомъ въ судѣ генеральномъ до положенного сроку, ежели же до того сроку не явятся, то по прошествіи оного сроку ни отъ кого челобитныхъ не принимать» [1]).

Изъ этихъ пожеланій генеральнаго суда второе — относительно установленія обязанности ищущихъ козачества до рѣшенія дѣла оставаться въ «подданствѣ» у владѣльца и нести «общенародныя» посполитскія повинности — было, повидимому, выполнено генеральной канцеляріей [2]). Иная судьба, какъ можно думать, постигла пожеланіе о перенесеніи всѣхъ исковъ о козачествѣ въ генеральный судъ: послѣдній и позже считалъ, что всѣ подобные иски должны разбираться только имъ, но на дѣлѣ они продолжали разсматриваться и въ полковыхъ канцеляріяхъ [3]). Что же касалось третьяго и самаго важнаго предложенія генеральнаго суда — объ установленіи годичнаго срока для предъявленія всѣхъ исковъ о козачествѣ, какіе только могли быть возбуждены на основаніи указа 16 апрѣля 1723 г., — то это предложеніе явно выходило за предѣлы власти генеральной канцеляріи.

Но около того же времени генеральной канцеляріи и генеральному суду пришлось подойти къ вопросу объ ищущихъ козачества людяхъ съ другой стороны, и притомъ подойти по вызову

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 6, кн. 4, дѣло 77, лл. 323—5.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, позволяетъ думать слѣдующій эпизодъ. Въ 1743 году бунчуковый товарищъ Степанъ Бутовичъ просилъ генеральный судъ обязать ищущаго козачества изъ-подъ владѣнія его, Бутовича, жителя с. Карилска Якова Решотку отбывать до рѣшенія дѣла подданическія повинности. Судъ, справившись съ другими находившимися въ его производствѣ дѣлами о козачествѣ, нашелъ, что «указами, въ войсковой енералной канцеляріи въ судъ войсковой присланними, объявлено, яко онимъ челобитчикамъ до рѣшенія дѣла велѣно быть въ подданическомъ послушаніи», и поэтому исполнилъ просьбу Бутовича. Тамъ же, оп. 17, св. 8, кн. 39, дѣло 267, л. 1056.

[3]) Такъ, въ 1748 г. полковая лубенская канцелярія не выслала генеральному суду, по его требованію, козацкихъ компутовъ, ссылаясь на то, что они нужны ей самой. Генеральная канцелярія также нашла, что «должно имъ быть для всякихъ справокъ при полковой канцеляріи, гдѣ, яко въ нижнемъ судѣ, по порядку ищущіи козачества своего первие бьютъ челомъ и слѣдствія объ нихъ и о новоуписавшихся и другихъ чинятся отъ полковой же канцеляріи; а енералному войсковому суду и на присилаемихъ зъ полковой Лубенской канцеляріи справленихъ копіяхъ и випискахъ... утвердиться можно такъ, какъ бы на самихъ подлинихъ». Генералний судъ однако возражалъ на это, что по указамъ 16 іюля 1728 г. и 1738 г. ищущіе козачества должны бить челомъ въ генеральномъ судѣ, а по указу 16 апрѣля 1723 г. слѣдствіе должно производиться по подлиннымъ компутамъ, почему онъ и требовалъ ихъ и получилъ отъ всѣхъ полковыхъ канцелярій, кромѣ лубенской. «По силѣ вишеписаннихъ указовъ — прибавлялъ судъ—таковіе о козачествахъ слѣдствія полковымъ канцеляріямъ не подлежатъ, по силѣ которихъ нинѣ отъ войсковой енералной канцеляріи челобитніе ищущихъ козачества прямо въ судъ войсковій енералній мимо полковой канцеляріи отчисляются и по онимъ надлежащое слѣдствіе въ произвожденіи состоитъ». Оп. 17, св. 11, кн. 45, лл. 1—4.

самого центральнаго правительства. Въ 1740 г. сенатъ предписалъ генеральной канцеляріи «справиться съ указами и съ малороссійскими правами» о «козакахъ, которые своихъ грунтовъ не имѣютъ, а живутъ на владѣльческихъ и посполитыхъ грунтахъ», и вмѣстѣ съ этой справкой представить свое мнѣніе, «въ какомъ званіи и должности и на какихъ грунтахъ имъ жить должно». Получивъ это предписаніе, генеральная канцелярія обратилась къ генеральному суду съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе по возбужденному сенатомъ вопросу. Члены суда, сославшись на десятый пунктъ указа имп. Анны на имя кн. Шаховского отъ 8 августа 1734 г. и на постановленія Литовскаго Статута, «согласно приговорили» на этотъ запросъ «отвѣтствовать доношеніемъ со мнѣніемъ, что по силѣ вышепомянутого высокомонаршого указа и правъ малороссійскихъ тѣмъ козакамъ, которые на владѣлческихъ и посполитыхъ грунтахъ живуть, быть въ посполитомъ званіи, тому владѣлцу, на чіей земли живуть, всякую повинность и послушаніе, яко господину своему, отдавать долженъ, ежели же захочеть тотъ, кто будеть на владѣлческихъ грунтахъ, заподлинно будучи козачого званія, пойти прочь, то тому грунту по прежнему оставаться владѣлцу». Съ своей стороны генеральная канцелярія представила сенату, что, по ея мнѣнію, «надлежитъ козакамъ, которые пришли на владѣльческіе и на посполитые, владѣльцамъ же надлежащіе, грунты и живуть на оныхъ, по силѣ указовъ и правъ малороссійскихъ, съ тѣхъ грунтовъ сойти на прежнія свои козачія жилья, съ которыхъ они сошли, и козаками на тѣхъ прежнихъ своихъ козачихъ грунтахъ быть и служить должны по прежнему». «А которые — продолжала канцелярія — не имѣютъ своихъ грунтовъ, а живутъ на владѣльческихъ и посполитыхъ, владѣльцамъ же надлежащихъ грунтахъ, таковые безгрунтовые козаки должны по силѣ малороссійскихъ правъ у владѣльцевъ, ежели оные пожелаютъ, грунты себѣ выслужить и на тѣ выслуженные у нихъ грунты имѣть порядкомъ, въ правахъ показаннымъ, правильныя крѣпости». Послѣ того они «свободны быть имѣютъ и жить должны на тѣхъ выслуженныхъ и укрѣпленныхъ грунтахъ и служить по ихъ козачему званію и волѣ; а безъ выслуженія у владѣльцовъ грунтовъ и безъ полученія на оные правильныхъ отъ владѣльцовъ крѣпостей грунтами владѣльческими и посполитыми, владѣльцамъ же надлежащими, владѣть козаки не должны и не сильны». Наконецъ, тѣ козаки, которые до запретившаго продажу козачьихъ земель указа

1739 г. продали владѣльцамъ свои земли и сами остались жить на нихъ, должны — утверждала генеральная канцелярія — въ силу указа 1734 г. и малороссійскихъ правъ «посполитыя повинности отдавать и счисляться между посполитыми».

Такимъ образомъ и генеральный судъ, и генеральная канцелярія въ своихъ мнѣніяхъ по поднятому сенатомъ вопросу какъ нельзя болѣе рѣшительно отстаивали интересы владѣльцевъ имѣній, предлагая центральному правительству примириться съ переходомъ козаковъ, поселившихся на посполитскихъ или на владѣльческихъ земляхъ, либо продавшихъ свои земли, но оставшихся жить на нихъ, въ посполъство и окончательно признать ихъ владѣльческими «подданными». Сенатъ разсмотрѣлъ эти мнѣнія уже въ царствованіе Елизаветы. Но онъ сталъ на иную точку зрѣнія и указомъ 29 февраля 1744 г. предписалъ генеральной канцеляріи, «справясь, прислать вѣдомость, сколько такихъ козаковъ, которые, оставя свои грунта, пришедъ, живутъ на владѣльческихъ и посполитыхъ грунтахъ, и на чіихъ именно, и тѣ ихъ прежніе грунта впустѣ ль нынѣ или за кѣмъ во владѣніи и почему именно находятся; такожъ сколько и такихъ козаковъ, которые своихъ грунтовъ не имѣютъ, и за кѣмъ нынѣ прежніе ихъ грунта, и почему, и такихъ безгрунтовыхъ козаковъ, ежели отъ нихъ прежніе ихъ грунта отошли правильно, гдѣ на свободныхъ грунтахъ поселить можно, учиня, прислать мнѣніе и планъ, дабы отъ нихъ всегдашняя служба козачая быть съ пользою могла: ибо козацкого стану людямъ въ подданствѣ по правамъ малороссійскимъ и по указамъ, въ нарушеніе вольностей ихъ, ни за кѣмъ быть не можно»[1]. Выгодамъ владѣльцевъ имѣній, отстаивавшимся генеральнымъ судомъ и генеральной канцеляріей, сенатъ противопоставилъ, такимъ образомъ, интересы государственной службы и права козаковъ. Но тотъ планъ, который онъ выдвинулъ для огражденія этихъ интересовъ и правъ, остался лишь на бумагѣ, для дѣйствительнаго воплощенія его въ жизни ничего не было предпринято и все дѣло свелось только къ отверженію проектовъ малорусской старшины и къ голому подтвержденію того принципа, что козаки не должны быть привлекаемы въ частную зависимость.

Два года спустя сенатъ рѣшилъ судьбу и еще одного проекта, выдвинутаго старшиной. Къ этому времени генеральная кан-

[1]) Дѣла б. Черн. Суд. Палаты, оп. 17, св. 7, кн. 36, д. 120, лл. 293-об.—295; Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 21278.

целярія разработала мысль, поданную ей въ 1740 г. генеральнымъ судомъ, и обратилась въ сенатъ съ особымъ доношеніемъ, предлагая установить опредѣленный срокъ для предъявленія исковъ о козачествѣ, основанныхъ на указѣ 16 апрѣля 1723 г. При ничѣмъ не ограниченномъ дѣйствіи этого указа — утверждала генеральная канцелярія — имъ пользуются, главнымъ образомъ, тѣ владѣльческіе подданные, которые хотятъ лишь «отбыть платежа на указные положенные на Малую Россію драгунскіе полки порціоновъ и раціоновъ» и «завладѣть помѣщицкими жалованными выслуженными грунтами, на которыхъ они, подданные, живутъ». Не имѣя никакого права на козачество, они «вымышленно и отбывая изъ-за владѣльцевъ просятъ, показывая, якобы они козаки, и тѣмъ не токмо немалое затрудненіе нижнимъ и генеральнымъ войсковымъ и судовымъ канцеляріямъ, но и правительствующему сенату напрасныя докуки челобитьемъ своимъ чинятъ». Поэтому генеральная канцелярія предлагала, «чтобъ для пресѣченія такихъ напрасныхъ затрудненій повелѣно было опредѣлить срокъ впредь на годъ и публиковать указами, чтобъ кто имѣетъ изъ посполитыхъ искать козачества, то объ томъ своемъ козачествѣ объявили и искали, гдѣ надлежитъ, конечне въ тотъ положенный срокъ, а послѣ того сроку таковымъ челобитчикамъ отказывать и челобитенъ не принимать». «А ежели — заявляла генеральная канцелярія — такого не учинить пресѣченія, то онымъ челобитчикамъ никогда конца не будетъ, для того, что всякой изъ посполитого званія всегда, а найпаче въ мирное время, искать будетъ себѣ выключенія изъ подданства и принятія козачества ради своего облегченія въ дачѣ порціоновъ и раціоновъ и другихъ общенародныхъ тяжестей, а паче ради грунта, на которомъ за владѣльцемъ живетъ, взятія въ собственное свое владѣніе». Эти аргументы однако не убѣдили сенатъ. Обсудивъ предложеніе генеральной канцеляріи, онъ нашелъ его несогласнымъ съ указами и непріемлемымъ и 20 января 1746 г. рѣшилъ «по оной генеральной войсковой канцеляріи требованію о опредѣленіи козакамъ, кои нынѣ въ подданствѣ за владѣльцами и монастырями состоятъ, въ исканіи имъ своего козачества сроку на годъ отказать» и поступать и впредь при такихъ искахъ по указу 16 апрѣля 1723 г. и кабинетской резолюціи 1738 г., «а сроку тѣмъ посполитымъ о сыску ихъ козачества не опредѣлять» [1]).

---

[1]) Рукописный сборникъ Якова Марковича, въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіев. ун-та), 243—8.

Правительство Елизаветы такимъ образомъ не оправдало надеждъ, возложенныхъ на него малорусской старшиной. Оно осталось въ вопросѣ объ отношеніяхъ между козаками и державцами на той же позиціи, какую занимали его ближайшіе предшественники, отказалось отмѣнить дѣйствіе Петровскаго указа 16 апрѣля 1723 г., не соглашалось признать поселившихся на владѣльческихъ и посполитскихъ земляхъ козаковъ законными «подданными» владѣльцевъ и рѣшительно заявляло, что «козацкого стану люди не могутъ ни за кѣмъ быть въ подданствѣ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не принимало никакихъ серьезныхъ мѣръ для огражденія козаковъ отъ посягательствъ со стороны державцевъ и его рѣшительныя слова оставались только словами, не претворяясь въ какія-либо широкія и планомѣрныя дѣйствія. Тѣмъ самымъ въ сущности опредѣлялась и степень того воздѣйствія, какое могла оказать его политика на жизнь населенія. Эта жизнь продолжала идти по старой дорогѣ и тотъ переводъ державцами козаковъ въ «подданство», о недопустимости котораго такъ категорически заявляло Елизаветинское правительство, производился въ Малороссіи при Елизаветѣ едва-ли въ болѣе узкихъ размѣрахъ, чѣмъ при ея ближайшихъ предшественникахъ.

Какъ энергично дѣйствовали подчасъ державцы въ этомъ направленіи и какъ мало считались они на практикѣ съ торжественными заявленіями правительства, можетъ показать хотя бы исторія, разыгравшаяся въ сороковыхъ годахъ въ м. Еремѣевкѣ Лубенскаго полка. Еще Скоропадскій отдалъ это большое и богатое мѣстечко назначенному Петромъ въ прилуцкіе полковники Игнату Галагану. Послѣдній, не довольствуясь попавшими въ его владѣніе еремѣевскими посполитыми, постепенно сталъ захватывать въ свое «подданство» и мѣстныхъ козаковъ и такіе захваты получили особенно острый характеръ въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка, когда Галаганъ уже покинулъ мѣсто полковника и мѣстная сотенная администрація, быть можетъ, учитывая этотъ фактъ, начала было вступаться за козаковъ. Галаганъ немедленно выдвинулъ противъ нея обвиненіе, что она «неправильно поселившихся» на его землѣ козаковъ «до надлежащихъ повинностей не допускаетъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ повелъ борьбу и своими средствами. «Въ бытность мою въ Еремѣевцѣ — писалъ въ 1746 г. въ генеральную канцелярію сотникъ Бутовскій — усмотрѣлъ я въономъ мѣстечку чинимыя абшитованнымъ прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ еремѣев-

скихъ куренчиковъ съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ лозу, колоды дерева, что найдетъ въ дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращаетъ. Видя такое насиліе, многіе козаки подписались въ подданство». «Не видалъ я нигдѣ, — прибавлялъ сотникъ — не только межъ христіанами, но и по чужимъ землямъ, чтобы противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда или чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство». Галаганъ — жаловался съ своей стороны еремѣевскій атаманъ — козаковъ «съ грунтовъ собственныхъ козачьихъ сгоняетъ и бьетъ нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались». Генеральная канцелярія распорядилась произвести въ Еремѣевкѣ слѣдствіе и затѣмъ рѣшила опросить еремѣевскихъ козаковъ, желаютъ ли они находиться «подъ сотней», въ козачествѣ, или въ «подданствѣ» подъ Галаганомъ, и тѣхъ, кто выберетъ послѣднее, оставить въ такомъ подданствѣ, отобравъ лишь отъ нихъ, въ пользу ихъ родственниковъ-козаковъ, козацкія земли «для отбыванія за нихъ козачьей службы». И часть еремѣевскихъ козаковъ, въ составѣ 23 домохозяевъ, дѣйствительно, выбрала этотъ послѣдній исходъ и была утверждена въ «подданство» Галагану, вопреки всѣмъ правительственнымъ указамъ, говорившимъ о непривлеченіи козаковъ въ частную зависимость [1].

Далеко не всѣ державцы, конечно, могли прибѣгать къ такимъ энергичнымъ мѣрамъ воздѣйствія на козаковъ, какія пускалъ въ ходъ Галаганъ. Не всѣ державцы располагали и такими, какъ онъ, связями въ Глуховѣ. Но и въ только что разсказанномъ эпизодѣ дѣло было не только въ средствахъ и связяхъ Галагана. Соглашаясь перевести еремѣевскихъ козаковъ, разъ они садились на землѣ Галагана, въ его подданство, генеральная канцелярія по существу лишь примѣняла къ нимъ тотъ самый взглядъ на отношенія козаковъ и державцевъ, который она высказывала и въ своихъ обращеніяхъ къ центральному правительству. Отвергнутый послѣднимъ, этотъ взглядъ, отражавшій въ себѣ общую тенденцію

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Историческіе очерки полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. XI, отд. II, сс. 151—3.

малорусской старшины, сохранился въ высшихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и, поскольку отдѣльные державцы дѣйствовали въ согласіи съ нимъ, они не могли встрѣтиться съ черезчуръ энергичнымъ противодѣйствіемъ этихъ учрежденій. Въ связи съ остальными, не испытавшими какого-либо коренного измѣненія условіями жизни козачества этого было достаточно для того, чтобы переходъ козаковъ въ частную зависимость, въ «подданство» къ державцамъ сохранился въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія, какъ сохранялся онъ въ тридцатыхъ.

VI

Къ половинѣ XVIII вѣка процессъ разслоенія малорусскаго общества уже очень сильно продвинулся впередъ. Стоявшіе на верхахъ этого общества «урядники» и «державцы», — иначе говоря, козацкая старшина и владѣльцы имѣній, — успѣли къ данному времени сомкнуться въ тѣсно сплоченный владѣльческій классъ, присвоившій себѣ имя «шляхетства» и начинавшій съ все возроставшей энергіей добиваться для себя соотвѣтствовавшихъ этому имени правъ — правъ «шляхетскаго» сословія. Въ то же время на нижнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы въ тѣсной связи съ этимъ процессомъ выдѣленія и сплоченія новаго «шляхетства» совершался аналогичный процессъ образованія обособленнаго отъ другихъ группъ населенія крестьянства, въ составѣ котораго наиболѣе видное мѣсто занимало крестьянство частновладѣльческихъ имѣній. Къ серединѣ XVIII столѣтія въ малорусской жизни уже твердо установилось правило, согласно которому посполитые не могли переписываться изъ посполъства въ козачество. Центральное правительство, имѣя въ виду интересы фиска, пыталось дополнить это правило другимъ, — что и козаки не могутъ переходить и быть переводимы въ посполъство. Но мѣстныя малорусскія власти, признавая это послѣднее правило въ теоріи, на практикѣ нерѣдко нарушали его въ интересахъ владѣльцевъ. Въ результатѣ не только значительная часть промежуточныхъ группъ, стоявшихъ между козачествомъ и посполъствомъ къ серединѣ XVIII вѣка, вопреки усиліямъ центральнаго правительства включить всѣ такія группы въ козачество, была втянута въ посполитые — и, главнымъ образомъ, въ посполитые частновладѣльческіе, — но и немалая часть козачества также попала во владѣльческое «подданство». И хотя центральное правительство старалось обезпечить по-

павшимъ въ такое «подданство» козакамъ обратный выходъ въ козачество, но на дѣлѣ этотъ выходъ былъ для нихъ чрезвычайно затрудненъ, а въ то же время владѣльцы, вопреки запрещеніямъ правительства, продолжали привлекать козаковъ въ ряды своихъ посполитыхъ и подсусѣдковъ, все увеличивая такимъ путемъ количество находившагося въ частной зависимости крестьянства.

Въ складывавшееся такимъ образомъ положеніе не внесла сколько-нибудь существенныхъ измѣненій и новая перемѣна въ управленіи Малороссіей, совершившаяся въ серединѣ царствованія Елизаветы Петровны и выразившаяся въ возстановленіи гетманства и врученіи гетманской булавы К. Г. Разумовскому. Ближайшій сотрудникъ, чтобы не сказать — наставникъ, Разумовскаго въ дѣлѣ управленія Малороссіей, Г. Н. Тепловъ, позднѣе, въ своей «Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи», поданной имп. Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія, категорически утверждалъ, что переходъ козаковъ въ посполъство продолжался и въ гетманство Разумовскаго. «Неоспоримо тотъ доказать можетъ, — писалъ здѣсь Тепловъ, — кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, такожде и денежными людьми, къ себѣ въ подданство обращены». «Хотя всякому помѣщику — говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же записки — въ универсалахъ гетьманскихъ, при надачѣ деревни, писывалось прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никаковаго нѣтъ, однакожъ какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякій сотникъ не успѣетъ токмо на сотню свою пріѣхать, то козаки строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ». Съ другой стороны, — продолжалъ Тепловъ — «живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются на мужиковъ», благодаря долгамъ помѣщику, возникающимъ въ результатѣ продажи ими помѣщичьяго вина: «козакъ, грунта свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли недостаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу по силѣ права». «Сіе есть — пояснялъ авторъ записки — слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ

селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворилася уже въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ» [1]).

Объясненія Теплова далеко не охватывали всѣхъ сторонъ указаннаго имъ явленія, но самое это явленіе — продолжавшійся переходъ козаковъ въ посполъство — онъ во всякомъ случаѣ подмѣтилъ вѣрно. Вѣрно въ его указаніяхъ было и то, что такой переходъ немало облегчался сожительствомъ козаковъ и владѣльческихъ посполитыхъ въ однихъ и тѣхъ же поселеніяхъ. На почвѣ этого сожительства у отдѣльныхъ владѣльцевъ въ серединѣ XVIII столѣтія порой зарождалась даже смѣлая мысль попытаться объявить всѣхъ козаковъ, жившихъ въ предѣлахъ того или иного имѣнія, входящими въ его составъ владѣльческими подданными, лишь по недоразумѣнію получившими возможность уклониться отъ своихъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, Кіево-Печерская Лавра въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка стала было собирать показанія старожиловъ принадлежавшаго ей въ Нѣжинскомъ полку с. Омбыша въ доказательство того, что въ немъ «предъ Хмельницкого войною не бывало козаковъ, но все подданные, повинность подданическую безъ противства исполняючіе, бывали», а уже при Хмельницкомъ и послѣ него появились козаки, притомъ перешедшіе изъ монастырскихъ посполитыхъ и сидѣвшіе на монастырскихъ земляхъ. Собирая эти свѣдѣнія, Лавра первоначально, повидимому, разсчитывала воспользоваться ими передъ властями, но затѣмъ рѣшила оставить полученныя свѣдѣнія безъ употребленія, «до правленія полкового о семъ разсудивъ не удаватися» [2]). Бо̀льшую рѣшительность проявилъ около того же времени Черниговскій Катедральный монастырь. Ведя споръ съ мринскимъ сотникомъ изъ-за власти надъ козацкими подсусѣдками мринской сотни, онъ устами своего повѣреннаго выдвинулъ, между прочимъ, слѣдующій аргументъ: подсусѣдки, «которые в козачихъ якоби дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, и тѣ подсусѣдки не суть козачіе, но Катедри Черниговской належачіе, потому что имѣютъ свои двори и огороди на земли архіерейской, издревле от гетмана Бог-

---

[1]) Н. Василенко. Г. Н. Тепловъ і його «Записка о непорядкахъ въ Малороссіи». «Записки Украінського Наукового Товариства въ Киіві», т. IX, сс. 25, 38—40.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевск. Центр. Архивъ, № 1616/1164.

дана Хмелницкого наданной и жалованними монаршими грамотами стверженной, в якой мринской маетности и в принадлежащихъ къ нему (м. Мрину) деревняхъ в тѣ пори ни единого козака не было, понеже де тая маетность в грамотѣ слободою прописана, а нынѣ имѣется в той вписавшихся з мужиковъ в козаки многое число, между которими имѣеться подсусѣдковъ, на земли монастирской грунта свои имѣючихъ, многое жъ число». Сотнику пришлось возражать на это, что монастырь «всей сотни мринской землю напрасно присвояетъ къ обители Черниговской», такъ какъ уже и въ грамотѣ 1693 г. черниговскому архiепископу Ѳеодосiю подтверждено было владѣнiе м. Мриномъ и прилегающими къ нему деревнями «опрочъ козаковъ и ихъ угодiй» [1]). Въ другой разъ, ведя въ 1751 г. споръ съ козаками с. Ображѣевки за принадлежавшую этому селу рощу, Черниговскiй Катедральный монастырь, стараясь отстоять для себя эту рощу цѣликомъ, завѣрялъ, что и все названное село въ свое время было поселено на монастырской землѣ по «осадчому письму» архiепископа Лазаря Барановича и подтверждено монастырю жалованными грамотами 1676 и 1686 гг., «послѣ же того оного жъ села Преображѣевки (жители) разными временами по происками тамошнихъ сотниковъ приняты въ козацкую службу и, оную отправляя, корыстуются тимъ жалованнымъ монастырскимъ грунтамъ». Однакоже изъ представленныхъ самимъ монастыремъ грамотъ 1676, 1686 и 1688 гг. выяснилось, что эти грамоты, утверждая за нимъ сс. Ивотъ и Преображѣевку, въ то же время утверждали и за жившими въ этихъ селахъ козаками ихъ земли [2]).

Наиболѣе ревностные защитники владѣльческихъ интересовъ въ серединѣ XVIII вѣка были, такимъ образомъ, не прочь выдать при случаѣ всѣхъ козаковъ, жившихъ рядомъ съ тѣмъ или инымъ имѣнiемъ, за его посполитыхъ, сидящихъ на владѣльческой землѣ. Но дѣлавшiяся порою попытки провести этотъ взглядъ въ жизнь не могли, конечно, имѣть полнаго успѣха и едва-ли на такой успѣхъ разсчитывали и сами авторы этихъ попытокъ. За то иначе стояло дѣло съ привлеченiемъ подъ власть владѣльцевъ отдѣльныхъ козаковъ. Оно и въ гетманство Разумовскаго продолжало практиковаться въ широкихъ размѣрахъ и случаи та-

---

[1]) Тамъ же, бумаги черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, декретъ ген. войск. суда отъ 23 окт. 1748 г., лл. 4 об., 7 об.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Угол. и Гр., оп. 12, св. 5, № 217.

кого привлеченія бывали и въ имѣніяхъ самого гетмана. Въ 1755 г. управлявшая этими имѣніями экономическая канцелярія жаловалась въ генеральную войсковую канцелярію, что житель с. Краснаго Иванъ Карпенко со времени отдачи Разумовскому въ 1750 г. Быковской волости «при дворцѣ Быковскомъ отправлялъ боярскую службу и у конского его ясневельможности завода при сотнику городискому Кодинцу для случаючихся съ письменными дѣлами посылокъ состоялъ, а когда сего году помянутый Кодинецъ за неимѣніемъ въ его, Карпенка, къ поѣздкамъ добрыхъ лошадей отъ конского завода отставилъ и приказано содержать его, Карпенка, въ тяглѣ такъ, какъ и другихъ тяглыхъ подданныхъ, то онъ, Карпенко, не хотя быть во владѣніи его ясневельможности, снискалъ себѣ въ сотенномъ басанскомъ правленіи козачое званіе, въ которомъ находясь, подданническихъ должностей до дворца Быковского несть крайне упрямится». Генеральная канцелярія затребовала по поводу этой жалобы объясненій отъ сотеннаго правленія. Послѣднее отвѣтило, что Карпенко вписанъ въ «козачой компутъ» не имъ, а производившимъ ревизію 1755 г. въ басанской сотнѣ пещанскимъ сотникомъ Кандибою, которому онъ «представлялъ отцевскія и свои службы»; при этомъ сотенное правленіе добавило, что Карпенко и въ ревизіи 1743 г. былъ записанъ въ числѣ козаковъ басанской сотни. Однако экономическая канцелярія и послѣ этого отвѣта продолжала требовать возвращенія Карпенка въ посполитые, ссылаясь на то, что онъ «отписанъ въ козаки безъ всякаго слѣдствія, а зъ самихъ только его жь, Карпенка, рѣчей ревизоромъ Кандибою, оной же Карпенко жительство имѣетъ на подданическихъ грунтахъ и при нихъ за его ясневелможностью въ числѣ протчиихъ быковской волости подданныхъ». Генеральная канцелярія съ своей стороны нашла нужнымъ исполнить это требованіе и такимъ образомъ занесенный въ ревизіи козакъ, по своей волѣ, повидимому, пошедшій въ «боярскую службу» и затѣмъ пытавшійся вернуться въ козачество, былъ отданъ въ «подданство» гетману [1]).

Такіе же случаи бывали и въ имѣніяхъ другихъ членовъ старшины. Три козака с. Рудницкаго въ барышевской сотнѣ Переяславскаго полка жаловались въ 1767 г., что при отдачѣ этого села въ 1752 г. по универсалу гетмана Разумовскаго переяславскому полковому обозному Семену Безбородку члены отдаточной ком-

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива Кіевск. губ. правленія, дѣла «о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности».

миссіи и ихъ земли «козачія вѣкуистыя ему, Безбородку, во владѣніе отдали»; «сверхъ же того, — прибавлялъ одинъ изъ этихъ козаковъ — мене, Герасименка, будучого тогда атаманомъ, за то, чтобы по справедливости посполитскіе грунта объявлялъ, тѣ же нарочные отдатчики и плетьми нещадно били». Шестеро другихъ жителей с. Рудницкаго дополнили картину отдачи этого села Безбородку еще однимъ штрихомъ. Мы — разсказывали они въ 1767 г. — были козаками, но «онъ, Безбородко, принявъ тѣхъ жалованныхъ рудницкихъ посполитыхъ съ ихъ угодіи и не будучи еще оными доволенъ, презря гетманскій универсалъ, съ того жъ (1752) года и насъ со отческими нашими жилыми козачими грунтами и полями въ свое поспольство привластивши, завладѣлъ, почему и въ партикулярныя свои работы почти до единаго съ хаты до сего неналежно употребляетъ» [1]).

Въ томъ же 1752 г., когда с. Рудницкое отдавалось Безбородку, переяславская полковая канцелярія разбирала дѣло по жалобѣ переяславскаго полковника Семена Сулимы на жителей с. Строкова. «Въ ономъ селѣ — жаловался полковой канцеляріи «господарь» (управляющій) Сулимы — за владѣнія покойного судіи полкового переясловского Александра Сулимы посполитыхъ подданныхъ было дворовъ болѣе двадцати человѣкъ, а какъ оное село по умертвіи его, судіи, и его жены было въ разныхъ владѣніяхъ, то въ то время грунтами владѣльческими, на коихъ жили посполитые, завладѣли тамошніе козаки, а иные жъ посполитые, живучи на посполитыхъ же грунтахъ, отбуваютъ службу козачую, а у господина его нынѣ во владѣніи имѣется въ томъ селѣ Строковѣ токмо три двора». Разобравъ эту жалобу, полковая канцелярія рѣшила всѣхъ жителей с. Строкова, не доказавшихъ своего козачества ревизіями или показаніями свидѣтелей, отдать въ посполитые Сулимѣ. О козакахъ же, купившихъ посполитскія земли, она постановила такой приговоръ: они должны сойти съ этихъ земель и уступить ихъ безденежно Сулимѣ; «ежели жъ вышеписанные козаки съ тѣхъ грунтовъ не сойдутъ на другіе, козачіе, грунта и на нихъ жить станутъ, то, по силѣ именного ея и. в-ва указу, 1734 году состоявшогося, повинность съ посполитыми владѣльческими несть должны» [2]). Переяславская старшина, такимъ образомъ, осталась и при Разумовскомъ вѣрной тому по-

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета. Переяславскій полкъ. Документы Барышевской сотни, т. III, №№ 176 и 177.
[2]) Мотыжинскій Архивъ, К. 1890. № 44, сс. 71—83.

ниманію указа 1743 г., согласно которому владѣвшій посполитскою землею козакъ долженъ былъ переходить въ поспольство, и продолжала примѣнять такое пониманіе на практикѣ. И, конечно, она не составляла въ этомъ отношеніи исключенія среди старшины другихъ полковъ.

Но не одно владѣніе посполитскою землею и въ эти годы могло привести козака въ поспольство. Въ 1754 г. житель м. Барышевки, Леонтій Ефименко, жаловался, что онъ отправлялъ козацкую службу, сидя на уступленной ему тестемъ и купленной имъ самимъ козачьей землѣ, о чемъ онъ имѣлъ и спеціальный указъ сотеннаго правленія, и тѣмъ не менѣе попалъ во владѣльческіе посполитые. «Минувшого 1752 году — разсказывалъ Ефименко въ жалобѣ, поданной имъ гетману, — за пожалованіемъ отъ вашей ясневельможности полковнику переясловскому г. Сулимѣ въ м. Баришовкѣ 59 дворовъ, по единой его, г. полковника, командирской власти, зъ его повелѣнія, бывшіе тѣхъ пожалованныхъ дворовъ отдатчики, его, г. полковника, близкіе свойственные, яко то хоружій полковый переясловскій Ильяшенко и сотникъ воронковскій Матвѣй Сулима, въ отдаточной своей вѣдомости приписали мене, нижайшого, между его, г. полковника, подданные, по тому только резону, что матка моя счислялась между г. полковника подданными, и къ ней, маткѣ моей, присовокупивши мене, нижайшого, живущого особливо на прописанныхъ козачихъ грунтахъ». «За страсть командирскую» Ефименко, по его разсказу, не рѣшился искать козачества изъ-подъ владѣнія Сулимы. Но въ 1754 г. въ Барышевку прибылъ для отдачи, въ силу гетманскаго универсала, остававшихся еще здѣсь свободныхъ посполитскихъ дворовъ бунчуковому товарищу Ильѣ Журману войсковой канцеляристъ Киселевскій и онъ, найдя Ефименка неправильно, сверхъ указаннаго въ гетманскомъ универсалѣ числа дворовъ, отданнымъ Сулимѣ, записалъ его во владѣніе Журмана. Тогда Ефименко, очутившійся, къ своей «всекрайнѣйшей обидѣ», записаннымъ за двумя владѣльцами, обратился съ жалобой къ гетману, прося вернуть его въ козачество [1]).

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла Кіев. губ. правленія, дѣла «о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности». Запрошенный генеральной канцеляріей Киселевскій рапортовалъ ей, что при его пріѣздѣ въ Барышевку Ефименко находился въ подданствѣ Сулимы и платилъ ему 10 р. чиншу, а имъ, Киселевскимъ, былъ записанъ за Журманомъ, какъ излишне отданный Сулимѣ. Въ подданство послѣдняго, по словамъ Киселевскаго, было отдано 20 лишнихъ дворовъ противъ числа, указаннаго въ гетманскомъ универсалѣ.

Случалось и такъ, что козакъ не имѣлъ за собою посполитской земли, не имѣлъ и родственниковъ посполитыхъ и все же «за командирскую страсть» попадалъ въ посполиство. Житель с. Лѣпняковъ въ томъ же Переяславскомъ полку, Василь Миколенко, разсказывалъ въ 1767 г., что хотя предки его были козаками и самъ онъ отправлялъ козацкую службу, имѣя въ своемъ владѣніи усадебное мѣсто, поле и лѣсъ въ дачахъ м. Барышевки, но это не избавило его отъ притѣсненій, а его брата отъ «подданства». «Въ прошломъ 1761 году — жаловался Миколенко — невѣдомо почему полковникъ переясловскій тотъ грунтъ, поле и гай и брата моего Мартина по тогдашней своей власти завладѣлъ и, что я означенному полковнику панщины работать не похотѣлъ, затѣмъ мнѣ отъ того грунта отказано безъ справки»[1]). Около того же времени жаловался на подобныя притѣсненія житель м. Барышевки Петро Стуконогъ. По его разсказу, его отецъ вышелъ изъ «польской области» въ м. Остеръ и, поселившись здѣсь на купленныхъ козацкихъ земляхъ, отбывалъ съ сыновьями козацкую службу. Потомъ Петро Стуконогъ, женившись, перешелъ на жительство къ своему тестю, козаку м. Барышевки, и послѣ его смерти остался въ его дворѣ, продолжая нести козацкую службу. Когда же въ 1760 г. этотъ дворъ сгорѣлъ, Стуконогъ нанялъ въ Барышевкѣ «цеху шевского дворъ» и, «въ ономъ жительствуя, никуда никакихъ службъ не отправлялъ и ни отъ кого отправленія того не требовано чрезъ три года». «А потомъ — жаловался Стуконогъ — полковникъ переяславскій Семенъ Сулима сталъ мнѣ чинить накидъ въ годъ горячого вина на 40 рублей и подъ свое владѣніе подвертать. И хотя я тогда и потомъ неоднократно просилъ дозволенія выходу съ того шевского цеху, не купленного мною двора и поселенія на тестевскомъ моемъ козачемъ въ м. Барышевкѣ грунтѣ и службу козачую отправлять, точію оной полковникъ Сулима не только того не дозволялъ, но когда дочулся (прослышалъ), что я намѣренъ ѣхать о своемъ козачествѣ искать, и хотя было для того и поѣду, то оной полковникъ, приведши въ Барышовку, бьетъ нещадно плетьми и содержитъ въ ручныхъ и ножныхъ колодкахъ въ тюрьмѣ по цѣлой недѣлѣ, что происходило до пяти разъ; и имѣвшимись моими тестевскими козачими грунтами, въ м. Барышовкѣ грунтомъ и за д. Власовкою полемъ, пятью днями, завладѣлъ,

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Барышевской сотни, т. III, № 164.

почему я сталъ принужденнымъ оставаться въ томъ шевскомъ дворѣ, принимая отъ него накидъ горячого вина въ годъ по 40 рублей и исполняя всякія его приказанія»[1]).

Казалось бы, привлекаемые такимъ образомъ въ «подданство» козаки должны были находить себѣ защиту у ближайшаго своего начальства. Иногда это и случалось, но не всегда такая защита достигала цѣли и не всегда она проходила безнаказанно для самихъ защитниковъ. Миргородскій сотникъ Зарудный сообщалъ въ 1758 г. гетману, что полковой писарь Галяховскій, получивъ въ ранговое владѣніе с. Черевки, «нахальствомъ своимъ поработилъ было въ подданные» жившихъ въ этомъ селѣ козаковъ Дьятченковъ. Сотникъ выдалъ Дьятченкамъ «засвидѣтельствованіе» объ ихъ козачествѣ и генеральный судъ утвердилъ ихъ въ «козачомъ званіи». Но — продолжалъ Зарудный — «чрезъ то показанный писарь Галяховскій, завзявъ на мене злобу, разныя приключаетъ пакости, яко то безпорядочнымъ и самымъ нахальнымъ въ крайне нужное рабочое время взятіемъ въ полковую канцелярію человѣка моего мимо вѣдома моего» и отнятіемъ принадлежащаго на рангъ сотника сѣнокоса[2]).

Зарудному удалось, по крайней мѣрѣ, помочь козакамъ, на которыхъ позарился сильный владѣлецъ, избавиться отъ его «подданства». Во многихъ другихъ случаяхъ члены мѣстной старшины, даже если они желали оказать козакамъ такую услугу, были безсильны сдѣлать это, такъ какъ ихъ представленія не принимались во вниманіе лицами и учрежденіями, отъ которыхъ зависѣло дѣло. Въ 1762 г. въ сенатъ поступила жалоба кобелякскаго городового атамана Крысы на членовъ отдаточной коммиссіи, отводившей во владѣніе гр. Воронцова отданныя ему Разумовскимъ въ 1760 г. мѣстечки Новый Санжаровъ, Бѣлики и Кобелякъ. Отдаточной коммиссіи предписано было передать Воронцову всѣ свободные посполитскіе дворы и хаты въ названныхъ мѣстечкахъ и «буде какія пустовскія свободныя жъ суть земли, изъ свободныхъ же посполитыхъ дворовъ, грунтовъ и какихъ-либо угодій завладѣнныя кѣмъ неналежно, кромѣ козачьихъ дворовъ и грунтовъ, отдать со всѣми принадлежащими къ тѣмъ городамъ грунтами и угодіи во владѣніе ему, гр. Воронцову». И

---

[1]) Мотыжинскій Архивъ, № 88, сс. 187—8. «Накидывая» Стуконогу своей водки на 40 р., Сулима обязывалъ его распродать ее на эту сумму.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіев. губ. правленія, дѣла «о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности».

коммиссія, по словамъ Крысы, «изыскуя болѣе прибыли владѣльцу, а не наблюдая высочайшаго имп. в-ва интересу», столь ретиво принялась за свое дѣло, что, найдя какого-либо обывателя названныхъ мѣстечекъ записаннымъ въ одной изъ ревизій посполитымъ, уже не хотѣла, не смотря на представленія мѣстной старшины, обращать вниманіе на то, что въ другихъ, болѣе раннихъ и болѣе позднихъ ревизіяхъ, тотъ же обыватель значится среди козаковъ и что его пребываніе въ посполъствѣ было только временнымъ, а непремѣнно отдавала его во владѣніе Воронцова. Точно также — разсказывалъ Крыса — отдаточная коммиссія «ежели по давности владѣнія у дворѣ какого козака сыщетъ хотя малую самую часть земли посполицкой, то причиною того весь козачій дворъ, въ которомъ до нѣсколько семей живутъ, веревками вдоль и поперекъ отмѣривши, всѣхъ сплошь съ прочими природными козацкими грунтами записывала въ подданство». «Если жъ кто съ таковыхъ неправильно въ посполитые отдатчиками вписанныхъ козаковъ, не уступая природного своего козачьяго званія, бросили свои дворы и перешли въ другіе козачіе дворы, то пріемщикъ Кодинецъ и съ тѣхъ дворовъ къ подданической повинности ихъ употребляетъ, почему оные козаки, лишась своего природного козачества, дѣйствительно подданническую повинность уже отбуваютъ». «Что жъ еще несправедливѣе, — продолжалъ кобелякскій атаманъ — къ большему умноженію подданныхъ изыскали способъ писать прямыхъ козаковъ въ посполитые, однихъ чрезъ женъ ихъ, которыхъ они взяли за себя посполитого званія, хотя же у нихъ и никакихъ посполитскихъ грунтовъ за собою не имѣется, другихъ же таковыхъ, коихъ хотя отецъ и мать, оставшаясь во вдовствѣ, написаны въ тѣхъ ревизіяхъ посполитыми, а онъ, по измертвіи отца своего и матки за малолѣтствіемъ служачи по народу и дошедши въ совершенность, присталъ жить къ свойственнымъ его или стороннему козаку въ дворъ и, поселившись на едномъ козачемъ дворѣ, купно козачо служить и козачими грунтами пользуется, то, и оттого оного записавши, съ козачимъ плецомъ и грунтомъ въ посполитые привлекаютъ, а на отческомъ его или дѣдовскомъ плецу или хотя бы ихъ сколько козаковъ и другихъ чиновъ поселилися, тѣхъ такожъ записали у подданство, умножая число дворовъ посполитыхъ въ такомъ умышленіи, чтобъ подъ именемъ одного человѣка умѣстить до нѣсколько дворовъ надачею». И въ этихъ обидахъ, по словамъ Крысы, козакамъ не помогли ни ихъ собственныя жалобы,

ни хлопоты мѣстныхъ сотниковъ. Когда обращенные въ посполитыхъ козаки хотѣли было жаловаться въ Глуховѣ гетману, Тепловъ не допустилъ ихъ до послѣдняго и отправилъ по домамъ, грозя въ случаѣ непослушанія отослать ихъ въ оковахъ. Точно также и жалобы гетману мѣстныхъ сотниковъ вызвали только нотацію по ихъ адресу со стороны того же Теплова, чтобъ они «болѣе не усиливались представленіями» [1]).

Чаще однако и сотенная старшина не столько вступалась за козаковъ, сколько стремилась въ свою очередь перевести ихъ въ свои посполитые. Эти стремленія нерѣдко носили очень настойчивый характеръ и иногда однимъ и тѣмъ же козакамъ приходилось по нѣсколько разъ отбиваться отъ смѣнявшихъ другъ друга сосѣднихъ владѣльцевъ. Нѣсколько козаковъ с. Семеновки въ березанской сотнѣ Переяславскаго полка подали въ 1763 г. гетману Разумовскому доношеніе, въ которомъ писали, что еще въ гетманство Мазепы переяславскій полковникъ Родіонъ Дмитрашко, получивъ въ свое владѣніе м. Березань съ прилегающими къ ней селами, «властію своею и насильствомъ подвернулъ былъ въ подданство» ихъ, просителей, предковъ. Послѣ того, въ 1735 г., они, въ результатѣ произведеннаго по ихъ жалобамъ слѣдствія, были освобождены изъ «подданства» и вернулись въ козачество, но ненадолго. «Помянутого жъ Дмитрашка внукъ, — писали авторы доношенія — Василь Дмитрашко, сотникомъ березанскимъ и владѣльцемъ будучи, боями, забираніемъ имѣній и несносными устращеніями подвернулъ былъ паки насъ, нижайшихъ, отцовъ и насъ въ посполъство» [2]). Въ 1753 г., послѣ новой жалобы порабощенныхъ козаковъ и новаго слѣдствія, они опять были возвращены полковой канцеляріей въ козачество и «служили, козакую-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. 61. По «доносительнымъ пунктамъ» Крысы сенатомъ назначено было слѣдствіе, но, чѣмъ оно закончилось, мнѣ неизвѣстно. Между прочимъ, въ 1763 г. Разумовскому жаловался на дѣйствія отдаточной коммиссіи козакъ Запорожской Сѣчи Иванъ Тупица. По его словамъ, онъ еще въ 1725 г. вступилъ въ Сѣчь, участвовалъ въ походахъ, четыре года находился въ плѣну, затѣмъ «паки въ войску запорожскомъ при томъ же Роговскомъ куренѣ служилъ», потомъ женился въ м. Бѣликахъ, купилъ себѣ здѣсь у козаковъ землю и болѣе восьми лѣтъ жилъ на ней, а въ моментъ отдачи Бѣликовъ Воронцову отдаточная коммиссія и его, Тупицу, причислила къ посполитымъ и отдала во владѣніе Воронцову. Тамъ же.

[2]) Въ другомъ доношеніи жалобщики подробнѣе и точнѣе разсказывали о насиліяхъ Василія Дмитрашка. «Когда — писали они здѣсь — бывшій м. Березани владѣлецъ, бунчуковій товарищъ Василь Думитрашко Райча, получилъ сотничество, то по той власти своей, разнообразно утѣсняя, лѣтнего времени и употребленіемъ къ походамъ, ѣ зимою на панщину, паче же всего чрезъ разные учиненные намъ побои, въ подданство къ себѣ подвергнулъ».

чи, чрезъ нѣсколько годъ, не знаючи ни отъ кого обиды, и въ разныхъ походахъ были», но, когда въ 1763 г. м. Березань и с. Семеновка достались по наслѣдству женѣ отставного капитана Лукашевича, послѣднiй пошелъ по стопамъ Дмитрашекъ. «Оной отставной капитанъ Лукашевичъ, — жаловались гетману авторы доношенiя — не смотря на опредѣленiе полковой канцелярiи, сталъ насъ въ подданство, устращая боемъ и забратiемъ нашихъ имѣнiй, привлекать и подалъ въ полковую канцелярiю доношенiе, откуду намъ позвы, чтобъ мы явились по оного капитана доношенiю въ судъ полковой къ отвѣту, чинены, и чрезъ все лѣто, не даючи намъ спокойно службу государеву отбувать, волочитъ и до немалого убытку привелъ. Того ради, падши подъ стопы ногъ вашей ясневельможности, всенижайше просимъ отъ оного отставного капитана Лукашевича насъ охранить и въ посполъство не допустить» [1]).

Бывали и такiе случаи, что державцы привлекали козаковъ въ свое «подданство» въ то самое время, когда они отбывали военную службу. Въ 1763 г. три козака д. Сасиновки въ пирятинской сотнѣ Лубенскаго полка жаловались гетману, что въ то время, какъ они, съ дѣдовъ и отцовъ своихъ козаки, отбывали козацкую службу и участвовали въ заграничномъ походѣ, будучи опредѣлены въ регулярные гусарскiе полки, ихъ семьи подверглись притѣсненiямъ со стороны мѣстнаго державцы. «Безъ бытности нашей въ нашихъ домахъ, — писали жалобщики — отцамъ нашимъ и намъ партикулярными работами немалыя обиды и разоренiя причинены, именно генерального подскарбiя Гудовича приказчикъ Матвѣй Каменевъ въ ранговую маетность его Сасиновку самъ собою въ подданство къ посполитымъ привернулъ и въ разныя работы впотребляе и здирства чинить». «Въ прибытiе наше съ того походу въ домы, — продолжали жалобщики — оной Каменевъ призвалъ насъ во дворъ сасиновскiй, ругательства намъ немалыя и неизносныя чинилъ безъ всякой нашей винности, сабли отъ насъ обрывалъ и, хватя ножъ, волоса и у мундира, даннаго намъ въ той службѣ, пуговицы отрѣзать намѣревалъ, матерно бранилъ и всякими скверными словами называлъ, недоволенъ тѣмъ, что бѣдные вовсе наши домы изнурилъ, но и самимъ намъ при томъ ругательствѣ панщину работать приказовалъ, отъ котораго мы, нижайшiе, его ругательства и злого намѣренiя въ силу

---

[1]) Кiевск. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кiевск. губ. правленiя, подъ рубрикою «дѣла о закрѣпощенiи и отысканiи вольности».

разными прошеніями и втекомъ (убѣгомъ) зъ оного двора спаслись». Жалобщики просили гетмана оградить ихъ отъ притязаній Гудовича и его приказчиковъ. Жалоба эта была принята гетманомъ во вниманіе и начатое по ней дѣло окончилось въ пользу жалобщиковъ, но два года спустя сасиновскіе козаки снова жаловались, что Гудовичъ привлекаетъ ихъ въ свое «подданство» [1]).

Отношенія козаковъ и владѣльцевъ и въ гетманство Разумовскаго сохраняли, такимъ образомъ, свой прежній характеръ и владѣльцы продолжали по прежнему привлекать козаковъ въ число своихъ посполитыхъ, пользуясь для этого и своей экономической силой, и той властью, какою располагали многіе изъ нихъ въ качествѣ членовъ старшины. Поводами для такого привлеченія служили самыя различныя обстоятельства. Достаточно было козаку быть записаннымъ въ какой-либо изъ ревизій въ числѣ посполитыхъ или имѣть въ своемъ владѣніи кусокъ земли, купленной у посполитаго, имѣть родственниковъ въ числѣ владѣльческихъ посполитыхъ или жениться на посполитой, чтобы у владѣльца создался уже поводъ считать такого козака своимъ «подданнымъ» и предъявлять къ нему соотвѣтствующія претензіи. Если владѣлецъ хотѣлъ использовать такой поводъ, онъ по большей части не обращался къ властямъ, а прямо захватывалъ въ свое «подданство» намѣченнаго козака и послѣднему приходилось уже самому искать защиты у властей. Иногда онѣ и оказывали ему такую защиту, но далеко не всегда эта защита была достаточно серьезна и активна, чтобы не допустить перевода его въ посполъство. Нерѣдко же случалось и такъ, что привлекаемый тѣмъ или инымъ владѣльцемъ въ посполитые козакъ не находилъ себѣ защиты и у властей — слишкомъ велика и прочна была та общность интересовъ, которая связывала въ данномъ случаѣ между собою членовъ старшины. Самъ главный управитель гетманскихъ имѣній и главный совѣтникъ гетмана Разумовскаго, Тепловъ, позднѣе такъ сильно осуждавшій передъ имп. Екатериной съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ привлеченіе козаковъ подъ власть помѣщиковъ, въ годы своего пребыванія въ Малороссіи, какъ мы видѣли, весьма энергично содѣйствовалъ привлеченію козаковъ въ «подданство» Разумовскаго и его пріятелей, рѣшительно и круто подавляя всякій протестъ противъ такого привлеченія со сто-

[1]) Тамъ же.

роны козаковъ. И точно такъ же поступало въ аналогичныхъ случаяхъ и большинство малорусской старшины, члены которой нерѣдко были связаны другъ съ другомъ не только общими интересами, но и служебными и родственными отношеніями.

Въ это положеніе не вносили сколько-нибудь существенныхъ измѣненій и тѣ распоряженія новаго гетмана, которыя имѣли болѣе или менѣе общій характеръ. Поскольку такія распоряженія дѣлались Разумовскимъ, они опять-таки преслѣдовали цѣли, какія ставила себѣ администрація Малороссіи и до него, — съ одной стороны, точнѣе разграничить посполъство отъ козачества и затруднить переходъ изъ перваго во второе, съ другой — упорядочить производство въ судебныхъ учрежденіяхъ страны дѣлъ, возникавшихъ въ результатѣ исковъ о возвращеніи въ козачество.

Одно изъ такихъ распоряженій было сдѣлано Разумовскимъ въ первое же время его гетманства и касалось посполитыхъ, находившихся во владѣніи грузинскихъ князей и дворянъ, надѣленныхъ имѣніями въ Малороссіи въ царствованіе Анны Іоанновны [1]).

Въ началѣ 1752 г. семеро такихъ грузинскихъ князей и дворянъ, получившихъ имѣнія въ Полтавскомъ полку, обратились къ Разумовскому съ жалобой на обиды, испытываемыя ими отъ мѣстной старшины, причемъ въ числѣ этихъ обидъ указывали на «вписаніе за единъ искупъ безъ всякаго слѣдствія и справокъ ихъ подданныхъ въ козаки» и на «недопусканіе ихъ, грузинскихъ князей и дворянъ, къ владѣнію» такими подданными. Въ результатѣ этой жалобы Разумовскій 14 марта 1752 года отправилъ полковнику Горленку особый ордеръ, въ которомъ предписывалъ ему «отъ приключенія обидъ кого надлежитъ воздержать», а, въ частности, по вопросу о вписываніи посполитыхъ грузинскихъ дворянъ и князей въ козаки давалъ такую инструкцію: «которые подданные грузинскіе написаны сотниками и сотенными старшинами въ козаки не по ордерамъ и не по опредѣленіямъ полковой полтавской канцеляріи, или хотя и по ордерамъ полковой канцеляріи, да не въ сущую правду и не надлежащимъ порядкомъ и безъ слѣдствія, о таковыхъ чиненныя сотниками и сотенными старшинами слѣдствія собравъ въ полковую канцелярію, разсмотрѣть, правильно ли оныя, кѣмъ, когда и почему учинены, а до разсмотрѣнія и крайняго по онымъ рѣшенія велѣть такимъ всѣмъ

---

[1]) См. мои «Очерки», вып. II, сс. 219—20.

отбувать подданическія по пропорціи имуществъ своихъ, равно какъ и другія повинности» [1]).

Пять лѣтъ спустя Разумовскимъ было сдѣлано по тому же вопросу о переходѣ изъ посполитыхъ въ козачество другое распоряженіе, болѣе широкаго характера. Первоначально, впрочемъ, и оно было вызвано однимъ частнымъ эпизодомъ. Въ 1756 г. бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Чуйкевичъ подалъ въ генеральную войсковую канцелярію жалобу на нѣкоего Пузину, отданнаго въ его владѣніе въ числѣ тридцати посполитскихъ дворовъ въ м. Воронежѣ по универсалу Разумовскаго 1752 г. Имѣя въ Воронежѣ свой дворъ съ нивою, Пузина — разсказывалъ въ этой жалобѣ Чуйкевичъ — «прикупилъ еще дворъ козачій въ 1755 г. и купчую въ домъ мой отдалъ, по якой тотъ мнѣ дворъ крѣпокъ, и во владѣніи моемъ былъ немалое время, а потомъ тотъ же мужикъ мой Пузина, перешедъ сего 1756 года съ первого моего въ тотъ мой другій дворъ, безперерывно владѣетъ обома дворами моими и нивою моею жь, бо и сего лѣта съ той моей нивы гречку пожалъ и побралъ, а въ дворъ первый войту моему никого на жилье впущать не допущаеть, и мнѣ подданической повинности и послушенства ни въ чемъ не отдаетъ, и чинша не платитъ за ту едину причину, что ищетъ у сотника воронежского и у старшины тамошней козачества, а отъ подданичества моего увольненія, якого я ему и искать не бороню». Изложивъ въ такомъ видѣ свою претензію, Чуйкевичъ въ заключеніе жаловался на сотенную старшину, защищающую Пузину, и просилъ, чтобы послѣдняго обязали повиноваться ему и не опредѣляли въ козаки до рѣшенія генеральнаго суда. Запрошенный генеральной канцеляріей воронежскій сотникъ Холодовичъ представилъ однако ей дѣло въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. По его словамъ, Пузина не искалъ у сотенной старшины козачества, а просто, покинувъ свой посполитскій дворъ во владѣніи Чуйкевича, перешелъ, въ силу указа о свободномъ переходѣ посполитыхъ, на купленный имъ козачій дворъ. Съ этого послѣдняго онъ, не имѣя больше за собою никакихъ посполитскихъ земель въ маетности Чуйкевича, долженъ бы отбывать, по силѣ указа 1739 г., уже «козачую службу, а не посполитскую повинность», но сынъ Чуйкевича принуждаетъ его перейти обратно на покинутый имъ дворъ и, «нашедъ гвалтовно на домъ оной козачій и взявъ его, Пузину, двократно билъ кіями

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ Кіевскаго университета), п. н. «Полтавскіе земельные универсалы», № 82.

нещадно», требуя отдачи въ свои руки купчей на этотъ домъ, какую Пузинѣ «съ такого нещадного бою» и пришлось отдать. То же самое показалъ на допросѣ и самъ Пузина. Получивъ такія свѣдѣнія, генеральная канцелярія проявила, повидимому, нѣкоторое колебаніе въ рѣшеніи этого дѣла [1]). Тогда Чуйкевичъ обратился съ жалобой на неповиновеніе Пузины непосредственно къ гетману, и Разумовскій даннымъ въ апрѣлѣ 1757 г. ордеромъ предписалъ раздѣлить въ этомъ дѣлѣ два вопроса, подлежащіе разрѣшенію на основаніи различныхъ законовъ: «что принадлежитъ до иску козачества, то въ силѣ указовъ, а о грунтахъ въ силѣ малороссійскихъ правъ»; такъ какъ Пузина въ ревизіи 1756 года былъ записанъ посполитымъ, то онъ, по рѣшенію гетмана, и долженъ былъ оставаться подданнымъ Чуйкевича, а споръ о землѣ Разумовскій приказалъ разсмотрѣть особо [2]). Черезъ два мѣсяца послѣ этого Разумовскій повторилъ то же приказаніе въ общей формѣ, предписавъ генеральному суду ордеромъ отъ 19 іюня 1757 г. рѣшать споры о козачествѣ по указу 1723 г., а иски о землѣ («о грунтахъ») по малороссійскимъ правамъ. При этомъ гетманъ приказывалъ генеральному суду «рѣшенія по дѣламъ онымъ объявлять какъ тѣмъ, хто искатиметь (будетъ искать) козачества, такъ и тому, изъ-за чіего владѣнія и подданства могъ бы кто быть выключенъ въ то козачое званіе, и ежели которая сторона недовольство и апелляцію объявитъ, то, не чиня по рѣшенію исполненія, все дѣло по описи къ намъ представить къ разсмотрѣнію» [3]).

Прошло однако немного времени и тотъ же вопросъ о покупкѣ посполитыми козачьей земли и о переходѣ ихъ этимъ путемъ въ козачество вновь былъ поставленъ передъ гетманомъ, на этотъ разъ прилуцкой полковой канцеляріей. «Зъ многихъ въ полковую прилуцкую канцелярію входящихъ представленіевъ — писала она въ 1759 г. въ генеральную канцелярію — извѣстно, что по разнымъ сего полку мѣстамъ владѣльческіе подданные мужики покупають козачіе грунта, нѣкоторые въ знаніи сотниковъ

---

[1]) По крайней мѣрѣ, по словамъ Пузины въ позднѣйшей его жалобѣ, въ генеральной канцеляріи «о принужденіи его въ подданство Чуйкевичу никакого опредѣленія не послѣдовало».

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 1542.

[3]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 17, св. 25, № 81 (книга ордеровъ гетмана Разумовскаго), лл. 61—2.

и старшинъ сотенныхъ по ихъ позволеніямъ, что имъ подъ неопустнымъ штрафомъ чинить отъ полковой канцеляріи хотя запрещено, но другіе мужики и мимо знаніе оныхъ сотниковъ и старшинъ разными способы ухищренно точію ради того, чтобъ имъ, удалившись съ-подъ владѣльца, получить возможно было званіе козачое, таковы козачіе грунта покупають и, скупивъ оные, будучи сами природные искони мужики, подають прошенія въ судъ генеральный объ опредѣленіи ихъ въ званіе козачое, показывая только за собою козачихъ грунтовъ владѣніе, и на одинъ обманъ закрывають то, что они въ недавномъ времени получили тѣ грунта, будучи посполитые, почему нѣкоторымъ и удалось по такимъ подступнымъ прошеніямъ дѣйствительно получить подтвержденіе къ бытію имъ въ козачомъ званіи, на что взирая, и другіе владѣльческіе подданные безъ всякого опасенія тоже козачіе грунта искупляють». Приведя послѣдній по времени примѣръ такой попытки перехода посполитыхъ въ козачество путемъ покупки козачьихъ земель, прилуцкая канцелярія продолжала: «а яко такова купля происходить перво въ отмѣнность высочайшимъ указомъ, а къ тому и по правамъ малороссійскимъ мужикамъ шляхетскихъ добръ завлаживать и ими пользоваться не дозволяется, да притомъ же изъ того владѣльцамъ всекрайнѣйшая происходить обида, что ихъ подданные мужики въ той же маетности, въ которой испрежде жили, купивъ козачій грунтъ и на оной перенесшись, опредѣляются въ козаки, и, если сего не прекратить, то латво (легко) могуть симъ образомъ къ вящшей владѣльческой обидѣ и прочіе мужики съ подъ владѣнія ихъ удалиться». Генеральная войсковая канцелярія съ своей стороны вполнѣ присоединилась къ этимъ соображеніямъ прилуцкой старшины и тогда Разумовскій отдалъ такое распоряженіе: «кои изъ посполитыхъ, подданныхъ владѣльческихъ, покупають козачіе грунта, поступать въ силѣ ея и. в-ва указовъ и малороссійскихъ правъ и оныхъ посполитыхъ до покупки козачьихъ грунтовъ не допускать, а кѣмъ... куплено, тѣ грунта, отобравъ, возвращать кому принадлежитъ изъ козачьихъ наслѣдниковъ» [1]). Въ сущности и это распоряженіе не заключало въ себѣ чего-либо новаго. Подобно другимъ, приведеннымъ выше распоряженіямъ Разумовскаго, оно лишь подтверждало существовавшее и раньше, но не всегда соблюдавшееся, правило и этимъ подтвержденіемъ только

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 14535.

прочнѣе закрѣпляло имѣвшійся уже налицо барьеръ между посполъствомъ и козачествомъ.

Такой же по существу характеръ носило и еще одно распоряженіе Разумовскаго, состоявшееся уже подъ самый конецъ его гетманства, въ 1763 г. Этимъ распоряженіемъ или «ордеромъ» Разумовскій предписалъ — «о таковыхъ, кои по ревизіи, въ 723 году на 724 годъ учиненной, за кимъ въ подданствѣ состояли, а съ того, на владѣльческихъ грунтахъ живучи, самовольно повдирались въ козачество и тѣми довольствуются напрасно владѣльческими грунтами, не то, чтобы допущено было въ аппелляцію, но ниже въ судное дѣлопроизводство не входить» [1]). Ничего принципіально новаго не было опять-таки и въ этомъ распоряженіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было прямо направлено къ сокращенію исковъ о козачествѣ и стремилось навсегда закрѣпить въ посполъствѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были занесены въ число посполитыхъ въ одной опредѣленной ревизіи — ревизіи 1723 г. Не давая полнаго удовлетворенія пожеланіямъ владѣльцевъ о прекращеніи съ того или иного срока всякихъ исковъ о козачествѣ, — что было и не во власти гетмана — это распоряженіе все-таки до извѣстной степени шло на встрѣчу такимъ пожеланіямъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, годы гетманства Разумовскаго не принесли съ собою какихъ-либо крупныхъ и коренныхъ измѣненій въ дѣлѣ разграниченія посполъства и козачества. Въ данной области, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, въ Малороссіи въ эти годы лишь продолжались намѣтившіеся уже раньше процессы общественной жизни, постепенно, впрочемъ, обострявшіеся и принимавшіе все болѣе законченный видъ. По прежнему мѣстныя власти, въ полномъ согласіи съ владѣльцами, старались закрыть посполитымъ возможность перехода въ козачество, тщательно оговаривая и восполняя недомолвки предшествовавшаго законодательства, въ той или иной мѣрѣ оставлявшія еще такую возможность. По прежнему, съ другой стороны, владѣльцы стремились въ рядѣ случаевъ переводить козаковъ въ свои посполитые и такой переводъ, не смотря на категорически воспрещавшіе его указы центральнаго правительства, нерѣдко успѣшно осуществлялся на практикѣ, не встрѣчая особаго противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей или даже, наоборотъ, встрѣчая съ ихъ стороны

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниговской Каз. Палаты въ Кіевскій Центральный Архивъ, № 1616/2990.

прямую помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ при все упрочивавшейся власти державцевъ однажды попавшимъ какимъ-либо способомъ въ ихъ «подданство» козакамъ становилось все труднѣе выбиваться изъ него на свободу. Особенно важную роль въ этомъ отношеніи сыграло установленное Разумовскимъ въ 1760 г. ограниченіе свободнаго перехода посполитыхъ письменнымъ разрѣшеніемъ владѣльцевъ или «урядовъ» и оставленіемъ посполитымъ всего нажитаго имъ въ имѣніи имущества въ пользу того владѣльца, отъ котораго онъ уходилъ. Если раньше такъ или иначе захваченный въ «подданство» козакъ, стремясь перейти обратно въ козачество и встрѣчая противодѣйствіе со стороны владѣльца, могъ въ крайнемъ случаѣ уйти изъ его имѣнія, покинувъ свою землю, и послѣ того добиваться возстановленія своего права, то теперь и этотъ выходъ оказывался затрудненнымъ. Но владѣльцамъ этого было еще мало и они добивались большаго. Въ прошеніи, поданномъ въ 1764 г. Екатеринѣ II малороссійскимъ «шляхетствомъ» вмѣстѣ съ гетманомъ, это шляхетство просило императрицу, наряду съ полнымъ воспрещеніемъ переходовъ посполитыхъ, «запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки». То и другое запрещеніе, по словамъ шляхетства, было необходимо не только для «сохраненія въ своей силѣ» его правъ, но и «для всеобщаго Малыя Россіи благосостоянія, ибо ежели таковаго вольнаго переходу и вписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, въ Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, ибо обнищаетъ шляхетство, а мужики, работая и уплачивая за другихъ, свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся, подати, прійдутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а напослѣдокъ вся Малая Россія опустѣетъ» [1]).

Автономистскія тенденціи малорусскаго шляхетства, нашедшія себѣ выраженіе въ прошеніи 1764 г., меньше всего могли встрѣтить сочувствіе въ Екатеринѣ II, и на заключавшееся въ этомъ прошеніи ходатайство объ утвержденіи гетманства она отвѣтила уничтоженіемъ гетманскаго сана, учрежденіемъ новой Малороссійской Коллегіи, составленной поровну изъ великороссовъ и малороссовъ, и назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Мало-

[1]) «Кіевская Старина», 1883, № 6, с. 343.

россіи гр. Румянцева. Но совершенно иначе отнеслась Екатерина къ соціальнымъ идеямъ, лежавшимъ въ основѣ шляхетскаго прошенія 1764 г. «Переходы земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто» императрица сама находила «весьма вредными» и считала нужнымъ «всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ оные переходы вовсе пресѣчены были»[1]. А наряду съ этимъ Екатерининское правительство, насквозь проникнутое крѣпостническими тенденціями, склонно было такъ же отрицательно относиться не только къ переходу посполитыхъ въ козаки, но и вообще къ возможности исканія козачества изъ-подъ владѣнія помѣщиковъ.

Сама Екатерина не высказывалась по этому послѣднему вопросу, но назначенный ею генералъ-губернаторомъ Малороссіи гр. Румянцевъ высказался о немъ вполнѣ опредѣленно уже очень скоро послѣ своего назначенія — въ указаніяхъ, данныхъ имъ Малороссійской Коллегіи при составленіи ею инструкціи депутату, выбиравшемуся отъ нея въ Коммиссію для составленія новаго уложенія. Отмѣчая въ этихъ указаніяхъ различные «усмотрѣнные въ Малой Россіи недостатки, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно», Румянцевъ, между прочимъ, обращалъ вниманіе Коллегіи и на захватъ владѣльцами многихъ козаковъ въ «подданство», и на проистекавшіе отсюда иски о козачествѣ. «И хотя, — писалъ генералъ-губернаторъ — съ одной стороны владѣльцовъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однакожъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніяхъ не искали, а ежели отъ службы бѣжали, укрываяся отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны; старшины же сотенные, корысти ради, сошедшихъ имуществомъ пользуяся, охотно, конечно, имъ на сіе позволяли, ибо рѣдко или никогда о таковыхъ бѣглыхъ не репортовали». «Надлежитъ — заключалъ Румянцевъ свое указаніе — разсуждать, коимъ образомъ въ семъ пунктѣ, общественного добра ради, единожды навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства»[2]. И Малороссійская Коллегія, исполняя предначертанія своего президента, помѣстила въ свой наказъ просьбу на будущее время запретить

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 7, сс. 379, 381.

[2]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 109.

«писаніе въ козачество» и повелѣть, чтобы «кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужь такъ быть и о козачествѣ молчать»[1]). Иначе говоря, Малороссійская Коллегія во главѣ съ своимъ президентомъ вернулась къ выдвигавшемуся и ранѣе малорусскими владѣльцами проекту прекращенія всякихъ исковъ о козачествѣ.

Рядовое козачество возлагало на Коммиссію для составленія новаго уложенія иного рода ожиданія. Наказъ черниговскихъ козаковъ указывалъ, что раньше козаки легко несли свою службу государству, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно земли и угодій, а теперь эта служба стала для нихъ тяжела «за утѣсненіемъ владѣльцовъ и всякого званія старшинъ козачихъ», которые у козаковъ «пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всякіе гдѣ есть лучшіе грунта завлаживаютъ и всякими хитрыми способами козаковъ утискаютъ, а дворы, по вытискѣ оныхъ козаковъ зъ ихъ дворовъ, къ себѣ привлащаютъ (присвоиваютъ) и владѣнія съ козачихъ земель приумножаютъ, а иныхъ козаковъ въ партикулярныя свои работы употребляютъ», тогда какъ другимъ приходится нести «двойную службу съ великимъ отягощеніемъ». «Многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины — указывали далѣе составители черниговскаго наказа — не только имѣнія козачія поотнимали насильно, по куплѣ и всякими сдѣлками, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство... И за тѣмъ мы всѣ въ крайней обидѣ находимся, что многое число козаковъ, какъ по искуплѣ козачіихъ грунтовъ, такъ и завладѣніемъ насильствомъ всякого званія владѣльцами, сотниками и старшинами, а иные козаки съ великого утѣсненія и отъ видимыхъ страховъ, оставя свои грунта козачіе владѣльцамъ поневолѣ, порасходились въ подсусѣдки за рубежъ и въ иныя мѣста. Почему въ умаленіи козачихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачихъ число отошло, а козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ, за таковыхъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайное разореніе и оплошность». «Въ отвращеніе таковыхъ бѣдствій» черниговскіе козаки просили императрицу «освободить отъ вышеписанныхъ владѣльцовъ какъ духовнаго, такъ и мірского чина, сотниковъ и всякого званія старшинъ» и «всѣ напрасно завладѣнные грунта, такъ и купленные», и «самихъ козаковъ, дабы оные по прежнему въ об-

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 43, с. 233.

щество Россійской Имперіи и паки между козаки въ службу причтены были»[1]).

Екатерининская Коммиссія не разрѣшила однако этого вопроса, какъ не разрѣшила она и никакихъ другихъ, и до поры до времени онъ остался въ прежнемъ положеніи. У генералъ-губернатора Малороссіи, не добившагося полнаго прекращенія исковъ о козачествѣ, оставалась, правда, возможность принимать частныя мѣры по отношенію къ такимъ искамъ и вообще къ переходу изъ поспольства въ козачество. Въ извѣстной мѣрѣ онъ эту возможность и использовалъ. И при этомъ, конечно, его мѣры пошли не въ томъ направленіи, какое указывалось черниговскими козаками, а въ томъ, какое соотвѣтствовало его собственнымъ воззрѣніямъ, стоявшимъ, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи со взглядами малорусскихъ владѣльцевъ.

Первая такая мѣра была принята Румянцевымъ еще до созыва Екатерининской Коммиссіи, въ 1765 г. Въ этомъ году именно Малороссійская Коллегія обратила вниманіе на то, что многіе, ищущіе козачества, раньше обращенія въ судъ «просятъ опредѣленія ихъ въ козаки прямо отъ Коллегіи, а владѣльцамъ, на которыхъ оные ищущіе козачества жалобы представляютъ о порабощеніи якобы ихъ ненадлежаще въ подданство, оказываютъ непослушаніе, хотячи прежде разсмотрѣнія жить въ свободности, о какой ихъ ослушности и отъ владѣльцовъ подаются въ Малороссійскую Коллегію прошенія». Въ виду этого Коллегія приказала «во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ публиковать указами, чтобъ отъ сего времени всѣ такіе малороссійскіе обыватели, которые ищутъ козачества своего, а до сего нигдѣ о томъ не били челомъ, подавали просьбы прямо въ судъ генеральный, гдѣ по указамъ опредѣлено о козачествѣ слѣдствія чинить, а Малороссійской Коллегіи, не бивъ челомъ въ томъ генеральномъ судѣ, не утруждали и, покудова о томъ своемъ козачествѣ не докажутъ, до того времени владѣльцамъ своимъ въ отбуваніи надлежащихъ повинностей никакова ослушанія не дѣлали, опасаясь за какову-либо ихъ въ томъ противность наказанія». Въ успокоеніе ищущихъ козачества Коллегія прибавляла, что «за учиненіемъ по тѣмъ ихъ просьбамъ въ генеральномъ судѣ рѣшеній, по которымъ они опредѣлены будутъ въ козаки, ежелибы какое имъ въ порабощеніи отъ владѣльцовъ послѣдовало отягощеніе, за подачею въ томъ ихъ

---

[1]) Наказы малороссійскихъ депутатовъ 1767 года. К. 1889, сс. 144—6.

просьбы безъ надлежащого разсмотрѣнія о награжденіи ихъ оставлено не будетъ, для чего и владѣльцы не должны имъ до рѣшенія тѣхъ дѣлъ никакова мщенія, паче же налоговъ и отягощенія, причинять» [1]). Въ сущности это было лишь подтвержденіемъ существовавшаго и раньше правила, повременамъ нарушавшагося, однако, какъ въ виду упорнаго стремленія нѣкоторыхъ попавшихъ во владѣльческое «подданство» козаковъ возможно скорѣе, безъ судебной волокиты, высвободиться изъ него, такъ и въ виду тѣхъ притѣсненій, которымъ подчасъ подвергали владѣльцы выбивавшихся изъ-подъ ихъ власти путемъ исковъ о козачествѣ лицъ. И, конечно, обѣщаніе Коллегіи, что въ случаѣ такихъ притѣсненій эти лица будутъ вознаграждены послѣ того, какъ судъ признаетъ ихъ козаками, не имѣло большого практическаго значенія, какъ не имѣло большого значенія и обращенное къ владѣльцамъ увѣщаніе воздерживаться отъ притѣсненій. Существенно важнымъ въ распоряженіи Коллегіи являлось именно лишь подтвержденіе прежняго правила, до извѣстной степени затруднявшаго самые иски о козачествѣ.

Три года спустя Румянцевъ въ виду «трудностей, сопряженныхъ съ разборомъ дѣлъ по искамъ козачьимъ о скуплѣ грунтовъ или обращеніи самихъ ихъ въ подданство владѣльцами», поручилъ генеральному суду подробно разсмотрѣть эти вопросы и «подать мнѣніе, какъ о покупленныхъ донынѣ въ Малой Россіи у козаковъ разными владѣльцами грунтахъ и о живущихъ за ними въ подданствѣ, такъ и на какомъ основаніи впредь всему тому остаться». Генеральный судъ выполнилъ порученіе и 26 апрѣля 1768 г. представилъ свое «мнѣніе». «Что до живущихъ за владѣльцами въ подданствѣ козаковъ принадлежить, — говорилъ онъ здѣсь по поводу второго изъ поставленныхъ Румянцевымъ на его обсужденіе вопросовъ, — то неоспоримо, что, съ одной стороны, между мужиками множество козаковъ находится, изъ которыхъ большая часть перемѣнили свое состояніе пріобрѣтеніемъ мужичьяго грунта, или продавъ свой владѣльцу, но притомъ оставаясь жить на ономъ, укрываясь же отъ должной службы, приходили въ видѣ посполитыхъ и о козачествѣ своемъ чрезъ долгое время, а особливо въ военное, не отзывались. По успокоеніи же военныхъ обстоятельствъ, не полагая [какъ въ высочайшемъ ея и. в-ва манифестѣ декабря 10 дня 1763 г. о переходѣ здѣшняго на-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 3893.

рода написано] ни малѣйшей твердости основанія въ своемъ домостроительствѣ, привыкши перемѣнять жилище и состояніе свое, начали искать о возвращеніи ихъ въ козачее званіе, основывая иски свои на указѣ 1723 г., который совсѣмъ до нихъ не касается, подавая помощь однимъ насильно порабощеннымъ, а въ судахъ сею обороною, отъ государя пожалованною однимъ насильству подверженнымъ, пользовалися и такіе, кои, забывъ клятву свою передъ Богомъ и долгъ подданства и службы государю, скрывались по большей части во время военное отъ походовъ въ протекціяхъ или подданствѣ у помѣщиковъ, вмѣсто того, что всѣ таковые по 2 пункту статей гетмана Бруховецкого долженствуютъ быть лишенными всѣхъ свободъ гражданскихъ и причтенными къ градскимъ должностямъ». «Съ другой стороны, — продолжалъ генеральный судъ, — нельзя не согласиться, чтобъ и между козаками не было посполитыхъ, видя ежечастые примѣры, что мужикъ, по свободному переходу оставя свое жилище, сдѣлается наемщикомъ козака грунтового и, по введенному непорядку будучи посылаемъ вмѣсто хозяина своего къ отправленію военной службы, почитаетъ себя въ числѣ козаковъ, а, получа женитьбою или инымъ случаемъ грунтъ, дѣлается и прямымъ козакомъ. Ибо, когда при слѣдствіи о козачествѣ его судъ, не находя имени его въ компутахъ и ревизіяхъ, приступаетъ къ разбору свидѣтельскими показаніями, сіи жъ объявятъ, что о предкахъ его неизвѣстны, а вѣдаютъ, что самъ онъ отправлялъ козацкую службу, то не остается суду, какъ токмо издать рѣшеніе, приговаривая остаться ему козакомъ на основаніи указа 1723 г., въ которомъ [единственно о порабощенныхъ насильно] между протчіимъ напечатано: ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козачьей службѣ были, тѣхъ писать въ козаки». Между тѣмъ — утверждалъ далѣе генеральный судъ — подобные судебные приговоры самимъ ищущимъ козачества «по большей части бываютъ болѣе неполезны, нежели владѣльцамъ». Прежде всего, «какъ скоро мужикъ начнетъ бить челомъ о козачествѣ, владѣлецъ, не надѣясь удержать его въ подданствѣ, забираетъ у него все нажитое подъ его владѣніемъ имущество и грунты, какъ то изъ многихъ жалобъ ищущихъ козачества видѣть можно». Въ дальнѣйшемъ судъ, разбирая искъ о козачествѣ, изслѣдуетъ только «природу» истца, не касаясь вопроса объ его земляхъ, и потому даже въ случаѣ благопріятнаго для него приговора выноситъ такое рѣше-

ніе: «быть ему козакомъ и о приводѣ къ присягѣ и употребленіи его въ службу послать въ полкъ указъ, а о грунтахъ вѣдаться ему судомъ». Иногда же члены суда, разбирая дѣло ищущаго козачества и «нашедъ, что по одной ревизіи въ какомъ-либо селѣ написанъ онъ мужикомъ, но по другой, прежней, въ иномъ поселеніи означенъ козакомъ, приговариваютъ быть ему козакомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ семъ званіи отмѣченъ, то есть, гдѣ онъ ни дому, ни грунту не имѣеть». Въ результатѣ всего этого даже доискавшемуся по суду своего козачества «остается еще чрезъ нѣсколько лѣтъ таскаться по судамъ, доискиваясь имѣнія, и во все то время, пока дѣло по аппелляціямъ во всѣхъ судахъ порядкомъ кончено будетъ, быть чуждымъ всякаго хозяйства и жить праздно въ тягость обществу». «Въ прекращеніе сихъ непорядковъ» и «чтобъ согласить государственную пользу съ пользою и выгодою всѣхъ и каждаго жителя», генеральный судъ пришелъ по вопросу «о живущихъ въ подданствѣ за владѣльцами козакахъ» къ такому выводу: «въ разсужденіи, что исканіе козачества донынѣ пребывало безперерывное, а по смѣшенію козаковъ съ посполитыми свойствомъ и жилищами оказывается и напредки безконечнымъ, отнынѣ для успокоенія общества писать въ козаки однихъ тѣхъ, которые на точномъ основаніи указа 723 г. докажутъ насильственное ихъ порабощеніе и въ военное время о возвращеніи ихъ въ козачое званіе не молчали, прочіе же, какъ по статьямъ гетмана Бруховецкого за укрывательство отъ службы должны терять вольности козачьи, то кто при ревизіи на какомъ грунтѣ написанъ будетъ, оному въ сходство 10 пункта именного указа 1734 г. остаться, гдѣ онъ есть, и вѣчно о козачествѣ молчать» [1]).

Нарисованная генеральнымъ судомъ картина взаимныхъ отношеній между посполитыми и козаками и результатовъ исковъ о козачествѣ грѣшила, конечно, значительной односторонностью. Но во всякомъ случаѣ въ этой картинѣ были и нѣкоторыя вѣрныя детали. И еще болѣе важно было то, что, изображая эту картину, генеральный судъ затѣмъ пользовался ею для того, чтобъ развивать проекты, шедшіе въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ шли проекты самого Румянцева и подчиненной ему Малороссійской Коллегіи. И если такое коренное измѣненіе въ толкованіи указа 1723 г., какое предлагалъ генеральный судъ, было

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 32, кн. 98, дѣло 77, лл. 69—72.

не во власти Малороссійской Коллегіи и ея президента, то самое предложеніе этого измѣненія со стороны генеральнаго суда, несомнѣнно, должно было укрѣпить Коллегію на томъ пути частичныхъ ограниченій исковъ о козачествѣ, на который она стала съ первыхъ моментовъ своей дѣятельности.

Идя по этому пути, Малороссійская Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, продолжала и политику тщательнаго закрыванія передъ посполитыми всякаго доступа въ козачество. Такъ, напримѣръ, въ 1768 г. сотенная глуховская канцелярія обратилась къ Коллегіи съ доношеніемъ, въ которомъ указывала, что «многіе сотни глуховской козаки принимають на свои козачіе грунта мужичьяго званія людей, однихъ называя родственниками своими, а другихъ и вовсе постороннихъ къ дочерямъ своимъ въ зяти, нѣкоторыхъ же и къ наслѣдству имѣній своихъ, будучи сами бездѣтны, и тѣ мужики, иные безъ всего, а другіе съ нажитымъ у владѣльцевъ имѣніемъ, до козаковъ переходять и называются фамиліями тѣхъ козаковъ, пользуясь ненадлежаще правомъ козачимъ». Между прочимъ, — разсказывала глуховская канцелярія — «въ селѣ Каменѣ козакъ тамошній Василь Завадскій, будучи бездѣтенъ, принялъ къ себѣ на свои козачіе грунта и все имѣніе подданного Гамалѣевского монастыря, жителя каменского, Василя Носенка, съ двумя братами и съ имуществомъ ихъ, чему уже восьмой годъ, о чемъ нынѣ и жалоба отъ оного монастыря въ сотенной канцеляріи имѣлась». Представляя дѣло Завадскаго и принятыхъ имъ Носенковъ на разсмотрѣніе Малороссійской Коллегіи, глуховская канцелярія вмѣстѣ съ тѣмъ просила отъ нея и общаго указанія, «впредь что въ такихъ и подобныхъ случаяхъ чинить будеть повелѣно». Коллегія и не замедлила дать такое указаніе. Разсмотрѣвъ присланное ей доношеніе, она рѣшила «послать въ сотенное глуховское правленіе указъ и велѣть наблюдать въ томъ сотенному правленію, какъ указы и права повелѣваютъ, хотя жь мужикамъ жениться на козачьихъ дочеряхъ и невозбранно, но они по тому козаками считаться не могутъ и козачіе грунта должны оставаться въ родѣ козачомъ къ отправленію съ оныхъ козачой службы». И въ посланномъ указѣ Малороссійская Коллегія предписала «сотенному правленію прилежно наблюдать, чтобы посполитые на таковыхъ грунтахъ не проживали»[1]). Посполитый могъ, такимъ

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 13997.

образомъ, по толкованію Коллегіи, жениться на дочери козака, но не могъ, какъ это дѣлалось раньше, быть принятъ своимъ тестемъ на его землю и въ его дворъ въ качествѣ равноправнаго участника хозяйства — «пріймака», не могъ и получить эту землю по наслѣдству и такимъ путемъ войти въ козаки. Женившись на дочери козака, посполитый не могъ стать козакомъ, но долженъ былъ сдѣлать свою жену посполитой. Въ этомъ толкованіи грань, создавшаяся между посполъствомъ и козачествомъ, выступала уже съ полной ясностью и отчетливостью.

На практикѣ эта грань все-таки не всегда соблюдалась въ такомъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ владѣльцы имѣній съ своей стороны принимали весьма энергическія мѣры для того, чтобы однажды попавшіе въ ихъ «подданство» люди не могли уже выйти изъ него въ козачество. Въ этихъ мѣрахъ владѣльцы не ограничивались только тѣмъ отнятіемъ у пытавшихся выйти въ козаки «подданныхъ» ихъ движимыхъ имуществъ и земель, о которомъ генеральный судъ говорилъ въ 1768 г., какъ объ обыденномъ явленіи, но шли и много дальше. Такъ, въ 1766 г. два жителя с. Сокиринецъ, Моисей Гаевенко и Карпъ Максаченко, жаловались въ Малороссійскую Коллегію, что они, будучи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими жителями с. Сокиринецъ обращены изъ козаковъ въ «подданныхъ» прилуцкимъ полковникомъ Игнатіемъ Галаганомъ, ведутъ теперь дѣло о козачествѣ съ его сыномъ Григоріемъ, также прилуцкимъ полковникомъ, но онъ, мстя имъ за это и принуждая оставаться въ «подданствѣ», подвергаетъ ихъ различнымъ насиліямъ. Въ 1765 г., по словамъ жалобщиковъ, Галаганъ ихъ «нещаднымъ боемъ до полусмерти умучилъ». И хотя Малороссійская Коллегія по ихъ жалобѣ, воспретила ему такія дѣйствія, но онъ не унялся и въ 1766 г. сперва заграбилъ имущество бившихъ челомъ объ освобожденіи изъ-подъ его власти людей, а затѣмъ, наѣхавъ съ козаками въ Сокиринцы, взялъ 15 человѣкъ этихъ челобитчиковъ въ свой дворъ и тамъ подвергъ ихъ жестокому истязанію. «Гвалтомъ — разсказывали жалобщики — якобы для выслушанія Коллегіи Малороссійской присланного указа брали насъ насильно и за приходомъ въ дворецъ его, полковника, сокиринскій съ приказу его, не объявляя намъ тамо никакого указа, заразъ, розложа всѣхъ насъ, 15 человѣкъ, необычными барбарами (розгами) по голому тѣлу безчеловѣчно билъ, такъ что кровію были оплыли и тѣло отъ костей падало и тѣмъ тиранскимъ мученіемъ едного съ насъ, Кирила Гаевенка,

приправилъ до смерти», а другихъ довелъ до болѣзни. Малороссійская Коллегія приказала маіору Стремоухову, находившемуся въ это время при сочиненіи генеральной описи въ Прилуцкомъ полку, осмотрѣть съ врачемъ избитыхъ сокиринцевъ и трупъ Кирила Гаевенка. И хотя этотъ осмотръ производился уже 9 марта, а жалоба сокиринцевъ была подана еще 21 февраля, онъ вполнѣ подтвердилъ показанія жалобщиковъ: у всѣхъ ихъ оказались на тѣлѣ раны, струпья и т. п. Изсѣченнымъ оказался и мертвый Кирилъ Гаевенко, но при вскрытіи его трупа производившій это вскрытіе лекарь Ямбургскаго карабинернаго полка Петровъ нашелъ въ его сердцѣ «полипусъ». Поэтому, когда Моисей Гаевенко началъ противъ Галагана искъ, обвиняя его въ убійствѣ своего отца, Галаганъ, отрицая это убійство, утверждалъ, что Кирилъ Гаевенко, навѣрно, умеръ отъ «полипуса». Спрошенный по ссылкѣ на него обѣихъ сторонъ лекарь Петровъ съ своей стороны далъ подъ присягой показаніе, что «отъ такого полипуса смерть дѣйствительно приключаться можетъ, понеже запираетъ хожденіе крови, въ разсужденіи-жъ тѣхъ побоевъ, кои усмотрѣны были, умереть бы невозможно». Малороссійская Коллегія отнеслась однако къ этому показанію съ недовѣріемъ въ виду состоянія здоровья остальныхъ потерпѣвшихъ и запросила мнѣніе двухъ другихъ докторовъ, надворнаго совѣтника Паульсона и штабъ-лекаря Риттера. Послѣдніе нашли, что результаты осмотра и вскрытія трупа Гаевенка изложены Петровымъ недостаточно полно и обстоятельно, между прочимъ, «отчего имѣлъ бы полипъ зародиться у сего трудолюбивого человѣка, въ томъ ни слова о его болѣзни не упомянуто», а слѣды истязаній, обнаруженные на другихъ пострадавшихъ отъ Галагана сокиринцахъ, противорѣчатъ заключенію Петрова. «Для того — заключали названные доктора — мы по вышепоказаннымъ причинамъ и недостаточнымъ обстоятельствамъ зрѣлымъ разумомъ разсуждаемъ, что сей случай весьма сомнительной есть, и мы тѣ побои ни чрезъ себя смертельными называемъ, ни того сказать можемъ, чтобъ оные вовсе отъ того свободны были, вѣстимо однако сіе, что побои всегда случайною причиною послѣдованной смерти бывали»[1]. Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ архивныхъ бумагъ не видно, но для Галагана оно во всякомъ случаѣ сошло благополучно и онъ никакому серьезному наказанію не подвергся.

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 632.

Не всѣ державцы, конечно, способны были, какъ Галаганъ, дойти до убійства человѣка, пытавшагося выйти изъ ихъ «подданства» въ козачество, но весьма многіе изъ нихъ не останавливались въ такихъ случаяхъ передъ грубымъ насиліемъ. Въ 1767 г. житель м. Пещаного Леско Тарасенко подалъ въ коммиссію составленія генеральной описи въ Переяславскомъ полку жалобу на подобное насиліе со стороны пещанскаго сотника Ивана Жилы. По словамъ жалобщика, его дѣдъ, отецъ и самъ онъ были козаками и отправляли козацкую службу, но затѣмъ сотникъ сталъ требовать, чтобы онъ продалъ свою хату и перешелъ въ хату и «подданство» его, сотника. Въ концѣ концовъ Тарасенко подчинился этому настойчивому требованію, сопровождавшемуся различными обидами и угрозами, продалъ свою хату другому козаку, «увойшолъ въ его, господина сотника, хату жить и прожилъ пять годъ подъ нимъ, сотникомъ, работая подданическо». Затѣмъ однако, въ виду «обиды и тяжести отъ необычайной работизны», онъ рѣшилъ вернуться въ козачество, выкупилъ свою старую хату и сообщилъ о своемъ намѣреніи сотнику. Но послѣдній не отпускалъ его, когда же онъ все-таки ушелъ, воспользовавшись отлучкой Жилы, тотъ заграбилъ у него двухъ воловъ. «Сожалѣя я за тѣми волами, — разсказывалъ Тарасенко, — принужденъ къ ему, господину сотнику, пойтить и, скоро пришелъ, онъ, господинъ сотникъ, спросилъ мене: чи козакъ ты? И я ему въ отвѣтъ говорилъ: зъ дѣда и отца козакъ, то онъ, сотникъ, сказалъ: васъ де сотники за паляницы въ козаки повписовали. И, прискочивши, началъ мене бить по щекамъ, а потомъ, похитивши за волоса, по свѣтлицѣ, зваливши на землю, келепомъ довольно билъ же и, какъ я, нижайшій, отъ его, сотника, немилостивого бою свободился, не памятаю. Оной же господинъ сотникъ мене, нижайшого, зъ женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ между подсусѣдки подъ свое вѣдомство уписалъ напрасно по своей властительской волѣ». Въ виду этого Тарасенко просилъ дать ему удовлетвореніе за понесенныя обиды и исключить его въ генеральной описи изъ перечня подсусѣдковъ Жилы [1]).

Такія же жалобы въ большомъ количествѣ поступали въ связи съ производившейся по распоряженію Румянцева въ 1766—8 гг. генеральной описью Малороссіи и отъ другихъ лицъ. Такъ, въ золотоношской сотнѣ нѣкій Данило Жиденко заявлялъ

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Пещанской сотни, т. III, № 105. в.

въ коммиссію составленія описи, что онъ давній козакъ и съ 1756 года жилъ, купивъ себѣ дворъ у козака же, въ с. Мицаловкѣ. Но бывшій владѣлецъ послѣдняго, полковникъ Сулима, — продолжалъ Жиденко — «по власти своей безъ продажи и просьбы моей подъ свое владѣніе подвернулъ, почему я и Якимовичу по раздѣлкѣ во владѣніе достался напрасно»[1]). Житель д. Власовки въ барышевской сотнѣ Иванъ Ямакъ также жаловался въ коммиссію составленія описи на Сулимъ. «Помершій полковникъ переясловскій г. Сулима — разсказывалъ онъ — по своей власти сперва употребилъ мене его лѣсовъ досматривать, а потомъ къ моей козачой должности подъ сотню, какъ я прежде козачо служилъ, не допустилъ и ласкалъ мене при смотрѣніи его рощей быть, но когда я при его, г. полковника, смотрѣнію рощи началъ было отказываться, въ тѣ поры онъ, полковникъ, по своей власти содержалъ подъ арестомъ и трикратно самого меня и трехъ сыновъ моихъ нещадно кіями билъ», а, кромѣ того, забралъ у Ямака денегъ 9 р. и разное имущество. Когда же при составленіи генеральной описи Ямакъ объявилъ себя козакомъ, сынъ умершаго къ этому времени полковника, Евграфій Сулима, наслалъ своихъ слугъ на домъ Ямака и забралъ у него четырехъ воловъ и два сундука съ платьемъ[2]). Житель с. Сушковъ Хома Рубаненко также жаловался, что онъ привлеченъ въ посполитые, хотя отецъ его, «природній будучи козакъ и жительствуя на козачомъ искони грунтѣ, служилъ по смерть свою козачо и былъ въ давніе года сотеннымъ комиссаромъ». Когда онъ умеръ и вдова его вышла замужъ за посполитаго бунчуковаго товарища Андрея Деркача, — объяснялъ Рубаненко — «то по оному отчиму моему какъ тотъ козачій грунтъ реченнымъ Деркачемъ подъ его владѣніе захваченъ, такъ равнымъ образомъ и мене, природного козака, по отчиму привлеклъ въ подданство и завладѣлъ незаконно»[3]). Тогда же, въ 1767 г., житель с. Богодуховки въ кропивянской сотнѣ Переяславскаго полка Максимъ Латунъ жаловался, что и его незаконно привлекаютъ въ поспольство. По словамъ Латуна, его дѣдъ и отецъ отправляли раньше козацкую службу въ с. Патютахъ Кіевскаго полка, а лѣтъ пятьдесятъ назадъ, «въ морозовой годъ», перешли въ с. Богодуховку, «пото-

---

[1]) Рум. Оп., Переясл. п., документы Золотоношской сотни, т. IX, № 167.
[2]) Мотыжинскій Архивъ, сс. 189—90.
[3]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевскаго ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Золотоношской сотни, т. IX, № 176.

му что на хлѣбъ весьма въ полку Кіевскомъ скудость была», и, купивши себѣ здѣсь «козачій грунтъ», также отбывали козацкую службу. Отбывалъ ее послѣ смерти отца и самъ Максимъ Латунъ. «Сего жъ года асаулъ полковій переяславскій Михайло Лукашъ въ томъ же селѣ Богодуховкѣ купилъ дворовъ два мужичихъ въ смежности его, Латуна, зъ дворомъ, за которыми и его, Латуна, желаетъ подвергнуть себѣ въ подсусѣдки, сказуючи, якобы онъ, Латунъ, и умершій отецъ его невѣдомо откуда зайшли и ни въ какомъ званіи нигдѣ будто не были». Произведенными разспросами старожиловъ с. Патютъ показаніе Латуна, что его дѣдъ и отецъ жили нѣкогда въ этомъ селѣ въ козацкомъ званіи, вполнѣ подтвердилось [1]). Жившій въ с. Семеновкѣ березанской сотни Василь Кучерявый съ сыновьями также жаловался въ 1767 г., что онъ раньше былъ козакомъ и, «избывая сильныхъ рукъ панскихъ», нѣсколько разъ перемѣнилъ мѣсто жительства, пока, наконецъ, поселился въ Семеновкѣ. Однако, — продолжалъ Кучерявый — когда посполитые этого села достались по наслѣдству отъ Якова Маркевича во владѣніе капитана Лукашевича, «въ то время и насъ онъ, капитанъ Лукашевичъ, подвернувъ подъ себя насильно и завладѣлъ, а чтобъ мы о своемъ козачествѣ не объявляли, онъ, Лукашевичъ, уграживая побоями, запретилъ» [2]).

Какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ эпизодовъ, владѣльцы въ серединѣ 60-хъ годовъ, въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за уничтоженіемъ гетманства, вели себя такъ же, какъ и въ годы гетманства Разумовскаго, и не только всѣми мѣрами, вплоть до жестокихъ насилій, задерживали подъ своей властью однажды попавшихъ въ нее людей, но продолжали и вновь привлекать козаковъ въ свое «подданство». И какъ раньше гетманъ, такъ теперь Малороссійская Коллегія и ея президентъ, возставая противъ подобнаго привлеченія въ отдѣльныхъ случаяхъ, не вели въ сущности съ нимъ никакой систематической борьбы и, сообразуя свою дѣятельность по преимуществу съ интересами владѣльцевъ, обращали главное свое вниманіе въ другую сторону, больше всего заботясь о закрытіи для посполитыхъ

[1]) Тамъ же, Документы Кропивянской сотни, т. III, № 122.

[2]) Тамъ же, Документы Березанской сотни, неразобранная еще связка. Такія же жалобы во множествѣ сохранились въ Румянцевской Описи и изъ другихъ мѣстностей. См. напр., составленную сотеннымъ слабинскимъ правленіемъ вѣдомость о владѣльческихъ захватахъ въ слабинской сотнѣ Черниговскаго полка — Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

всякаго доступа въ козачество. Благодаря этому, такое привлеченіе козаковъ владѣльцами въ «подданство» продолжалось и позже.

Въ 1773 г. козакъ с. Сасиновки въ Лубенскомъ полку Тимофей Сусла обратился въ Малороссійскую Коллегію съ жалобой на державцу названнаго села, полкового обознаго Павла Кулябку. По словамъ жалобщика, какъ его дѣдъ и отецъ, такъ и самъ онъ всегда были козаками и отправляли козацкую службу. Отправлялъ ее Тимофей Сусла и въ 1773 г., участвуя въ турецкомъ походѣ второй арміи, пока на смѣну ему былъ присланъ наймитъ козака Калинченка, «природный мужикъ» Максимъ Голота, а онъ былъ отправленъ домой. «И когда я прибылъ, — разсказывалъ Сусла — то увѣдомился, что обозный полковый лубенскій Павелъ Кулябка, какъ протчіихъ козаковъ, такъ и брата моего, природного козака Андрея Суслу, и жену мою насильно въ подданство привернулъ и во всегдашнія работы съ мужиками сасиновскими, якіе ему на рангъ отданы, употребляетъ, лошади и волы въ подводы беретъ, изъ двора моего гвалтомъ едну скирту сѣна забралъ, поле пожалъ, траву на сѣно покосилъ и тѣмъ мене привелъ къ немалому разоренію». Въ виду этого Сусла просилъ защиты Малороссійской Коллегіи. Послѣдняя однако во всемъ этомъ эпизодѣ прежде всего заинтересовалась тѣмъ обстоятельствомъ, какимъ образомъ, вопреки распоряженіямъ Румянцева, въ походъ вмѣсто козака могъ быть отправленъ его наймитъ, да еще посполитый, и немедленно начала по этому поводу строгое слѣдствіе. Дѣло же Суслы затянулось надолго. Въ концѣ концовъ Коллегія рѣшила, что Сусла и еще 16 сасиновскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ нимъ захваченныхъ въ «подданство» Кулябкой, должны оставаться козаками, но Кулябка аппелировалъ въ сенатъ и еще въ 1784 г. дѣло это не получило окончательнаго разрѣшенія [1]).

Въ 1777 г. такого же рода жалоба поступила въ Малороссійскую Коллегію отъ козака Григорія Миколенка, жившаго въ с. Остаповкѣ Гадяцкаго полка. Какъ разсказывалъ Миколенко въ этой жалобѣ, онъ, оставшись по смерти своихъ родителей малолѣтнимъ, «находился первѣе въ бывой Сѣчи Запорожской въ тамошнихъ козаковъ на воспитаніи чрезъ десять лѣтъ», потомъ, придя изъ Сѣчи въ с. Остаповку, женился на дочери тамошняго

[1]) Кіев. Истор. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіевск. губ.правленія, подъ рубрикой «дѣлъ о закрѣпошеніи и отысканіи вольности».

козака, поселился на тестевской землѣ и, отбывая съ нея козацкую службу, былъ записанъ въ числѣ козаковъ и въ ревизіи 1764 г. Но когда-то гадяцкій полковникъ Чарнышъ, который «употреблялъ было мѣстно козаковъ съ рангового владѣнія съ подданными въ надобность подданническую», привлекъ къ этой «надобности» и отца Миколенка. Узнавъ объ этомъ, гадяцкій полковникъ Тарновскій и самого Миколенка, не смотря на всѣ его службы, «включилъ самъ собою безъ всякихъ разборовъ въ число рангового полковничого владѣнія подданныхъ и употреблялъ въ разныя подданническія повинности». Миколенко просилъ защиты Коллегіи и послѣдняя, дѣйствительно, постановила «оставить его въ козачемъ званіи по прежнему къ отправленію службы» [1]).

Такихъ жалобъ и просьбъ о защитѣ отъ владѣльцевъ въ семидесятыхъ годахъ поступало въ Малороссійскую Коллегію очень много, но далеко не всегда онѣ приводили къ благопріятнымъ для жалобщиковъ результатамъ. Бывало иногда и такъ, что Коллегія сама ставила препятствія на пути лицъ, искавшихъ козачества. Такъ, напримѣръ, въ 1778 г. нѣсколько жителей с. Пологъ въ Переяславскомъ полку, добивавшихся козачества изъ-подъ владѣнія Румянцева, просили у Коллегіи билетовъ на проѣздъ въ Петербургъ для веденія своего дѣла въ сенатѣ по аппелляціи. Коллегія отказала имъ въ такихъ билетахъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ просьба не снабжена отпускомъ «ни отъ какого мѣста». Тогда просители обратились въ сенатъ, указывая, что они опасаются пропустить срокъ аппелляціи. Сенатъ затребовалъ отъ Коллегіи объясненій и затѣмъ предписалъ ей выслать просителей въ Петербургъ, такъ какъ дѣло ихъ съ Румянцевымъ не окончено и, слѣдовательно, они не нуждаются въ чьемъ-либо отпускѣ и не могутъ его получить [2]).

Но даже и тогда, когда Малороссійская Коллегія и подчиненныя ей власти прилагали старанія къ возвращенію попавшихъ въ «подданство» козаковъ въ козачество, а владѣльцы не прибѣгали къ насилію для удержанія ихъ за собою, такое возвращеніе не всегда оказывалось легкимъ и простымъ дѣломъ. Въ 1780 г. полковая черниговская канцелярія сообщила Малороссійской Коллегіи, что въ слабинской сотнѣ нѣсколько козаковъ поддалось владѣльцамъ, «черезъ что какъ въ отправленіи службы есть умаленіе,

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

такъ и въ платежѣ кварталовъ въ курѣнь недостатокъ», и хотя полковая канцелярія требовала возврата этихъ козаковъ подъ сотню, но владѣльцы не выполняютъ ея требованія. Коллегія, получивъ это сообщеніе, предписала черниговскому гродскому суду вызвать обвиняемыхъ владѣльцевъ и разобрать дѣло. Однакоже владѣльцы, которымъ гродскій судъ отправилъ свои «позвы», въ большинствѣ своемъ отказались принять ихъ, выставивъ противъ нихъ формальныя возраженія. Попутно, впрочемъ, они дали и нѣкоторыя объясненія по существу — объясненія, сводившіяся къ тому, что козаки, о которыхъ шла рѣчь, поселились на ихъ владѣльческихъ земляхъ и въ ихъ «подданствѣ» добровольно въ силу своей бѣдности, не дающей имъ возможности отбывать козацкую службу. Такъ, жена коллежскаго ассессора Закревскаго, Анна, показала, что отъ пріема ею въ свое «подданство» Прокопа Панченка «ни по нарядамъ въ службѣ козачой, ни въ отдачѣ квартальныхъ денегъ умаленія слѣдовать не можетъ, потому что онъ, Панченко, для отправленія всего того двохъ родныхъ своихъ братовъ въ с. Шостовицѣ подъ оною жъ слабинскою сотнею и въ той же одной хатѣ, въ которой и самъ съ ними совмѣстно проживалъ, оставилъ, по причинѣ той, яко ему, Панченку, съ оными братьями его совмѣстно прожить въ ихъ одной только хатѣ такой, до которой и малѣйшаго надлежащого необходимо къ хозяйству огородчика нѣтъ, и выстройку другой хаты вомѣстить при оной вовсе неудобно, и словомъ сказать: столько всей ихъ тамо земли, сколько жилая ихъ одна хата осягнуть могла, хлѣбопахатной же земли вовсе не имѣючи». Въ такихъ условіяхъ Панченко, по словамъ Закревской, «лишился и самого дневного препитанія, а затѣмъ онъ, Панченко, прошлаго 776 года у отвѣтчицыно владѣніе въ деревню ей Жоведь для прожитія и сысканія нужныхъ его недостатковъ и упросился». Принятъ онъ, какъ свободный и «вѣстимый» по близости человѣкъ, «яко жъ переходъ свой учинилъ чрезъ изнищалость нужды ради, да онъ же, Панченко, не только свободный человѣкъ, но и козачого званія, службою же козачею по неимѣнію козачей для прожитія и снабдѣнія себе земли не обовязанъ, ибо въ Малой Россіи служба козачая не отъ одной только персоны, но съ козачого недвижимого имѣнія производится». Приблизительно такія же объясненія дали и другіе владѣльцы. Два брата Приходки — писала, напримѣръ, Селецкая — жили сперва на своемъ дворѣ, «а когда сталъ недородъ въ хлѣбѣ, то не могучи въ скудное время препи-

тать себе изъ семействомъ, поелику они только имѣли въ себе одинъ дворикъ, занимая въ мене хлѣбъ и деньги для препитанія по крайней своей нуждѣ, перейшли ко мнѣ въ Коровель, гдѣ они, нашедъ для себя всякія выгоды и въ такое время вспоможеніе во всемъ нужномъ, и остались», продавъ свой шостовицкій дворъ козаку. «Хотя бы требуемые Приходки — писала въ другой разъ Селецкая суду, отказываясь принять его «позовъ», — и отправлены отъ меня были, то куда пойдутъ на жительство, когда въ нихъ нигдѣ никакого недвижимого имѣнія нѣтъ? и какъ службы козачей взыскивать отъ нихъ, неимущихъ ниже къ прожитію своему хаты?» [1]).

Эти недоумѣнные вопросы, задававшіеся помѣщицей, отъ которой требовали освобожденія захваченныхъ ею въ «подданство» козаковъ, въ сущности били въ самый центръ создавшагося положенія, какъ нельзя болѣе наглядно освѣщая всю непрочность такого освобожденія во многихъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вовлеченіе козаковъ во владѣльческое «подданство» являлось результатомъ не столько прямыхъ насилій владѣльцевъ, сколько ихъ экономической мощи и хозяйственной несостоятельности значительной части козачества, и, пока эти основныя причины оставались неустраненными, а вмѣстѣ съ тѣмъ посполитые не были отдѣлены какимъ-либо совершенно непереходимымъ рубежомъ отъ козаковъ, переходъ изъ козачества въ посполььство былъ неизбѣжнымъ явленіемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ прямого послѣдствія существованія такого перехода создавалось то «смѣшеніе» различныхъ группъ населенія, на которое такъ горько жаловались во второй половинѣ XVIII вѣка высшія административныя учрежденія Малороссіи.

Это смѣшеніе, существовавшее рядомъ съ сильно продвинувшимся уже впередъ обособленіемъ посполььства, было, дѣйствительно, очень велико, доходя до того, что близкіе родственники и свойственники не только нерѣдко оказывались въ различныхъ группахъ, но подчасъ даже попадали въ «подданство» одинъ къ другому. Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ всего лучше помогутъ намъ представить себѣ, какимъ путемъ получались подобные результаты и какое значеніе имѣли они въ общемъ ходѣ развитія общественныхъ отношеній.

Въ 1766 г. въ генеральномъ судѣ разбиралось дѣло по жало-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниговскаго уѣзднаго суда, оп. 1, св. 9, № 191.

бѣ жителя с. Лобковъ въ Стародубовскомъ полку Ивана Шевченка на значковаго товарища Василія Гетуна. Въ свой жалобѣ Шевченко утверждалъ, что его отецъ женился на сестрѣ козаковъ Гетуновъ и вошелъ въ ихъ дворъ, съ условіемъ, что они дадутъ ему въ с. Лобкахъ «чвертку грунту съ селидебнымъ мѣстомъ и съ угодіи». Перовначально условіе это было выполнено и, по словамъ Шевченка, «отецъ его, въ реченыхъ Гетуновъ домѣ живучи, отбувалъ обще за ихъ, Гетуновъ, козачую службу, а когда между ними, Гетунами, роздѣлка въ грунтахъ учинена и имѣли они, Гетуны, въ полковомъ стародубовскомъ судѣ искъ, то отъ полкового суда объ оныхъ добрахъ слѣдовано и въ данной зъ суда полкового выписи оная чвертка къ спокойному владѣнію отцу его ствержена, и какъ оный отецъ, такъ и онъ, Шевченко, тою чверткою владѣли и владѣютъ спокойно, отбувая козачую службу, а прошлого 755 года во время сочиненія ревизіи значковый товарищъ Василь Гетунъ записалъ его, Шевченка, въ мужичую ревизію и съ того времени подвергаеть себѣ его во владѣніе». Отвѣчая на вопросы суда, Шевченко прибавилъ, что дѣдъ его жилъ въ Стародубѣ, но былъ-ли козакомъ, онъ не знаетъ; отецъ служилъ за Гетуновъ съ козаками лобковскаго куреня; самъ онъ «нигдѣ въ походахъ не былъ, только съ того грунту между козаками въ куренѣ лобковскомъ платилъ общенародныя повинности и въ отбуваніи ими, Гетунами, козачей службы дачею своихъ лошадей и протчіимъ чинилъ вспомоществованіе». Генеральный судъ, разобравшись въ этихъ показаніяхъ, нашелъ, что истецъ Шевченко козачества своего не доказалъ «и онъ, истецъ, живетъ на грунтѣ показанного Гетуна, на которій никакова укрѣпленія или уступки не имѣлъ и не имѣетъ, да хотя бы и имѣлъ, но въ силѣ артикула 26 роздѣла 3 владѣть имъ, яко посполитого званія человѣкъ, не долженъ». На этомъ основаніи судъ приговорилъ Шевченка оставаться посполитымъ Гетуна [1]).

Мелкій и незначительный на первый взглядъ, этотъ эпизодъ въ дѣйствительности ярко отразилъ въ себѣ ту глубокую перемѣну, какая произошла въ складѣ малорусскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка. Были-ли Иванъ Шевченко и его отецъ по своему происхожденію козаками или посполитыми, для Гетуновъ они первоначально, во всякомъ случаѣ, были родственниками, принятыми на общее хозяйство и привлеченными къ уча-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., Дѣла упраздн. црмс. м., Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 29, кн. 91, дѣло 74, лл. 601—2.

стію въ отбываніи съ него общей службы. Но все усиливавшееся обособленіе посполъства отъ козачества дало возможность замѣнить эти родственныя отношенія другими — отношеніями частной зависимости — и такая замѣна совершилась чрезвычайно просто. Тотъ родственникъ, во дворѣ котораго жилъ Иванъ Шевченко, записалъ его въ ревизію своимъ посполитымъ и судъ призналъ правомѣрность и силу этой записи. Такъ одинъ изъ родственниковъ сталъ «паномъ», другой — его «подданнымъ».

Это не было исключеніемъ и то, что случилось съ Иваномъ Шевченкомъ, повторялось нерѣдко и съ лицами, происхожденіе которыхъ отъ козаковъ не вызывало никакихъ сомнѣній. Въ 1768 г. козакъ Николай Ященко жаловался, напримѣръ, что при жизни своего брата Андрея Чечеля онъ вмѣстѣ съ нимъ владѣлъ имѣніемъ ихъ покойнаго отца, значковаго товарища Ивана Чечеля, въ с. Голубичахъ, а теперь вдова брата не допускаетъ его къ владѣнію и даже въ своей вѣдомости, поданной въ коммиссію составленія генеральной описи, записала его въ число своихъ посполитыхъ [1]). Нѣсколько раньше въ Полтавскомъ полку имѣлъ мѣсто еще болѣе эффектный случай. Войсковой товарищъ Левенецъ жаловался въ 1763 г. гетману Разумовскому на полковника Горленка, который, питая злобу къ нему, Левенцу, всячески старается раззорить его. Въ этомъ стараніи полковникъ — писалъ Левенецъ — «определилъ вдругъ прямо в значковіе товарищи в селѣ моемъ Гавронцахъ жителствующихъ 18 человѣка, прозиваемихъ Киліяненковъ, Савенковъ и Лукяненковъ, такихъ людей, кои, имѣя за собою владѣлческія земли, жили какъ за прежде бившими оного села владѣлцами, такъ напослѣдокъ и въ моемъ владѣніи, и в ревизіи посполитскіе писались». «Оніе же опредѣленніе г. полковникомъ в значковіе товарищи люде — прибавлялъ Левенецъ — малѣйшей к тому способности не имѣютъ, потому что нѣкоторіе с нихъ стары, а другіе малолѣтніе и дѣти, никоего прибору к службѣ в значковихъ товарищахъ не имѣютъ и имѣть такъ достойно, какъ значковому товарищу надлежитъ, за своимъ убожествомъ не могутъ, а сверхъ того не грамотніе и вовся невѣжливи и в службѣ войсковой нигде не бываліе, и затѣмъ многіе с нихъ сами того званія не желали». Полковникъ однакоже объяснилъ гетману свой необычный поступокъ. По словамъ Горленка, произведенные имъ въ значковые товарищи въ с. Гаврон-

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9.

цахъ 18 человѣкъ были, какъ онъ убѣдился изъ доношенія одного изъ нихъ, правнуками полтавскаго полковника Леонтія Черняка и внуками его сына Савы. Болѣе вліятельные родственники оттѣснили потомковъ Савы отъ владѣнія пожалованными Леонтію Черняку имѣніями и «хочай ихъ свойственниками почитали, но не токмо до владѣнія ихъ не допустили и въ люде не вывели, но и природной фамиліи ихъ лишили», а «напослѣдокъ ввели ихъ въ ревизію посполитую подданними своими», почему они и попали въ концѣ концовъ въ посполитые Левенца. Убѣдившись въ этомъ, Горленко, какъ сообщалъ онъ гетману, и рѣшился произвести всѣхъ этихъ потомковъ Черняка, находившихся «въ подданическомъ порабощеніи», въ значковые товарищи [1]).

Это смѣшеніе различныхъ группъ населенія — смѣшеніе, при которомъ потомки полковника порою опускались въ положеніе посполитыхъ, среди членовъ одной и той же семьи оказывались такія различныя по своему мѣсту въ обществѣ лица, какъ сотенный писарь, сотенный хоружій и подсусѣдокъ [2]), а рядовые козаки то и дѣло попадали въ «подданство» къ своимъ болѣе удачливымъ товарищамъ, пробравшимся въ старшину, притомъ иной разъ даже къ своимъ же родственникамъ, — по существу однакоже имѣло односторонній характеръ. Если козаки, не смотря на всѣ запрещенія властей, и во второй половинѣ XVIII вѣка переходили и переводились владѣльцами въ посполъство, то посполитымъ въ эту пору лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ удавалось проникать въ ряды козачества, да и то эти случаи вызывали ревнивую тревогу властей, которыя изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, и жаловались на «смѣшеніе» разныхъ слоевъ населенія. Стремясь охранить владѣльческіе интересы, поскольку они могли пострадать отъ такого смѣшенія разныхъ общественныхъ группъ, власти поэтому прежде всего старались создать возможно бо̀льшую обособленность посполъства. Но за извѣстными предѣлами такая обособленность неизбѣжно должна была создать и непере-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. 61. Разумовскій, получивъ жалобу Левенца и донесеніе Горленка, поручилъ находившимся при сочиненіи ревизіи въ Полтавскомъ полку бунчуковымъ товарищамъ Полуботку и Даровскому освидѣтельствовать всѣхъ 18 вновь назначенныхъ значковыхъ товарищей: «яко намъ небезпотребно вѣдать,— писалъ гетманъ — такъ ли суть стары, малолѣтнии, невѣжи и к службѣ неспособные и имуществомъ несостоятельние, какъ от войскового товарища Левенця представлено намъ». Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи архивныхъ бумагъ не видно.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, описи дд. Чепѣговки и Масловки.

ходимую грань между поспольствомъ и другими группами населенія. Такъ оно и вышло на дѣлѣ. Екатерининскій указъ 3 мая 1783 г., осуществившій мечты малорусскихъ державцевъ и завершившій дѣло прикрѣпленія поспольства, окончательно обособилъ это поспольство и этотъ же указъ положилъ конецъ переходамъ козаковъ въ посполитые. Вѣковой процессъ образованія крестьянскаго сословія этимъ указомъ закончился и поспольство лѣвобережной Малороссіи, поглотившее въ себѣ немалую часть козачества, съ этого момента вступило въ новую фазу своей исторіи, принявъ видъ замкнутой сословной группы крѣпостного крестьянства.

СОДЕРЖАНІЕ

	$
Мякотин В. А.: А. С. Пушкин и декабристы	0.18
Ремизов А. М.: Зга. Рассказы	0.93
Розенберг В. А.: Из истории русской печати	0.75
Русская зарубежная книга. Вып. I-й. Ч. I и II	0.90
Толстой Л. Л., гр.: В Ясной Поляне	0.17
Тэффи Н.: Вечерний день. Рассказы	0.45
Францев В. А.: Державин у славян	0.90
Форслунд К. Э.: Зунзунг и Зингилла. Романы из жизни животных	0.36
Цветаева Марина. Молодец (Сказка)	0.54
Чапек К.: R. U. R.	0.60
Шмелев И. С.: Неупиваемая чаша и др. рассказы	0.60
Вестфаль Ларисса: В чужой стороне... (стихи)	0.30
Гаршин В.: Надежда Николаевна	0.24
Гоголь Н. В.: Страшная месть	0.12
Достоевский Ф. Неточка Незванова	0.30
Каррик В. Сказки-картинки — шесть книжек по	0.08
Каррик В. Сказки-картинки — в одном томике	0.24

	$
Короленко В.: Письма к Луначарскому	0.06
Мельникова-Папоушкова Н. Ф.: Антология русской поэзии XX в., ч. I	0.27
То же, ч. II. Новая поэзия	0.36
Мережковский Д. С. Тайна трех.	1.20
Мережковский Д. С. Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Роман	0.75
Пушкин А. Капитанская дочка	0.30
Пушкин А. Дубровский	0.24
Пушкин А. Борис Годунов	0.17
Пушкин А. Пиковая дама	0.09
„Русские народные сказки“: Том. I, с многочисленн. рисунками	0.17
„Русские народные сказки“: Том II, с многочисленн. рисунками	0.18
Салтыков-Щедрин М. Сказки I	0.09
Салтыков-Щедрин М. Сказки II	0.09
Сказка о Жар-Птице (Издание с ударениями)	0.05
Соколов Б. Мятеж или искание	0.54
Тургенев И. Рудин	0.19
Тургенев И. Бирюк. Пожар на море	0.07
Чехов А. Вишневый сад	0.18

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА

Водовозов В. В. Новая Европа	3.30
Гертнер Ф. О. О деньгах и обесценении денег	0.55
Головин Н. Н., ген. Тихоокеанская проблема в XX столетии	1.05
Дионео: Англия после войны	0.75
Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности	3.30
Масарик Т. Г. О большевизме	0.18
Мельгунов С. П. Красный террор в России, изд. 2-ое	0.90
Право Советской России. Сборник статей. Вып. I	2.25
Вып. II	2.10
Радль Э., проф. Т. Масарик, его жизнь, общественная и научная деятельность	0.27
Тотомианц В., проф. Кооперация в России	0.55
Ученые записки. Т. I, вып. III. Общественные знания	1.35
Циммерман М. А. Очерки нового международного права	1.50

V. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, ТЕХНИКА И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

	$
Вальден П. И., О хим. элементах	0.90
Головин Н., ген. Танки в минувшую войну и будущую	0.60
Классен Ф. Г. Технология рыбных продуктов	2.40
Лепешкин В. В., проф.: Организм с точки зрения физики и химии, № 1	0.30
Маракуев С. В. Нач. основания математ. анализа	1.05
Новиков М. М., проф. *и Шкафф Б. А.*, прив.-доц. Невидимые друзья и враги животного организма, № 2	0.30
Одинцов Б. Н. Орг. вещ. почвы и их влияние на плодородие почвы, № 3—4	0.60
Стратонов В. В., проф. По небесному океану	0.30
Стратонов В. В., проф. Дневное светило	0.36
Стратонов В. В., проф. Земной шар	0.36
Стратонов В. В., проф. Движения земли.	0.45
Ученые записки. Том II, вып. I. Математические знания	3.30
Эрисман, проф. Мыслят ли животныя?	0.15

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧЕБНИКИ

Буттер О. и *Доразил В.* Чехословацкая Республика	1.65
Всеславянский календарь „Пламя“ на 1926 г.	0.50
Карцевский С. И. Русский язык. Грамматика. Ч. I.	0.42
Морковина Б. В. Чешско-русский словарь	1.35
Морковин Б. В. Первая книга для чтения „Наша Речь“ (изд. с ударениями)	0.18
Русская зарубежная книга. Вып. I, ч. II	0.45
Русский букварь по Вахтерову: Изд. 2-ое, с ударениями	0.18
Фан-дер-Флит А. П., проф. Арифметика приближенных чисел	0.20

VII. ИСКУССТВО

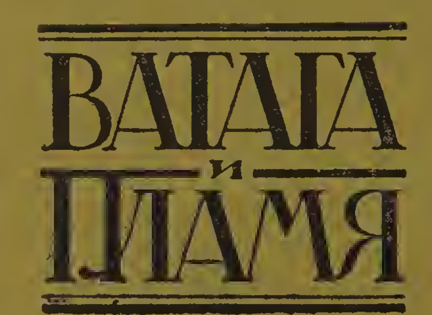
„Артисты Московского Художественного Театра за рубежом“	1.20
Зноско-Боровский Е. В. Русский театр начала XX в.	1.95
Кизеветтер А. А. М. С. Щепкин	0.60
Кундера Чешская музыка	0.03
Маковский С. К. „Силуэты русских художников“	1.20
„Народное искусство Подкарпатской Руси“. Текст С. К. Маковского. Художественное издание со множеством многоцветных и автотип. иллюстр. на бумаге „Шамоа“. Русское издание	20.00
Чешское издание	20.00
Английское издание	20.00
Французское издание	20.00

VIII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

„Вестник Крестьянской России“, I	0.10
„Военный Сборник“. Кн. VI	0.90
„Воля России“. Кн. V	0.50
„Записки Наблюдателя“. Кн. I	1.—
„Записки Института Изучения России № 1	0.90
„Искусство Славян“. Кн. III	0.45
„Кавказский Горец“. Кн. II—III	0.60
„Казачья Лава“. Кн. IV	0.10
„Казачий Сполох“. Кн. 4—5	0.15
„Кооперация и Сельское Хозяйство“. Кн. II	0.75
„Местное Самоуправление“. Кн. II	1.05
„На Чужой Стороне“. Кн. X	1.20
„Революционная Россия“. Кн. 42.	0.18
„Русская Зарубежная Книга“. В. I ч. I и II по	0.45
„Русская Школа за рубежом“. Кн. 12	0.45
„Русский Экономический Сборник“. Кн. II	0.90
„Своими Путями“. Кн. 5	0.15
„Современные Записки“. Кн. XXIII	0.90
„Студенческие Годы“. Кн. I	0.15
„Книжный указатель“ №№ 1, 2, 3 и 4 по	0.06

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 22396 2140

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
[redacted]

Складъ изданія:
,,PLAMJA"
Praha II, Ječná ul. 32.

,,RODINA"
Berlin W 50, Regensbürgerstrasse 13.

Печатано въ
,,LEGIOGRAFII" Praha-Vršovice, Sámova 665.